ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА
ВИЛЬНА
1869.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VII,—1869.

КНИЖКА III.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи, противъ губернскаго правленія.

1869.

Дозволено цензурою 1-го апрѣля 1869 г. Вильна.

I.

№ 3.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ И УНІИ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Дарственная запись князя Константина Острожскаго трехъ населенныхъ имѣній для виленской митрополичьей Пречистенской церкви. 1522 г.

(Переводъ съ латинскаго).

Во имя Господне. Аминь. Для вѣчной памяти. Поелику дѣла человѣческія весьма легко забываются и даже погибаютъ, если память объ нихъ не сохранится въ какомъ нибудь оффиціальномъ документѣ, посему мы Сигизмундъ, Божіею милостію король польскій, великій князь литовскій, прусскій и пр., государь и наслѣдникъ, симъ объявляемъ всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что его свѣтлость, любезный намъ Константинъ Ивановичъ, князь Острожскій, воевода троцкій, гетманъ Вел. Кн. Литовскаго, староста браславскій и винницкій, ставши лично передъ нами, представилъ свою дарственную

скрѣпленную его печатью, запись, на русскомъ языкѣ, трехъ своихъ дворовъ Шешали, Крошты и Свираны честному отцу Іосифу, нынѣшнему митрополиту кіевскому и его преемникамъ митрополитамъ и соборной митрополитальной церкви греческаго обряда, во имя Успенія Пречистой Дѣвы Маріи, Матери Божіей, въ городѣ нашемъ Вильнѣ, недавно имъ возобновленной, и просилъ насъ, чтобы мы, какъ эту дарственную запись вышеупомянутыхъ дворовъ, такъ и фундацію двухъ боковыхъ придѣловъ въ вышеупомянутой церкви и распоряженіе его относительно этихъ придѣловъ, изложенное имъ въ той же записи, и вообще все, что только содержится въ этой записи,—чтобы мы своею королевскою властью все это одобрили, утвердили и конфирмовали. Запись эта, переведенная съ русскаго языка на латинскій, отъ слова до слова есть слѣдующая.

Я князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, воевода трокскій, староста браславскій и винницкій, гетманъ Вел. Кн. Литовскаго, съ женою моею Татьяною Семеновною Гольшанскою и съ сыномъ нашимъ Ильею. Объявляемъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ, кто на него посмотритъ или услышитъ, настоящимъ и будущимъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что мы, желая увѣковѣчить память о душахъ нашихъ и нашихъ предковъ, дали и подарили и добровольно записали симъ листомъ нашимъ на церковь Божію митрополитальную во имя Успенія Пресвятой Богородицы въ Вильнѣ, на митрополію кіевскую, галицкую и всея Руси, имѣніе наше дворъ, извѣстный подъ названіемъ Шешали, и дворецъ къ нему принадлежащій, Крошты, и еще дворъ, въ трехъ миляхъ отъ Вильни, Свираны, съ боярами и съ людьми служебными и тяглыми, съ землями пахатными и бортными, съ лугами, рощами, лесами, дубровами и гаями, съ озерами и рѣками, съ *дяклами* пшеничными, ржаными и ов-

сяными, съ данями грошовыми, медовыми и куничными, съ прудами, мельницами и съ ихъ вымелками и со всѣмъ тѣмъ, какъ и что съ давнихъ временъ было въ этихъ имѣніяхъ въ ихъ предѣлахъ и въ обиходѣ, и какъ держалъ ихъ дѣдъ моей жены князь Георгій, и отецъ жены моей, князь Семенъ, и послѣ нихъ какъ мы сами держали, со всѣми людьми и землями принадлежащими къ упомянутому двору Свираны, ничего не оставляя для насъ самихъ и для нашихъ потомковъ, а его милость господинъ и отецъ нашъ архіепископъ, нареченный Іосифъ митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Руси, также и преемники его митрополиты, должны держать въ своихъ рукахъ вышеупомянутыя имѣнія, пожалованныя митрополіи кіевской, имѣютъ они также право на вѣки ненарушимое получать на себя содержаніе и пользоваться доходами съ этихъ имѣній;—тѣ же вышеупомянутыя имѣнія пожаловалъ я также и на церковь Божію на томъ основаніи, что я намѣренъ былъ даровать той же церкви свое родовое имѣніе, но разсудивши и то, что сынъ нашъ Илья изъ моего рода и моей жены всего только одинъ, и потому эти имѣнія по смерти матери также перейдутъ къ нему по наслѣдству, какъ и мои родовыя. Намѣрены мы также въ вышеупомянутой митрополитальной, недавно возобновленной церкви въ Вильнѣ, устроить около первыхъ боковыхъ столбовъ два придѣла, посему его милость господинъ и отецъ нашъ архіепископъ Іосифъ, нареченный митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Руси и его преемники митрополиты при каждомъ изъ этихъ двухъ придѣловъ обязаны содержать изъ доходовъ этихъ имѣній по два священника и по одному діакону, съ тѣмъ, чтобы они ежедневно совершали службу Божію у этихъ придѣловъ и господа Бога молили о нашемъ благосостояніи и предковъ нашихъ вѣчно поминали здѣсь

слѣдующимъ образомъ: большое поминовеніе, или такъ называемый *помянникъ*, поручаемъ мы господину митрополиту, съ тѣмъ, чтобы этотъ помянникъ ежедневно читался у обоихъ придѣловъ въ то время, когда совершается проскомидія на литургіи; малое поминовеніе должно читаться на всѣхъ литіяхъ во время литургіи послѣ евангелія и причастна, и каждую субботу на вечернемъ и утреннемъ богослуженіи обязаны тѣ четыре священника и два діакона пѣть по одной панихидѣ предъ каждымъ изъ вышеупомянутыхъ двухъ придѣловъ, и на тѣхъ же панихидахъ большое поминовеніе должно быть читано у большаго алтаря въ митрополитальной церкви, а его милость господинъ митрополитъ нынѣшній и его преемники должны постановить, чтобы эти поминовенія душъ какъ нашихъ предковъ, такъ моей и моихъ преемниковъ, по обычаю совершались ежедневно; кромѣ того ихъ милость отцы митрополиты могутъ пользоваться доходами съ этихъ имѣній и должны держать ихъ въ своихъ рукахъ, а если кто изъ нихъ захочетъ построить каменный домъ въ которомъ нибудь изъ этихъ имѣній, или же, если послѣ этой нашей дарственной записи этихъ имѣній на церковь Божію, пожелаетъ кто изъ нихъ отторгнуть отъ этихъ имѣній людей, земли, озера и чтобы то ни было, тогда мы, какъ колляторъ этихъ имѣній, должны воспротивиться сему, а послѣ нашей жизни долженъ наблюдать за этимъ нашъ сынъ, его дѣти и наслѣдники, особенно же должны наблюдать, чтобы въ этой церкви Божіей не было никакихъ злоупотребленій, и послѣ моей смерти и моей жены имена наши и всѣхъ нашихъ родичей, родственниковъ и наслѣдниковъ нашихъ въ ближайшемъ колѣнѣ, должны быть вписаны въ помянникъ безъ всякой платы или какого-бы то ни было вознагражденія и поминаться какъ предъ этими двумя придѣлами, такъ и

предъ большимъ алтаремъ, а сынъ нашъ Илья и его преемники должны позаботиться о томъ, чтобы въ этой церкви постоянно совершались молитвы ко господу Богу объ ихъ благосостояніи и чтобы послѣ смерти нашей совершалась память о душахъ нашихъ, и чтобы священники и діаконы совершали службу Божію у вышеупомянутыхъ придѣловъ, какъ выше описано въ настоящемъ листѣ. Если же господинъ митрополитъ нынѣшній или преемники его не захотятъ поступать такъ, какъ описано въ этомъ листѣ, то мы даемъ право нашему сыну Ильѣ взять эти имѣнія въ свои руки и отъ себя, на доходы отъ этихъ имѣній, содержать для этихъ двухъ придѣловъ четырехъ священниковъ и двухъ діаконовъ, долженъ также назначить извѣстную часть доходовъ съ тѣхъ же имѣній для клирошанъ большаго алтаря тойже митрополитальной церкви, съ тѣмъ, чтобы ежедневно читались вышеупомянутыя поминовенія и память о душахъ нашихъ совершалась, и вообще все совершалось такъ, какъ выше описано въ нашемъ листѣ. А когда милосердый Богъ прекратитъ дни жизни нашего сына и дастъ ему потомка, тогда дѣти его должны наблюдать за этимъ. А если сынъ нашъ не будетъ имѣть потомка, то наши родственники или наслѣдники, которымъ достанутся наши родовыя имѣнія, должны прилежно наблюдать за тѣмъ, чтобы все вообще и въ частности исполнялось такъ, какъ выше описано въ этомъ листѣ, и если кто изъ митрополитовъ не захочетъ поступать такъ, то симъ же листомъ нашимъ даемъ имъ (родственникамъ) право взять эти имѣнія въ свои руки и содержать этихъ священниковъ и діаконовъ для вышеупомянутыхъ двухъ придѣловъ, и вообще во всемъ поступать такъ, какъ выше прописано въ настоящемъ нашемъ листѣ, а также согласно съ обязательствомъ, которое дастъ на письмѣ его милость митрополитъ

за себя и за своихъ преемниковъ, какъ онъ самъ и его преемники должны поступать въ данномъ случаѣ, а его милость нынѣшній митрополитъ и его преемники должны поступать такъ, какъ описано въ этой нашей записи. А если кто осмѣлится отнять отъ церкви Божіей эти имѣнія, тотъ станетъ съ нами на судъ предъ милосердымъ Богомъ и праведнымъ Судьею на страшномъ судѣ Христовомъ и да будетъ на немъ клятва и неблагословеніе святыхъ отецъ собора трехсотъ восемнадцати, бывшаго въ Никеѣ, да будетъ онъ сопричтенъ къ Арію, Несторію, Савеллію и ихъ единомышленникамъ. А для большей вѣрности и ненарушимости мы привѣсили печать нашу къ этой записи. Писанъ въ Вильнѣ, тысяча пятсотъ двадцать втораго (1522) года, мѣсяца іюня 22 дня. Индикта 10-го.

И такъ мы Сигизмундъ, король польскій и великій князь литовскій, удовлетворяя просьбѣ, желанію и обѣтамъ князя Константина и считая для насъ пріятнымъ оный даръ упомянутыхъ дворовъ нынѣшнему и будущимъ митрополитамъ кіевскимъ и галицкимъ и на церковь вышеупомянутую Успенія Пресвятой Дѣвы Маріи въ городѣ нашемъ Вильнѣ, греческаго обряда, равно какъ и фундацію двухъ придѣловъ съ тѣмъ, чтобы предъ ними совершалась служба Божія въ томъ порядкѣ, согласно волѣ князя Константина, какъ это описано въ вышеупомянутой записи, каковую запись, и все что въ ней заключается вообще и въ частности, во всѣхъ ея частяхъ, артикулахъ и пунктахъ, одобрили и утвердили, одобряемъ и утверждаемъ, и вышеупомянутые дворы причисляемъ, присоединяемъ, и передаемъ въ собственность нынѣшнему митрополиту и его преемникамъ митрополитамъ кіевскимъ и ихъ митрополитальной церкви въ Вильнѣ, повелѣваемъ также, чтобы эти

дворы были и считались отъ нынѣ церковными и пользовались тѣми правами и преимуществами, какими пользуются всѣ имѣнія вышеупомянутаго митрополита и его церквей митрополитальныхъ, на вѣчныя времена. Для удостовѣренія чего привѣшена къ этой грамотѣ наша королевская печать. Данъ въ Вильнѣ, въ ближайшую субботу предъ праздникомъ рожденія Іоанна Крестителя. Тысяча пятсотъ двадцать второго (1522) года.

Присутствовали при этомъ, въ качествѣ свидѣтелей, велебные и великоименнитые отцы Іоаннъ епископъ виленскій, Николай Вашевичовичъ епископъ мѣдницкій, Іоаннъ Филиповичъ кіевскій епископъ, Альбертъ Гаштольдъ воевода виленскій, Станиславъ Яновичъ каштелянъ виленскій, воевода самогитскій, Юрій Радзивилъ староста гродненскій, Иванъ Забржезинскій маршалокъ Вел. Кн. Литовскаго, Юрій Глиницъ, маршалокъ двора нашего, староста брестскій и лидскій и многіе другіе придворные чины.

Выданъ по повелѣнію его королевскаго величества.

2.

Извлеченіе изъ метрикъ канцеляріи Вел. Кн. Литовскаго признанія секретаря королевскаго Матѳея Протасевича Островскаго договора его съ митрополитомъ Онисифоромъ, относительно имѣнія митрополитальнаго Шешали и Крошты, которыми онъ владѣлъ по смерти отца своего митроп. Іоны. 1579 г.

(Переводъ изъ древле-русскаго).

Августъ III, Божіею милостію король польскій и пр.

Объявляемъ симъ, что въ метрическихъ книгахъ канцеляріи нашей Вел. Кн. Литовскаго находится признаніе секретаря его королевской милости г. Матѳея Протасовича Островскаго, заключеннаго имъ договора съ отцомъ Онисифоромъ, нареченнымъ митрополитомъ кіевскимъ, относительно имѣнія митрополитальнаго Шешали, Крошты—Користи, которыми онъ владѣлъ по отцѣ своемъ, митрополитѣ бывшемъ Іонѣ, а также относительно арендкаго содержанія имъ въ теченіи одного года тоже митрополитальнаго имѣнія Ваки,— признанія сдѣланнаго еще во времена предшественника нашего пресвѣтлѣйшаго короля Стефана въ тысяча пятсотъ семдесятъ девятомъ, мѣсяца іюня 19 дня. И просили насъ чрезъ пановъ раду и чиновниковъ при насъ состоящихъ, чтобы мы изволили выдать это празнаніе въ извлеченіи изъ книгъ метрикъ канцеляріи нашей Вел. Кн. Литовскаго, которое отъ слова до слова выписывая по русски такъ гласитъ: Лѣта Божаго Нароженя тысяча пятьсотъ семдесятъ девятого мца іюня девятнадцатого дня. Господарь король его милость польскій и великій князь литовскій Стефанъ рачилъ росказати до книгъ своихъ канцлерейскихъ записати, ижъ постановившисе очевисто у книгъ господарскихъ канцлерейскихъ секретарь его королевское милости панъ Матѳей Ивановичъ Протасевичъ Островскій и поведалъ и доброволью сознаваъ тыми словы, што которое имѣня ку митрополи кіевской и галицкой всея Руси прислухаючіе прозываемые Шешали, Крошты-Користи, въ восводствѣ виленскомъ лежачіе, онъ по смерти зешлаго архіепископа митрополита кіевскаго, галицкаго и всея Руси отца Іоны, отца своего рожонаго, за певнымъ правомъ своимъ на которое отзываючи ажъ до сего часу держалъ, тогды будучи отъ его королевское милости мандатомъ о непоступене тыхъ именей теперешнему наречоному ар-

хіепископу митрополиту кіевскому, галицкому и всея Руси о. Онисифору припозванъ учинилъ застановене съ помененымъ отцомъ Онисифоромъ тымъ способомъ, ижъ ему тые звыжъ описаные имѣня въ повѣтѣ виленскомъ лежачіе, т. е. дворъ Шешали съ будованемъ дворнымъ, также съ бояри, съ людьми тяглыми, съ грунтами, съ боры, лѣсы, гаи, сѣножатми и зо всимъ яко ся тые имѣня помененыя сами въ собѣ сдавна и теперь маютъ черезъ дворанина его королевской милости, который бы о. митрополиту на тую справу приданъ былъ упустити призволилъ, а которые бы листы правные коло обороны тыхъ имѣній и грунтовъ къ нимъ належачихъ при нимъ зостали, тые таковые листы у права о. митрополиту отдати маетъ, якожъ съ другое стороны отъ пререченаго о. Онисифора митрополита умоцованы пріятель его панъ Немера за моцою зуполною до тое справы яко до права такъ и до угоды и до застанавеня въ той речи съ помененымъ паномъ секретаремъ па письмѣ его даную и при нимъ служебники о. митрополита Григорій Хорельскій, Левонъ Ивановичъ, а Иванъ Пилецкій за злеценемъ и моцою зуполною и именемъ преречонаго о. Онисифора, митрополита кіевскаго, галицкаго и всея Руси также сознане учинили, ижъ отецъ митрополитъ имѣне Вацкое тежъ ку митропольству кіевскому, галицкому и всея Руси прислухаючое въ повѣтѣ виленскомъ и троцкомъ надъ рѣкою Вакою лежачое съ будованемъ дворнымъ, съ людьми тяглыми и съ огородниками и со всими грунты и пожитками но разныхъ мѣстцахъ лежачими и зо всимъ на усе якосе тое имѣне сдавна само въ себѣ маетъ, зарендовалъ ему на годъ цѣлый полный, который се почати маетъ отъ свята св. Яна Хрестителя, которое будетъ мѣсяца іюня 24 дня, въ семъ же року семдесятъ девятомъ за певную сумму пенезей за двадцать четыре копы грошей литовскихъ,

а рокъ той арендѣ высти маетъ въ року тысяча пятсотъ осмдесятомъ на таковоежъ свято вышей помененое на который рокъ выстя тое аренды помененое имѣне Ваку зъ тымъ всимъ, яко отъ отца митрополита онъ взялъ водлугъ реестру своего который ему далъ поступити обовязался а ку тому отецъ митрополитъ позволилъ ему зъ имѣня того своего користельскаго въ повѣтѣ виленскомъ лежачого дерева всякаго на будоване и дворъ на потребу до того двора Вацкаго черезъ весь тотъ годъ держеня его выштя аренды доброволне брати, якожъ и листъ записъ свой прേречоны панъ Матѳей о. митроиолиту въ той речи около аренды того имѣня Вацкого даный съ подписомъ руки и съ печатью своею показавши, въ которомъ ширей а достатечней то описано и доложено есть, просилъ абы тотъ записъ его для лепшое певности и вѣдомости до книгъ канцелерійскихъ былъ вписанъ.

И такъ мы король, удовлетворяя этой просьбѣ, приказали выдать требующей сторонѣ признаніе этого договора въ извлеченіи изъ книгъ канцеляріи нашей Вел. Кн. Литовскаго и для большей вѣрности приказали приложить печать Вел. К. Литовскаго. Данъ въ канцеляріи В. К. Литовскаго 24 дня, царствованія нашего XIV.

Подлинный на бумагѣ съ одною печатью. Подписалъ: Лев. Сапѣга канцлеръ.

3.

Письмо Льва Сапѣги о передачѣ въ арендное содержаніе трокской Георгіевской церкви съ землями и плацами ей принадлежащими Ивану Бомболю. 1631 г.

(Переводъ съ польскаго).

Левъ Сапѣга, виленскій воевода, великій гетманъ Великаго Княжества Литовскаго, брестскій, могилевскій староста.

Объявляю симъ моимъ письмомъ, что я поручалъ господину Яну Бомболю имѣть надсмотръ надъ церковью, которая находится между троцкими озерами на островѣ противъ болшаго троцкаго замка, и надъ пашнями, которыя издревле къ сей церкви принадлежали, съ предоставленіемъ ему права доходы съ этихъ земель обращать въ свою пользу. Лежатъ тѣ земли и островъ между озерами троцкими; на этой землѣ засѣвается хлѣба нѣсколько бочекъ; къ таковому грунту слѣдуетъ немалая часть съ лѣсами между грунтами его королевской милости, трокскому воеводству принадлежащими, и между грунтами его милости г. Яна Габріеля Гротовскаго, гродзскаго трокскаго судіи, а также между грунтами его милости ксендза Абрама Войны виленскаго епископа, изъ которыхъ грунтовъ обязанъ платить въ казнохранилище мое по четыре копъ литовскихъ всякій годъ, начинающійся 10 дня св. Мартина по римскимъ праздникамъ, въ нынѣшнемъ году тысяча шестьсотъ тридцать первомъ и эта уплата производима быть имѣетъ въ праздникъ св. Мартина, дастъ Богъ, въ будущемъ тысяча шестьсотъ тридцать второмъ году; по истеченіи же года предоставляется моему усмотрѣнію. Почему и выдалъ сіе мое письмо за печатью и подписью моей руки. Писанъ въ Вильнѣ,

мца іюля 18 числа, тысяча шестьсотъ тридцать перваго года.

М. П.

Лео Сапѣга воевода виленскій.

4.

Выпись реляціи трокскаго вознаго о насильномъ расхищеніи и опустошеніи земель и огородовъ, принадлежащихъ трокской архимандріи, произведенномъ Ѳаддеемъ Стравинскимъ, при содѣйствіи трокскихъ мѣщанъ, бурмистровъ, райцевъ и р.-католическихъ монаховъ. 1760 г.

(Переводъ съ польскаго).

Тысяча семьсотъ шестьдесятаго года мѣсяца іюня двадцать перваго числа.

На урядѣ его королевской милости гродскомъ трокскомъ предо мною Осипомъ Николаемъ де Ляссомъ Гернокольскимъ, старостою войскимъ и намѣстникомъ воеводства трокскаго, явясь лично ниже показанный возный, предъявилъ актъ произведеннаго имъ освидѣтельствованія, слѣдующаго содержанія: „Я возный его королевской милости, ниже собственноручно подписавшійся, сознаю сею моею докладною запискою о произведенномъ мною освидѣтельствованіи, что я въ присутствіи дворянъ гг. Ивана и Павла Завадзкихъ, въ настоящемъ тысяча семьсотъ шестьдесятомъ году, мѣсяца іюня въ девятнадцатый день, былъ приглашенъ о. Антоніемъ Любецкимъ Княжевичемъ, ордена св. ВасиліяВеликаго, ново-трокскимъ архимандритомъ, бѣлорусскимъ генеральнымъ оффиціаломъ, для осмот-

ра и обмежеванія какъ земель новотрокской архимандріи, такъ и находящихся вокругъ оныхъ другихъ участковъ. Прибывши на мѣсто, я возный съ поименованными дворянами видѣлъ слѣдующее: прежде всего, по требованію г. истца, видѣлъ я гору или землю, пожалованную трокской архимандріи блаженной памяти великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ; земля эта вспаханная и засѣянная рожью, была огорожена, но плетень истребленъ и разобранъ; яровые же огороды съ посѣвами, разнымъ скотомъ истреблены. Наконецъ, когда пошелъ я далѣе, по требованію дѣйствующей стороны для обмежеванія другаго куска земли тойже Витольдовой горы, то я видѣлъ эту землю вспаханною, на ней подѣланы межи для огородовъ и гряды. подобнымъ образомъ въ томъ же году на другой день послѣ двадцатаго іюня, видѣлъ я огородъ отъ большей виленской дороги вспаханный до самой резиденціи трокской архимандріи; а на спросъ мой, кѣмъ именно произведена означенная непристойность, насиліе, поруганя и нарушеніе права собственности, отвѣчали самъ о. новотрокскій архимандритъ и свидѣтели, что г. Ѳаддей Стравинскій войтъ и г. Ѳаддей Данилевичъ лянтвойтъ съ бургомистромъ, ратманами, лавниками и цѣлымъ мѣщанскимъ обществомъ, имена и прозванія коихъ болѣе имъ извѣстны, которые содѣйствовали ему къ причиненію обидъ, насилій, изгнаній и жестокости, въ чемъ содѣйствовалъ также пріоръ, іеремонахъ Николай Водынскій, богословія докторъ, который соединясь со всѣми новотрокскими монашествующими, выслалъ монастырскаго эконома іеремонаха Іакова Соколовскаго съ вооруженными юрисдичанами, кои съ пальбой, крикомъ, угрозами, насильно отобрали тогда эту землю въ свое владѣніе отъ трокской архимандріи. Означенные господа съ городомъ и о. прокураторъ съ своими юрисдичанами

насильно изгнали истца изъ его владѣній, пахали фундушевыя земли, истребляли и расхищали изгородь, отъ чего, на засѣянныхъ поляхъ посѣвы были потравлены разнымъ скотомъ, дѣлали также угрозы и похвалки, и вообще трудно высказать какія дѣлали беззаконія. И такъ я возный, что въ присутствіи выше показанныхъ дворянъ слышалъ и видѣлъ, то удовлетворяя общественному праву и моей вознаго обязанности, все вѣрно и справедливо, ради страха Божія, по совѣсти изложилъ я въ настоящемъ моемъ реляційномъ актѣ освидѣтельствованія границъ и таковой подписомъ моимъ скрѣпивъ подалъ для внесенія въ гродскія трокскія книги. Данъ тысяча семьсотъ шестьдесятаго года, мѣсяца іюня двадцатаго дня. У сей реляціи слѣдующая подпись: Иванъ Ивашкевичъ, его королевской милости возный главнаго трибунала Вел. Кн. Литовскаго. Таковой актъ освидѣтельствованія, по словесному личному заявленію вознаго, принятъ къ записи въ гродскія трокскія книги и вписанъ въ оныя, съ каковыхъ и настоящая выпись, съ приложеніемъ печати трокскаго гродскаго суда, требующей сторонѣ выдана. Происходило, какъ значится выше. Скрѣпилъ Танскій П. В. Тр.

II.

Очеркъ до историческаго времени малороссійскаго козачества.

Любопытно было бы знать, когда именно и по какой причинѣ одна и та же Россія стала называться, въ разныхъ своихъ частяхъ, *великою*, *малою*, *бѣлою* и *червоною*. Объ имени *малой* Россіи имѣется покамѣсть слѣдующее свѣдѣніе: это названіе въ первой разъ явилось въ 1335 году въ граматѣ князя галицкаго Георгія къ магистру Дитриху Альтенбургскому, въ которой онъ подписался „природнымъ княземъ всей *меньшой* Россіи, natus dux totius Russiae minoris“ *). Георгій былъ современникъ Гедимина, и чрезъ годъ послѣ этой грамоты умеръ. Вся *малая* Россія, или Галиція, скоро послѣ того подпала подъ непосредственную власть Польши, при ея королѣ Казимірѣ Великомъ; а прочими частями Малороссіи завладѣлъ Гедиминъ и потомъ сынъ его Ольгердъ, послѣ чего вся юго-западная Россія, по причинѣ литовской династіи своихъ князей, получила названіе Великаго Княжества Литовскаго.

Имя *меньшей*, или *малой* Россіи, естественно напоминаетъ о большей, или *великой* Россіи, и, очевидно, не прежде могло сдѣлаться общеупотребительнымъ, какъ послѣ раздѣленія Россіи на двѣ части, изъ которыхъ одна (великая) въ послѣдствіи времени была называема московскою Русью, а другая литов-

*) Вся эта грамата, слово въ слово, помѣщена въ примѣчаніи 365 къ IV тому И. Г. Р. Карамзина. Изд. 2.

скою. Грустно было такое раздѣленіе, пока обѣ половины опять не соединились въ одну Россію.

Въ древней Россіи, до погрома татарскаго, не было благодѣтельнаго единодержавія, и весь такъ называемый *удѣльный періодъ* былъ печальнымъ временемъ смутъ и междоусобій княжескихъ, а нерѣдко и самоуправства народнаго. Ежели новгородскіе славяне, призывая къ себѣ варяжскихъ князей, говорили имъ: *земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ*, то тѣже самыя слова должно повторить о Россіи и во все продолженіе удѣльнаго періода: не было въ ней порядка!— Въ сіе время пишетъ нашъ историкъ—западная Россія узнала еще новыхъ враговъ, опасныхъ и жестокихъ. Народъ литовскій, въ теченіе 150 лѣтъ подвластный ея князьямъ, дикій, бѣдный, платилъ имъ дань шкурами, даже лыками и вѣниками. Но непрестанныя наши междоусобія и слабость каждаго удѣла въ особенности, дали способъ литовцамъ не только освободиться отъ зависимости, но и тревожить набѣгами области россійскія. Трубя въ длинныя свои трубы, они садились на борзыхъ лѣсныхъ коней, и какъ дикіе звѣри стремились на добычу; жгли селенія, плѣняли жителей, и настигаемые отрядами воинскими, не хотѣли биться стѣною, но разсыпались во всѣ стороны, пускали стрѣлы издали, метали дротики, исчезали, и снова являлись.—Но сіи времена столь, кажется, несчастныя,—были златымъ вѣкомъ въ сравненіи съ послѣдующими. Настало время бѣдствія общаго, гораздо ужаснѣйшаго, которое, изнуривъ государство, поглотивъ гражданское благоустройство, унизило самое человѣчество въ нашихъ предкахъ, и на нѣсколько вѣковъ оставило глубокіе, неизгладимые слѣды, орошенные кровію и слезами многихъ поколѣній: Россія въ 1224 году *услышала о татарахъ* *).

Въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, юго-западная Россія попала изъ огня въ самое полымя. Татары опустошили ее, а литовцы оторвали опустошенную страну отъ великой Россіи, и надолго разлучали ее отъ родной матери. Горько, больно и тяжело; но для юго-западной Россіи еще и здѣсь не конецъ бѣдамъ: чаша ея страданій переполнилась черезъ край тогда,

*) И. Г. Р. Карамзина (изд. 1819 г.) томъ V. стр. 63, 194, 195

когда сосѣдняя Польша, мало по малу, прибрала въ свои руки все Великое Княжество Литовское, т. е. всю югозападную Россію, извѣстную тогда подъ этимъ именемъ. Со времени Ягайли, измѣнившаго православію для польской короны, до самаго уничтоженія Польши (1386—1795), юго-западная Русь страдала подъ польскимъ игомъ гораздо тяжелѣе и гораздо продолжительнѣе, нежели сколько страдала сѣверо-восточная Русь подъ игомъ татарскимъ. Татары разрушали русскіе города, губили народъ и князей, брали тяжкую дань, но не трогали ни русской вѣры, ни языка, ни гражданскихъ уставовъ, и въ московской Руси національность русская осталась неприкосновенною. А Польша заразила юго-западную Русь своимъ разрушительнымъ образомъ правленія, состоящаго изъ беззаконной связи анархіи съ деспотизмомъ, испортила природный ея русскій языкъ, издѣвалась надъ православною вѣрою ея и едва-едва не уничтожила ее... Что оставалось тогда дѣлать несчастнымъ жителямъ южной и западной Россіи?... Кто могъ терпѣть, тотъ страдалъ и терпѣлъ; все тамошнее русское дворянство (къ стыду его!) не вытерпѣло, но окатоличилось и ополячилось; даже многіе изъ православнаго духовенства принуждены были погрязнуть въ уніи... Только простонародье сдѣлало сильный и славный отпоръ своимъ супостатамъ: не желая превратиться въ панское *быдло* и въ *недовѣрковъ* уніатовъ, народъ изъ угнѣтенной Россіи толпами бѣжалъ на *вольныя степи*, и тамъ мало по малу составилъ изъ себя грозную и гибельную для поляковъ, воинскую общину, извѣстную подъ именемъ *козаковъ!*

Съ именемъ *козака* всегда соединяется понятіе объ удальствѣ, проворствѣ и ухарствѣ своего рода. Но при взглядѣ на смирнаго пахаря юго-западной Россіи, казалось бы, никакъ невозможно было ожидать, чтобъ этотъ спокойный житель могъ превратиться въ удалаго козака. Проводя свою жизнь въ сообществѣ воловъ, онъ обыкновенно привыкаетъ къ ихъ неповоротливости и медленности, и, повидимому, дѣлается самъ неспособнымъ ни къ какой ускоренной дѣятельности. Но вотъ посмотрите: „синій туманъ поле покрываетъ,—мать своего сына въ козаки снаряжаетъ. Не иди, сынку, далеко отъ меня, говоритъ плачущая мать, и пугаетъ его разными горестями и бѣдами, могущими встрѣтить его въ бездомовномъ и скиталь-

ческомъ козачествѣ. Но сынъ не боится никакихъ опасностей. Наконецъ мать вопіетъ: „тебя, сыну, орда (татарская) возметъ;“ а сынъ отвѣчаетъ ей: „меня, мамо, орда знаетъ, дорогими конями надѣляетъ.“ Садится сынъ на коня; *списъ* (копье) при стремени, нагайка въ рукахъ,—взвился, и полетѣлъ какъ вихорь!... Какъ вьюнъ, извивается онъ съ своимъ конемъ во всѣ стороны, будучи осыпаемъ вражьими стрѣлами,—съ изумительною ловкостью увертывается отъ всякой опасности, и потомъ, замѣтивши въ непріятельскомъ стану слабое мѣсто, летитъ какъ стрѣла на подмѣченную добычу, однихъ ранитъ и бьетъ, другихъ беретъ въ плѣнъ, и съ цѣлой *низкой* плѣнниковъ на арканѣ возвращается къ своей дружинѣ! Тотъ ли это неповоротливый и задумчивый пахарь, который, ходя за волами, уныло припѣвалъ: „*цобъ! цобе!* волы мои дорогіе! а кто жъ будетъ вашъ панъ?“ Удивительное превращеніе!... Въ малороссійскомъ козакѣ сочеталась спокойно-медленная простота древняго славянина съ варяжскою предпріимчивостью, быстротой и находчивостью, и такое сочетаніе противоположныхъ качествъ составляетъ невыразимую красоту нашего козачества.

Малороссійское козачество было сильнымъ, могучимъ протестомъ противъ иноземнаго порабощенія и преимущественно противъ польскаго католичества, хотѣвшаго въ западной Россіи уничтожить православную вѣру. Защищая свою вѣру отъ поляковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ козаки лучше нынѣшнихъ европейскихъ дипломатовъ понимали изувѣрство и все неприличіе турецкаго господства надъ христіанами; а потому, при всякомъ удобномъ случаѣ, они громили не только католическую Польшу, но и бесурманскую Турцію. Первое условіе принятія въ козаки было исповѣданіе православной вѣры. Зная по слуху о существовавшихъ на западѣ военно-духовныхъ орденахъ, козаки называли и себя „*лыцарями*,“ и изъ запорожской сѣчи устроили нѣчто въ родѣ военнаго монастыря, въ который не имѣла входа ни одна женщина, ни даже мать къ своему сыну. Неужели этихъ людей должно называть *разбойниками*, какъ нерѣдко честили ихъ поляки?... Одинъ изъ этихъ „разбойниковъ“ былъ фундаторомъ кіевской духовной академіи; другіе нерѣдко спасали даже ненавистную имъ Польшу во время ея войнъ съ турками; и наконецъ всѣ они, въ свое время, возвратили боль-

шую часть Малой Россіи въ требуемое исторіей и логикой соединеніе съ общею матерью всѣхъ славянъ съ Велико-Россіей.— Безъ сомнѣнія, воинская храбрость можетъ быть и добродѣтелью, и порокомъ: добродѣтелью, когда честно воюютъ за правое дѣло, а порокомъ когда поднимаютъ оружіе только въ надеждѣ добычи и грабежа. Но во всѣхъ войнахъ эти противоположныя дѣйствія часто такъ смѣшиваются между собою, что трудно бываетъ отличить истинную, достойную уваженія храбрость отъ разбоя и грабежа. Исторія не скрываетъ, что и козаки, въ увлеченіи своей храбрости и мести за свою поруганную родину, не давали иногда пощады никому и ничему, и грабили у непріятеля все, что хорошаго попадалось имъ на глаза; но собственно грабежъ и добыча были у нихъ не цѣлію, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ войны, главная же цѣль у нихъ была защищеніе своей родины и своей вѣры.

Зачѣмъ они сами назвались, или другіе назвали ихъ *козаками*, а не другимъ какимъ-нибудь именемъ? Нѣкоторые историки производятъ это названіе отъ *косы*, каковыми косами будто были вооружены древніе козаки, подобно новымъ польскимъ *косиньерамъ*.— Другіе производятъ отъ *козы*, потому что козаки, по ихъ мнѣнію, были такіе же проворные, какъ *козы*. На турецкомъ языкѣ *козакъ* означаетъ *разбойника*; но по справедливому замѣчанію Карамзина *), это слово въ турецкомъ языкѣ новое, и такое значеніе этому слову турки придали, разумѣется, изъ ненависти къ козакамъ. Ежели вѣрить турецкому лексикону, то—пожалуй и самое имя христіянина у нихъ считается не въ числѣ похвальныхъ названій. Въ собственномъ значеніи, имя *козака* никогда не было браннымъ, потому что мужественные витязи, умирая за вольность, отечество и вѣру, добровольно такъ назывались.— Козаки первоначально назывались *черкасами*, отъ имени занятаго ими на Днѣпрѣ города *Черкасы*. А этотъ городъ, еще до нашествія Батыя, былъ построенъ торками и берендѣями, которые иначе были называемы черкасами. А имена *Черкасъ* и *козакъ* были, неизвѣстно по какой причинѣ, синонимами, чему доказательствомъ служитъ то важное обстоятельство, что даже и теперь осетины

*) И. Г. Р. томъ V: (изд. 1819 г.) стр. 396, и примѣч. 416.

называютъ *черкесовъ козаками*. Вслѣдствіе всего этого, и наши выселенцы изъ угнѣтенной юго-западной Россіи, называвшись первоначально *черкасскими*, или сокращенно *черкасами*, начали потомъ называться *козаками*. Въ послѣдствіи времени имя козака перешло въ словари для означенія *легко-вооруженна война* *).

Устройство особой воинской общины въ польско-литовскихъ владѣніяхъ (status in statu) не могло бы произойти безъ вѣдома и позволенія тамошняго правительства, если бы то правительство управляло страною, какъ слѣдуетъ. Но самобытное устройство малороссійскаго козачества служитъ очевиднымъ доказательствомъ, какъ мало средствъ имѣли великіе князья литовскіе и потомъ короли польскіе, чтобы или не допустить въ своихъ владѣніяхъ образоваться особенной военной силѣ, или наконецъ дать этой силѣ приличное назначеніе и направленіе. Сверхъ того, еще остается неразрѣшенный вопросъ: точно ли въ границахъ польско-литовскихъ владѣній козаки первоначально основали свою общину? Тогда еще не было опредѣленныхъ, какъ теперь, границъ между сосѣдними державами, и эти *вольныя* приднѣпровскія степи, на которыхъ утверждилась козацкая сила, не принадлежали никому, кромѣ Бога. Кто не кочевалъ на тѣхъ степяхъ, начиная съ древнихъ скиѳовъ и потомъ половцовъ? Кто и какими документами могъ доказать свои права на эти степи?... Послѣ каждаго нападенія козаковъ изъ этихъ степей на турецкія владѣнія, Турція жаловалась на нихъ польскому правительству, почитая ихъ польскими подданными, но Польша сама боялась ихъ, и не знала, что съ ними дѣлать. *Вольная* степь и *вольный* козакъ, эти два понятія такъ срослись между собою, что были нераздѣлимы. Не испрашивая ни у кого позволенія, козаки заняли островъ между Днѣпромъ и рѣкою Хортицею, въ 15 верстахъ ниже днѣпровскихъ пороговъ, и устроили тамъ крѣпость, которая сдѣлалась потомъ славною въ исторіи подъ именемъ *Запорожской Сѣчи*. Островъ имѣлъ 12 верстъ въ длину и около трехъ верстъ въ ширину. Это пространство, заселенное хатами и мазанками, было окруженно землянымъ валомъ съ разставленными на немъ пушками

---

*) И. Г. Р. томъ II. стр. 152. томъ V. стр. 393, 394. (изд

и раздѣлялось на 38 *куреней* (кварталовъ) *), каждый подъ начальствомъ особаго *атамана*. А всѣ куренные атаманы съ своими куренями состояли подъ начальствомъ *кошеваго атамана* **). Въ послѣдствіи времени были у нихъ учреждены еще другіе начальники: войсковой *судья*, войсковой *писарь*, и *асаулъ*. Достопамятны запорожскіе обычаи при выборахъ во всѣ эти должности. Каждый выбираемый отказывался обыкновенно отъ предлагаемой ему должности, почитая себя неспособнымъ для оной, и не хотѣлъ идти въ *коло*, гдѣ происходили выборы. Тогда два козака, взявши его подъ руки, насильно вели его въ народное собраніе, а другіе два козака толкали его сзади въ спину, приговаривая: „иди, иди, сякой—такой,“ причемъ не жалѣли для него самыхъ оскорбительныхъ и бранныхъ эпитетовъ. Приведши его въ собраніе и утвердивши избраніе общимъ согласіемъ, тутъ же подносили избранному вещи, принадлежащія къ его должности: атаману—палку, судьѣ—печать, писарю—чернильницу. Послѣ того нѣсколько старыхъ козаковъ, взявши каждый по горсти земли, кидали ее на голову новоизбраннаго чиновника. Толкуйте, какъ хотите, такія обычаи и церемоніи, а въ нихъ есть свой смыслъ.

Изъ Запорожской Сѣчи, какъ изъ сѣмени, козачество разрослось широко и далеко сперва на правомъ, потомъ и на лѣвомъ берегу Днѣпра. На правомъ берегу разселились женатые козаки на мѣстахъ, принадлежащихъ нынѣ къ губерніямъ Кіевской, Екатеринославской и Херсонской, по Днѣпру и впадающимъ въ него рѣчкамъ Томаковкѣ, Чертомлыкѣ и Каменкѣ, до самаго Крыма. На этомъ пространствѣ уже имъ принадлежали города Каневъ, Чигиринъ, Черкасы, Никополь, Бериславль и Алешки. Отсюда козачество распространилось на лѣвый берегъ Днѣпра въ нынѣшнія мѣста Черниговской и Полтавской губерніи. Лѣво бережные козаки, и послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи, доселѣ сохранили и сохраняютъ названіе козаковъ, не бывши съ того времени въ подданствѣ ни у какого пана. А на правой сторонѣ Днѣпра ляхи—паны, въ послѣдствіи времени, закрѣпостили козаковъ и обратили (horrendum dictu!) въ *хло-*

---

*) *Курень* въ буквальномъ переводѣ—*очагъ*.

**) *Кошъ*—татарское слово, значитъ *станъ*, или *лагерь*.

нов... Впрочемъ это печальное событіе еще не принадлежитъ къ описываемому теперь нами періоду.

Разселялись козаки по всей Малороссіи сперва самопроизвольно; потомъ такое разселеніе ихъ получило санкцію отъ польскихъ королей Сигизмунда I-го и Стефана Баторія, которые *только два* изъ всѣхъ королей польскихъ *) понимали, какою живою стѣною могли бы быть козаки для защиты Польши отъ турокъ и татаръ.

Послѣ того какъ козаки разселились по всей Малороссіи, прежнее начальство Запорожской Сѣчи было уже недостаточно для управленія такимъ обширнымъ народонаселеніемъ. А потому козацкая община раздѣлилась на полки подъ начальствомъ полковниковъ и сотниковъ, и, чувствуя необходимость въ верховномъ начальникѣ, выбрала себѣ изъ своей среды *гетмана*, который, равно какъ полковники и сотники, управлялъ не только военною, но и гражданскою частью козачины. Избраніе перваго гетмана, овручскаго уроженца *Евстафія Дашкевича*, принадлежитъ къ началу XVI столѣтія и къ началу царствованія въ Польшѣ короля Сигизмунда 1-го. Съ того времени до Стефана Баторія, упоминаются въ малороссійскихъ лѣтописяхъ имена шести гетмановъ, но въ какомъ порядкѣ они слѣдовали одинъ за другимъ, о томъ лѣтописи противорѣчатъ между собою. По крайней мѣрѣ вотъ имена этихъ первыхъ шести малороссійскихъ гетмановъ, записанныя лѣтописцами: *Евстафій Дашкевичъ*, *Предиславъ*, *Ланцкоронскій*, *Венжикъ*, *Хмельницкій*, *князь Дмитрій Вишневецкій*, *Свирговскій*, *князь Богданъ Ружинскій*. Очевидно, что козачество не было сбродомъ „воровъ и разбойниковъ“ (какъ полякамъ угодно было называть ихъ), ежели и князья почитали себѣ за честь быть гетманами козачьими.

При Богданѣ Ружинскомъ, король Стефанъ Баторій далъ малороссійскимъ козакамъ полное войсковое учрежденіе, и съ того времени Запорожская Сѣчь, и вообще все малороссійское козачество, изъ области поэзіи преданій перешли въ полное вѣдѣніе исторіи.

И. К.

---

*) Къ нимъ можно, пожалуй, причислить *еще одного* короля, Владислава IV.

КНЯЗЬ ЛИТОВСКІЙ ЯКОВЪ АНДРЕЕВИЧЪ, ТАКЪ НАЗВАННЫЙ ЯГАЙЛА.

(Ягелло-Яковъ—Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею. Изслѣдованіе М. Смирнова. Часть первая, Одесса, 1868 г., 259 и 41 стр.)

Въ исторіи здѣшняго края—*обрусеніе* его не есть явленіе новое, незнакомое. Оно было извѣстно еще въ XII и XIII вѣкѣ.

Литва, давшая во времена оны свое имя всей западной Руси, было племя крайне немногочисленное, занимавшее очень и очень небольшое пространство. Усобицы русскихъ князей и татарское иго дали Литвѣ возможность расширить ея восточную и южную границы. Къ временамъ Гедимина и Ольгерда относятся завоеванія Пинска, Витебска, Полотска, Минска, Берестья, Волыни, Кіева съ Черниговымъ, Сѣверска и Брацлава, Подоліи и пр. Уже отсюда, со стороны территоріальной и количественной, видно, что главная сила Литвы сосредоточивалась и заключалась въ областяхъ русскихъ.

Цивилизующее значеніе русской силы въ Литвѣ было велико. Этому отчасти способствовалъ быть самихъ литовцевъ (весьма некрасиво описанный Длугошемъ, Кибургомъ, Ваповскимъ и Энеемъ Сильвіемъ) но главнымъ образомъ—умственное и нравственное превосходство русскихъ надъ литовцами. Потому: русскіе дали Литвѣ языкъ 1), письменность, православіе, законы (см. Эней Сильвій), познакомили съ ремеслами и издѣліями (Ваповскій); русскіе строятъ въ Литвѣ крѣпости (Нарбутъ), обстраиваютъ Вильну (Кибургъ), заправляютъ артиллеріей (Фойгтъ, Даниловичъ), устроиваютъ хоры и музыку (Пршедзецкій), разводятъ ленъ и разные хлѣба, занимаютъ немаловажныя должности, завѣдуютъ пограничными крѣпостями 2). Такія могучія и коренныя завоеванія русскаго духа

---

1) Точнѣе: Литва усвоила себѣ русскій языкъ.

2) Съ такимъ величественнымъ шествіемъ древняго обрусѣнія Литвы хотѣло спорить латинство, съ рыцарями во главѣ. Проповѣдуя мечемъ и пожарами, латинскіе миссіонеры возбудили къ себѣ ненависть литовцевъ. Припомнимъ избіеніе францисканцевъ въ Вильнѣ и Лидѣ.

и мысли литовцы принимали спокойно, и мирно уживалис съ русскими. О терпимости и умѣренности русскихъ говорят самые католическіе источники (Кибургъ). Словомъ: обрусѣні литовцевъ было бы полное и окончательное, если бы Литв не была, хотя и насильно, присоединена къ Польшѣ в 1386 г. 1)

Поворотъ этотъ въ западно-русской исторіи и личност Ягайлы составляютъ предметъ изслѣдованія одесскаго профес сора М. П. Смирнова. Заглавіе этой любопытной и обстоя тельной книги, бросающей новый лучь свѣта въ минувші судьбы сѣверо-западной Руси, выписано нами выше.

Первая часть изслѣдованія г. Смирнова состоитъ 2) из вступленія (1—9), содержащаго въ себѣ предварительныя ис торическія свѣдѣнія, и шести главъ. Глава первая (10—50 предлагаетъ разсказъ о сыновьяхъ Ольгерда и краткій очерк событій до 1386 г.; вторая глава (51—92)—исторія Польш въ XIV в. до пріѣзда сватовъ отъ Ягайлы, или иначе: опи

1) Съ того времени и до настоящаго утекло воды не мал Западная Русь, поглотившая Литву, осталась тою же западно Русью, не смотря на многовѣковыя всяческія враждебныя усил стереть слѣды древняго обрусѣнія маленькаго собственно-литов скаго клочка земли и литовскаго племени, именемъ котораго п ляки хотѣли прикрыть своя стремленія и виды на всю западну Русь, ополячить ее, это достояніе Руси еще удѣльной. *Литв* какъ термина территоріальнаго, законодательною властью осв щеннаго, теперь не существуетъ. Воспоминаніе о Литвѣ, о набѣгахъ, хранится еще въ памятникахъ русскаго народнаго тво чества съ эпитетомъ поганая (paganicus), некрещенная. Кро того, терминъ этотъ встрѣчается и поддерживается въ польс литературѣ, наравнѣ съ *москвою, москалями, московским* и пр И еще терминъ сей мы читаемъ на вывѣскѣ мѣстной правосла ной семинаріи, консисторіи, епархіальныхъ вѣдомостей, и — титулѣ православнаго виленскаго владыки. Сей остатокъ тѣ болѣе рѣзокъ, безцѣленъ и необъяснимъ, что правительство д нымъ-давно вычеркнуло эти эпитеты изъ генералъ-губернаторс титула, бывшей литовско-гродненской губерніи, „Курьера" лито скаго, переименованнаго въ Курьера Виленскаго и наконецъ— Виленскій Вѣстникъ.

2) Почтенный изслѣдователь не счелъ, къ сожалѣнію, нужны приложить къ своей книгѣ (не говоря уже объ указателѣ) ни с держанія главъ, ни просто оглавленія, ни даже предисловія.

сапіе шляхетской суматохи и безурядицы, обдираніе крестьянъ, срываніе сеймовъ, нынче—клятвы и обѣщанія, завтра—нарушеніе ихъ; третья глава (93—140)—очеркъ отношеній Литвы къ Польшѣ съ начала XIII в.; четвертая глава (141—180)—судьбы православія и латинства въ Литвѣ; пятая глава (181—194) — обращеніе Литвы въ латинство; шестая глава (195—230)—событія послѣдующія до возвышенія Витовта. Ко всему этому г. Смирновъ приложилъ переводъ дневника Кибурга.

Съ первымъ словомъ („Ягелло"), находящимся въ заголовкѣ изслѣдованія г. Смирнова, мы не согласны. Настоящая, коренная литовская форма есть *Ягайла, Якгайла* (встрѣчающаяся въ цѣлыхъ десяткахъ старинныхъ документовъ), но не *Ягелло*, это—форма польская, съ легкимъ итальянскимъ душкомъ, какъ наприм. *Козелло* (фамилія одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ). Между тѣмъ сама исторія, которую въ здѣшнемъ краѣ паны такъ любятъ, не даетъ права на такую измѣну своей фамиліи. Въ связкѣ (№ 52) виленскаго гродскаго суда за 1631 г. фамилія земянина (т. е. землевладѣльца, помѣщика) *Козла* встрѣчается во всѣхъ падежахъ, напр. въ именит. *Козелъ, но не Козелло.* Еще нѣсколько примѣровъ: вм. *Тишковичъ* (отъ предка *Тишко*)—Тышкевичъ, вм. *Радивилъ*—Радзивилъ, вм. *Тѣхановскій*—Цѣхановскій. Въ названіяхъ мѣстностей видимъ тоже самое превращеніе, не свободное, не историческое, но дѣланное, насильно навязанное. Пріемъ этотъ заимствованъ поляками у рыцарей-нѣмцевъ, и надо сознаться — это средство ополяченія и нѣмеченія сѣверо-западной Руси и Балтійской окраины—одно изъ сильныхъ. Силу эту поляки испытали въ Познани на собственной спинѣ. Ополяченныхъ названій русскихъ мѣстностей нами собрано достаточно. Пока приведемъ одинъ любопытный примѣръ (изъ той же связки № 52), дающій возможность заключать отъ него къ прочимъ мѣстнымъ названіямъ (Ortsnamen), оканчивающимся на—*яны*. Въ XVII в. въ виленскомъ повѣтѣ находилось (и въ настоящее время есть) имѣніе *Ворнянское* (прилаг. форма), *Ворняны* (сущ. ф.); въ одномъ изъ документовъ помянутой связки мы встрѣтили, рядомъ съ *Ворнянское, Ворняны*, форму первообразную—*Ворони* (объ этомъ имѣніи упоминается уже въ XV ст., см. Балинскій). Очевидно, что отъ этого первообраза составилась прил. ф.

Вороняское, Ворнякское, Ворнянское; а отсюда, по усѣченіи *Ворняны*. Тоже самое должно сказать объ имѣніи *Мостосляны* (первообразъ *Мосты*). Сюда, разумѣется, не можетъ подойти названіе лежащей близъ Вильны мѣстности *Тускуляны*, заимствованное отъ Tusculum, города въ Лаціумѣ.

Возвращаясь къ изслѣдованію г. Смирнова, должно замѣтить, что матеріаловъ о времени Ягайлы и изслѣдованій издано и напечатано поляками не мало. Какъ поляки, такъ и г. Смирновъ пользовались одними и тѣми же источниками и пособіями; пришли же къ выводамъ весьма противоположнымъ. Это понятно. У поляковъ чуть ли не на каждомъ шагу предъ намѣренная подтасовка извѣстій, ложь, натяжки, отсутствіе исторической критики и честнаго, прямаго взгляда. Всѣ эти махинаціи польскихъ ученыхъ на-голову разбиты одесскимъ профессоромъ Смирновымъ. Особенно пострадалъ бѣдный Шайноха (его сочиненіе Iadwiga i Iagełło, 1861 г.), на которомъ г. Смирновъ подробно остановился (см, стр. 156, 16[illegible] 165, 166, 168, 170 и 172); вотъ что наприм. говорится о Шайнохѣ: „устранять прямое и ясное свидѣтельство на томъ только основаніи, что это, *по всей вѣроятности* (!?), ошибка, и въ доказательство того приводить ошибки, встрѣчающіяся у разныхъ лѣтописцевъ, можетъ только такой писатель, какъ Шайноха, который очень искусно толкуетъ источники, сообразно съ своею предвзятою мыслію“ (стр, 172). Нарбутъ и Малиновскій, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, также опровергнуты (стр. [illegible] и 170).

Источниками и пособіями г. Смирнову служили, главнымъ образомъ, слѣдующіе: Длугошъ, Вигандъ, Стрыйковскій, Валовскій, дневникъ Кибурга, kodex diplomaticzny Litwy Рачинскаго (Эдуарда), Skarbiec Даниловича, Latopisiec его же, Альберти ди, Шайноха, Нарбутъ, Пршездзецкій, Ярошевичъ, Фойгтъ Голембевскій, Кояловичъ (Вуйкъ). Источники и пособія, как видитъ читатель, все польскіе и католическіе. Только въ двухъ мѣстахъ, и то въ подтвержденіе польскихъ источниковъ, авторъ сослался на двѣ русскія лѣтописи, воскресенскую и никоновскую! Соображая источники и выводы изъ нихъ, изслѣдованіе г. Смирнова пріобрѣтаетъ особую цѣну.

Результаты первой части изслѣдованія г. Смирнова слѣдующіе:

Ольгердъ, сынъ Гедимина 1), имѣлъ первую жену Марію, княжну витебскую, а вторую Юліанну, княжну тверскую (стр. 10; Стрыйковскій, Нарбутъ). Женившись на Юліаннѣ, Ольгердъ принялъ ради нея православіе (стр. 156—158; Нарбутъ, Кибургъ). Въ крещеніи Ольгердъ былъ названъ Андреемъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись на евангеліи XV в., принадлежавшемъ виленской Пречистенской церкви, которое видѣлъ Нарбутъ (Pomniejsze pisma historyczne, 83): „великій князь Андрей Гедиминичъ, во святой схимѣ Алексій, усопше на память св. мучениковъ Платона и Романа;" это подтверждается русскими лѣтописями, особенно—никоновскою. Старшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любимымъ сыномъ Юліанны былъ *Яковъ* 2), по отцу *Андреевичъ*, перефразированный по литовски въ *Ягайлу*. Дѣло ясное и понятное, что любимый сынъ княгини Юліанны, извѣстной своею ревностью къ православію (стр. 152), долженъ былъ исповѣдывать христіанство по греко-россійскому обряду. Но сей очевидный историческій фактъ, понятный и для дѣтей малыхъ, упорно отрицается польскими учеными своевольниками. Послѣ опроверженій сего своеволія и доказательствъ г. Смирнова о православіи дѣтей Ольгерда, особенно Ягайлы (стр. 158—175), и вообще о православіи въ Литвѣ 3) (стр. 149—156),—держаться относительно этого польскихъ выдумокъ и натяжекъ было бы весьма непростительнымъ и даже постыднымъ упрямствомъ.

---

1) На стр. 156-й г. Смирновъ выражаетъ догадку, что всѣ сыновья Гедимина, за исключеніемъ Кейстута, были православные.

2) Въ рукописи трокскаго бернардинскаго монастыря Нарбутъ прочелъ извѣстіе о древнемъ колоколѣ этого монастыря, имѣвшемъ слѣдующую церковно-славянскую надпись: „Се азъ рабъ Божій Яковъ Ондреевичъ съ матерью своею Ульяною Александровною.... В. К. Л. дали есмо сей колоколъ улить въ церковь св.... еве. Параск.... въ Вильни, во вики 6887" (1379 г.) См. Нарбутъ. pomn. p. histor. 98—100. Имя „Яковъ" подтверждается воскресенскою лѣтописью. При семъ нельзя не вспомнить о колоколѣ Шадибора Воишмонтовича 1420 г., найденномъ А. В. Радченкомъ и хранящемся въ виленской публичной библіотекѣ.

3) Между прочимъ подтверждается, со словъ Нарбута, православіе Городни (стр. 163).

Для характеристики Якова Андреевича (alias Ягайлы) можно припомнить годъ куликовской битвы, когда противъ татаръ, рядомъ съ Димитріемъ Донскимъ, бились два литовскихъ князя Андрей Полоцкій и Димитрій Корибутъ Брянскій, а сторону неверныхъ держалъ Яковъ Андреевичъ. Сію странность объясняютъ ненавистью къ московскому князю, которую, будто бы, Яковъ Андреевичъ всосалъ съ молокомъ матери, происходившей изъ известнаго своею ненавистью къ Москве дома тверскихъ князей. На это г. Смирновъ замечаетъ: „Не скорее ли следуетъ видеть въ этомъ противоестественномъ союзе съ татарами продолженіе той завоевательной деятельности противъ Руси вообще, которою давно уже отличались литовскіе князья?" (стр. 13). Для характеристики Якова Андреевича можетъ служить также коварный захватъ дяди своего Кейстута и его умерщвленіе, и такое же, хотя и не удавшееся покушеніе на Витовта.

Въ отношеніяхъ своихъ къ соседней Польше Яковъ Андреевичъ шествовалъ по пути своихъ предковъ, нападавшихъ и опустошавшихъ преимущественно Мазовію и судомирскую и краковскую земли (стр. 93). Нашествіе его на Польшу 1384 г. (стр. 98—99) въ конецъ устрашило польскихъ пановъ, которые ухватились за мысль женить Якова Андреевича на Ядвиге и соединить Литву съ Польшей, ибо „тогда паны не только спокойно будутъ пользоваться темъ, что имели, но справедливо могутъ расчитывать, что литовскій князь, которому они доставятъ прекрасную жену съ короной въ приданое, отблагодаритъ ихъ новыми пожалованіями и новыми богатствами" (стр. 100). Польское духовенство поддержало эту мысль, и главнымъ условіемъ брака Якова Андреевича на Ядвиге былъ переходъ его съ народомъ въ латинство. Послы отправились въ Литву съ предложеніемъ и условіями, которыя были приняты Яковомъ Андреевичемъ; и отъ него вскоре поехали въ Краковъ сваты.

Не смотря на все отвращеніе свое къ литовскому князю, состоявшееся уже обрученіе съ Вильгельмомъ австрійскимъ, молодая польская королева Ядвига была насильно принуждена панами и ксендзами къ браку, вернее—продана. Покупка обошлась для западной Руси весьма дорого: Яковъ Андреевичъ

предалъ вѣру, народность и политическую самостоятельность западной Руси, надолго оторвалъ ее отъ восточной. Литовскіе бояре сильно этому противились.

Въ заключеніе предлагаемъ краткое описаніе тѣлесной и нравственной физіономіи Якова Андреевича. Во время сватовства ему было около 34 лѣтъ. Ростъ средній, голова маленькая, заостренная къ верху, почти обнаженная; лице продолговатое, худое, съуженное къ подбородку; глаза маленькіе черные, бѣгающіе изъ стороны въ сторону; большіе уши; худое тѣло; длинная шея; длинные, но тонкіе усы; голосъ грубый, рѣчь отрывистая (стр. 111; Длугошъ, Нарбутъ) 1). Яковъ Андреевичъ лѣнивъ безгранично; государствомъ управляютъ за него другіе; до полудня спитъ, потомъ идетъ въ баню, а остальную часть дня ѣстъ; вина не пьетъ; умъ его слабъ и не развитъ. Предразсудки его доходятъ до нелѣпости. Такъ наприм. „много заботился онъ, чтобъ, вставая съ постели, не стать прежде лѣвою, а непремѣнно правою ногою; брѣя бороду, онъ собиралъ срѣзанные волосы и обмывалъ ихъ чистою водою, что должно было имѣть какое-то благотворное послѣдствіе; выходя изъ дома, онъ всегда три раза повертывался на одной ногѣ и три же раза бросалъ за себя сломанную соломенку" (стр. 113. Нарбутъ). Къ довершенію всего, Яковъ Андреевичъ (Ягайла) *не грамотенъ*, не умѣть ни читать, ни писать (стр. 115; Нарбутъ).

П. Г.
(Лит. Еп. Вѣд.)

---

1) Длугошъ увѣряетъ, что такая физіономія производила пріятное (!) впечатлѣніе. Едва ли! У Балинскаго въ его исторіи Вильны есть портретъ Якова Андреевича; но онъ совершенно не похожъ на подробное описаніе Длугоша и Нарбута, на основаніи котораго, какъ мы слышали, академикъ И. П. Трутневъ предполагаетъ воспроизвести своимъ искуснымъ карандашомъ личность Якова Андреевича (Ягайлы тожъ).

КАМЕНЕЦКІЙ СВЯТО-ТРОИЦКІЙ ПЕРВОКЛАССНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

I.

Каменецкій свято-Троицкій первоклассный монастырь находится почти въ центрѣ г. Каменца, на сѣверъ отъ такъ называемой *Вѣтряной* городской *Брамы*, если направляться по дорогѣ къ городскимъ воротамъ. Отъ рѣчнаго рва рѣки Смотрича, обтекающаго городъ со всѣхъ сторонъ, монастырь отстоитъ на 125 шаговъ.

Съ восточной и западной стороны монастырь отдѣляется отъ различныхъ строеній городскихъ жителей двумя небольшими улицами, и особенно узкой съ западной стороны. Съ юга монастырь примыкаетъ своими зданіями къ еврейскому дому, принадлежавшему, кажется, когда-то Свято-Троицкому монастырю, а съ сѣвера идетъ улица, полукругомъ огибающая монастырѣ съ восточной и западной его стороны (1) *).

Свято-Троицкій монастырь не можетъ въ настоящее время похвалиться своимъ красивымъ и выгоднымъ мѣстоположеніемъ, что можно сказать о другихъ монастыряхъ подольской епархіи; онъ не можетъ похвалиться даже уютностію мѣстоположенія, что составляетъ обыкновенное отличіе православныхъ монастырей, основанныхъ самими иноками. Люди, посвящавшіе себя высокимъ христіанскимъ подвигамъ самоотверженія, устрояли для себя обители въ мѣстахъ уединенныхъ, лѣсистыхъ и на горахъ, чтобы тамъ, вдали отъ міра, ихъ молитва о мірѣ была пламеннѣе и чище, и чтобы люди, приходящіе къ нимъ на молитву, послѣ заботъ и суетъ мірскихъ, могли дѣйствительно находить въ этихъ мѣстахъ успокоеніе для своего духа, въ мѣстахъ, гдѣ тишина и невозмутимость самой обстановки говорила и внушала бы имъ ту мысль, что для чистой и святой бесѣды съ Богомъ необходимо полное сосредоточеніе въ себѣ и отрѣшеніе мыслей отъ всякихъ временныхъ заботъ. Церковь же Свято-Троицкаго монастыря расположена почти на самомъ центрѣ скалы, занимаемой городомъ, какъ бы для того, чтобы къ этому мѣсту стекались на молитву православные жители города (2).

*) Примѣчанія будутъ печататься въ концѣ статьи.

Но былъ ли первоначально храмъ во имя пресвятыя, животворящія и нераздѣльныя Троицы монастырскою церковью?

Въ древнихъ актахъ, хранящихся въ архивѣ Свято-Троицкаго монастыря, мы не находимъ ни одного указанія на то, чтобы этотъ храмъ именовался когда-либо монастырскою церковью до 1737 года. Въ дарственной записи, относящейся къ 1582 году, храмъ пресвятыя Троицы называется *каѳедральною церковью,* а настоятель этой церкви *о. Василій:* Vasko Officialis Ruthenicus Camenecensis (3); въ судебномъ приговорѣ дарственной записи, учиненной 1603 года, Свято-Троицкая церковь названа *храмомъ* или *церковью* (aedes sev ecclesia) *святыя Тройцы,* а настоятель этой церкви *Климентъ Попона* викаріемъ (4). Названіе же монастыря: Monasterium seu Conventus Ordinis Sancti Basilii Magni, стало принадлежать Свято-Троицкой церкви съ 1737 года; названа эта церковь монастыремъ еще въ 1735 году въ 15 артикулѣ братскаго уніатскаго устава, но противъ такого названія и учрежденія базиліанскаго монастыря при Свято-Троицкой церкви, какъ и противъ самыхъ базиліанъ, возстало православное населеніе г. Каменца въ лицѣ русскихъ членовъ магистрата и каѳедральное духовенство. Магистратъ оскорбленъ былъ нарушеніемъ и своевольнымъ присвоеніемъ базиліанами древняго права, принадлежавшаго городу и братству Свято-Троицкой церкви—избирать и представлять отъ себя священниковъ въ воскресенскую русско-фольварецкую церковь; а каѳедральное бѣлое духовенство оскорблено было тѣмъ, что базиліане, насильно завладѣвъ его церковью, лишили права имѣть изъ среды себя намѣстниковъ и соединенной съ нимъ власти надъ приходскимъ духовенствомъ. Вотъ, что говоритъ одинъ изъ свидѣтелей, Ѳеодоръ Дидъ, въ позывѣ каменецъ-подольскаго магистрата, 1738 г., на Самуила Юркевича и Анатолія Негребецкаго, монаховъ каменецкаго монастыря ордена св. Василія Великаго: „Какъ свидѣтель знаю и слышалъ, что ихъ милость оо. базиліане какъ предъ турками никогда не были въ г. Каменцѣ, такъ и послѣ выхода турокъ не сейчасъ появились въ Каменцѣ, но послѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ, неизвѣстно по какому праву, основались въ городѣ.“ Левъ Шептицкій въ своемъ донесеніи, поданномъ въ римскую курію 1761 г. говоритъ такъ: „Въ Каменцѣ на Подолѣ, соборная церковь выстроена изъ

камня. При этомъ соборѣ епископы никогда не имѣли своего мѣстопребыванія, а только *мірскіе священники,* которые поставлялись къ этой церкви какъ къ обыкновеннымъ приходамъ. Они находились при соборѣ до времени управленія моего предмѣстника Аѳанасія Шептицкаго, который около 1723 или 1724 года, повелѣлъ послѣдняго мірскаго священника, поставленнаго къ этой церкви приходскимъ священникомъ, Стефана Краковіецкаго (о чемъ увѣдомлялъ сынъ его Димитрій, каменецкій мѣщанинъ и другіе 1747 г.) перевести въ сосѣднюю церковь святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а въ соборную церковь приказалъ ввести перваго монаха о. Машкевича ордена св. Василія Великаго, который, принявши еще нѣсколько монаховъ изъ другихъ монастырей, поселился при соборной церкви" (6).

Всѣ эти указанія и свидѣтельства говорятъ о томъ, что Свято-Троицкую церковь всѣ знали и помнили, какъ церковь соборную, каѳедральную, а не какъ монастырь. Кромѣ того 1749 года, когда старшіе духовные католическаго вѣроисповѣданія желали защитить базиліанъ и упрочить ихъ пребываніе при Свято-Троицкой церкви, вопреки желанію каѳедральнаго каменецкаго духовенства, не могли найти никакихъ историческихъ данныхъ, которыя бы дали базиліанамъ право жить при этой церкви, а предлагали только, чтобы свѣтскій клиръ, въ вѣдѣніи котораго находилось въ это время восемь приходскихъ церквей, обратилъ одну какую-нибудь изъ нихъ въ каѳедральную (7).

Но чрезъ лѣтъ почти 60 послѣ этого, когда въ 1801 году Свято-Троицкій монастырь, уже православный, старался доказать свои права на захваченныя базиліанами фундушевыя суммы, а также на имѣнія и земли, которыми въ это время владѣли частныя лица, открыты были новыя историческія свѣдѣнія, имѣвшія отношенія къ Свято-Троицкому монастырю. Настоятель этого монастыря, архим. Даніилъ въ своемъ донесеніи, поданномъ губернскому прокурору 1805 года, говоритъ, что князь подольскій Юрій Куріатовичъ далъ каменецкому монастырю землю, гдѣ нынѣ Русскіе фольварки, съ воскресенскою церковью, а также землю близъ Русскихъ фольварокъ въ количествѣ болѣе 60 десятинъ съ десятью дворами крестьянъ; так

вое свое наданье Коріатовичъ утвердилъ привиллегіею, данною каменецкому магистрату, гдѣ эта привиллегія въ цѣлости хранилась въ 1805 году. Вся эта земля будто бы извѣстна была еще во времена Коріатовичей подъ именемъ *черпечьяго поля*. Архим. Даніилъ указываетъ при этомъ на Вѣстникъ Европы, откуда онъ почерпнулъ эти извѣстія (8). 1821 года настоятель монастыря архим. Георгій свидѣтельствовалъ, что онъ лично на мѣстѣ узналъ отъ жителей с. Мукши и м. Китайгорода границы монастырской земли, извѣстной подъ именемъ чернечьяго поля (9). Но въ собраніи документовъ Свято-Троицкаго еще базиліанскаго монастыря есть указаніе на привиллегію каменецкаго старосты и каштеляна Θеодора Бучацкаго 1452 года. На основаніи этой привиллегіи, видѣнной въ магистратѣ Стефаномъ Краковіецкимъ, разсказывается, что Θеодоръ Бучацкій, этотъ великій полонизаторъ Подоліи и рьяный католикъ XV в., построилъ на Русскихъ фольваркахъ воскресенскую церковь и надалъ ей десять дворовъ крестьянъ и землю; но подлинной привиллегіи на такое наданье нигдѣ не могли отыскать базиліане въ 1738 г., когда домагались у каменецкихъ пановъ радныхъ права на русско-фольварецкую церковь и на принадлежавшія къ ней земли (10). Мы не станемъ доискиваться, кто построилъ воскресенскую церковь и съ какого времени она существовала; но покрайней-мѣрѣ изъ того указанія, что земля, которой всегда домагалась Свято-Троицкая церковь, считалась при воскресенской и извѣстна была подъ именемъ чернечьей, — можно думать, что первоначально православный воскресенскій монастырь существовалъ на Русскихъ фольваркахъ, надъ рѣкою Смотричемъ, гдѣ была первая воскресенская церковь до 1737 года. Это мѣсто было самымъ удобнымъ и уютнымъ для православнаго монастыря: по одной сторонѣ надъ рѣкой стояла скромная обитель иноковъ, а на другой горѣ тянулся дремучій лѣсъ. Воскресенская церковь могла быть возобновлена при Коріатовичахъ, а послѣ поставлена новая деревянная при Бучацкомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ православный монастырь, который разрушался, можетъ быть, нѣсколько разъ во время татарскихъ и другихъ нашествій, какъ стоявшій въ самомъ не защищенномъ мѣстѣ; православные же иноки разселились по другимъ болѣе безопас-

нымъ монастырямъ, которые были невдалекѣ г. Каменца (11). Такъ наприм., былъ православный монастырь въ 25 верстахъ отъ Каменца въ м. Студеницѣ (12), былъ въ г. Хотинѣ (13), вѣроятно былъ монастырь въ м. Черчѣ (Чернечье), которое отдано было еще въ XV столѣтіи на кормленіе католическимъ бискупамъ (14).

II.

Но когда и кѣмъ основанъ настоящій Свято-Троицкій монастырь, или бывшая каѳедральная церковь? Мы смѣемъ думать, что основаніе церкви во имя пресвятыя Троицы современно основанію самаго города, а потому находимъ нужнымъ коснуться и первоначальной исторіи г. Каменца, тѣмъ болѣе, что древнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ городѣ запутаны и разнорѣчивы. Кто же *срубилъ* г. Каменецъ?

Объ основаніи Каменца-Подольскаго спорили поляки съ литовцами еще 1448 года на люблинскомъ сеймѣ. Литовцы съ своей стороны представляли исторію, написанную на русскомъ языкѣ и въ ней доказывали, что Ольгердъ выгналъ татаръ изъ Подоліи и вручилъ эту землю Коріатовичамъ, которые основали Смотричъ, Бакоту, Каменецъ и другіе города, заселили ихъ христіанами, и такимъ образомъ своею храбростію присоединили Подолію къ Великому Княжеству Литовскому. Поляки же отвѣчали имъ, что никто другой, только Казиміръ Великій выгналъ татаръ изъ Подолья и основалъ тамъ Каменецъ, Межибожье, Хотинъ, Бакоту и другіе города (15). Польскіе историки: Мацѣй Стрыйковскій (16) и Кояловичъ говорятъ, что Каменецъ-Подольскъ основанъ внуками в. князя литовскаго Гедимина: Юріемъ, Александромъ, Константиномъ и Ѳеодоромъ Коріатовичами, и особенное участіе въ заселеніи Каменца будто принималъ Юрій Коріатовичъ, бывшій по смерти брата своего Ѳеодора нѣкоторое время молдавскимъ господаремъ, гдѣ и отравленъ въ Сочавѣ. Основаніе Каменца-Подольскаго Коріатовичамъ приписываетъ галицкій историкъ Шараневичъ (17), и Марчинскій въ своей статистикѣ Подольской губерніи (18); но послѣдній говоритъ, что основаніе Каменцу положилъ Коріатъ, братъ Ольгерда. Марчинскій такъ разсказываетъ объ основаніи этого города: Коріатъ, отправившись въ лѣса на охоту изъ основаннаго имъ города Смотрича, шелъ по берегу

рѣки того же имени и случайно напалъ на то мѣсто, гдѣ теперь Каменецъ. Мѣсто это, устроенное самою природой для крѣпости, такъ понравилось Коріату, что онъ занялся основаніемъ города (19). По этимъ сказаніямъ выходитъ, что Каменецъ основанъ около 1359 или 1362 года; потому-что Ольгердъ выгналъ татаръ изъ Подоліи между 1357 и 1363 г., а народное движеніе на Подоліи противъ татаръ началось около 1351 г. (20). Стрыйковскій, а за нимъ Марчинскій говорятъ, что Ольгердъ выгналъ татаръ изъ Подоліи 1331 г.; но это совершенно невозможно, потому-что въ это время Ольгердъ еще не выступалъ на сцену исторіи.

Но кажется, Коріатовичамъ и вообще литовцамъ слишкомъ много приписывается въ устроеніи земли Подольской. Нарбутъ говоритъ, что, до прибытія Коріатовичей, во всей подольской странѣ не было ни крѣпости, ни одного города не только каменнаго, но даже изъ дерева срубленнаго. Новыя князья высѣкали лѣса, построили города Смотричъ, Бакоту, Каменецъ и друг., и опустѣлыя широкія пространства Подоліи населяли новыми пришельцами (21). А между тѣмъ Бакота, какъ одинъ изъ укрѣпленнѣйшихъ городовъ Подоліи существовала еще до 1240 г., т. е. до нашествія татаръ на Подолію (22); былъ этотъ городъ и послѣ того (23). Межибожье, какъ извѣстный и укрѣпленный городъ Подоліи, существовалъ къ первой половинѣ XII стол. (24); были въ это время города и невдалекѣ Каменца-Подольскаго, какъ наприм., Соколецъ, Ушица и другіе, о которыхъ упоминается въ началѣ XII столѣтія (25). Значитъ всѣ эти города, какъ равно и Каменецъ существовали еще прежде, до нашествія на Подолію Литвы; существовали они и въ то время, только разрушенные и ослабленные татарскими нападеніями, особенно послѣ 1255 года, когда Даніилъ Романовичъ раздражилъ татаръ, принявъ покровительство папы (26).

Исидоръ Шараневичъ говоритъ, что Каменецъ, о которомъ упоминается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1196 годомъ, не Каменецъ-Подольскій, но какой-то городъ, обрѣтающійся гдѣ-то на Волыни (27). Но тамъ, на сколько намъ извѣстно, г. Каменца нѣтъ. Карамзинъ же и Зубрицкій утвердительно говорятъ, что Каменецъ, о которомъ упоминается въ Кіевскомъ

лѣтописцѣ и въ Ипатьевской лѣтописи, есть Каменецъ-Подольскій (28).

Историческія свѣдѣнія, сообщаемыя о Каменцѣ-Подольскомъ этими двумя лѣтописями, касаются только тѣхъ замѣчательныхъ событій, которыя происходили въ разное время то около, то въ самомъ Каменцѣ до нашествія татарскаго, т. е. до 1240 года. Эти свѣдѣнія не могутъ имѣть ничего цѣльнаго, такъ-какъ объ этомъ городѣ лѣтописцы упоминаютъ иногда случайно. Вотъ, что именно говорится о Каменцѣ-Подольскомъ.

Въ 1196 году Романъ, князь волынскій, послалъ свою рать чтобы овладѣть областію Кіевскою и Смоленскою, въ отмщеніе за то, что Владиміръ галицкій вмѣстѣ съ Мстиславомъ Удалымъ направились къ Перемышлю, чтобы сжечь здѣсь волость Романову, а Ростиславъ Рюриковичъ съ Чернымъ Клобукомъ направились въ другую волость Романову около Каменца и пожгли ее, *ополонившееся челядью и скотомъ* (29). Видно Роману Мстиславичу принадлежалъ въ это время не только собственно Владиміро-Волынскій удѣлъ, но и часть Понизья. Еще прежде этого времени мужественный и властолюбивый Романъ Мстиславичъ замышлялъ овладѣть галичскимъ престоломъ Ростиславичей, и дѣйствительно онъ достигъ въ первый разъ происками галицкаго престола 1188 года, хотя въ томъ же году и лишился его (30). Въ 1199 г. Романъ окончательно утвердился на галицкомъ престолѣ и, соединивъ княжество Галицкое съ Владимірскимъ, сталъ сильнѣйшимъ изъ западно-русскихъ князей (31).

Послѣ смерти Романа (1205), галицкаго престола стали искать у галичанъ и Андрей, король венгерскій, для своего малолѣтняго сына Коломана, и Лѣшко Бѣлый, князь краковскій, и Александръ владимірскій, и Мстиславъ Удалой, князь торопецкій и другіе. Во время борьбы и домогательства соперниковъ галицкаго престола, сиротамъ Романовичамъ принадлежалъ изъ всей галицко-владимірской Руси одинъ только Каменецъ-Подольскъ, гдѣ они жили съ 1210 года съ своею матеріею. Съ этого времени Каменецъ дѣлается мѣстопребываніемъ сильныхъ и знаменитыхъ князей этого вѣка (32). Съ 1214 г. каменецкимъ княземъ дѣлается Василько Романовичъ; здѣсь часто проживаетъ и Мстиславъ Удалой, добывавшій Галицкое княжество

для своихъ племянниковъ, жилъ тамъ нѣкоторое время и Даніилъ Романовичъ, который, вмѣстѣ съ бельзскими боярами, встрѣтилъ почетный пріемъ отъ каменецкихъ бояръ, вѣрныхъ дому Романову (33).

Въ 1227 году Мстиславъ выдаетъ дочь свою за Коломана, сына венгерскаго короля Андрея и уступаетъ своему зятю добытый Галичъ, а себѣ беретъ одно Понизье и поселяется въ Каменцѣ-Подольскомъ; но отсюда Мстиславъ скоро удаляется въ любимый свой городъ Торческъ, гдѣ умираетъ схимникомъ 1228 года (34). Послѣ смерти Мстислава Даніилъ Романовичъ присоединяетъ Понизье (Подоліе) къ своимъ владѣніямъ, и поставляетъ свой гарнизонъ въ Каменцѣ-Подольскомъ.— Со смертію Мстислава, возгорѣлась междуусобная война у Даніила Романовича съ Владиміромъ кіевскимъ и Михаиломъ черниговскимъ. Они хотѣли добыть удѣлъ Ростиславу, князю пинскому, котораго Даніилъ плѣнилъ въ Чарторыжскѣ, въ городѣ: доставшемся въ наслѣдство Даніилу отъ Мстислава Нѣмаго, кромѣ того, Владиміръ Рюриковичъ хотѣлъ излить месть свою на Даніилѣ Романовичѣ за то, что отецъ его постригъ нѣкогда силою Рюрика. Собравъ многочисленную рать, Рюрикъ вмѣстѣ съ Котяномъ ханомъ половецкимъ, Михаиломъ черниговскимъ и князьями сѣверскими осадили Каменецъ, городъ Даниловъ; но должны были возвратиться оттуда со стыдомъ (35). Въ 1235 году Михаилъ черниговскій, овладѣвъ Галичемъ, отправилъ галичанъ и болоховскихъ князей на Понизье, къ Каменцу-Подольскому, состоящему подъ властію Даніила князя владимірскаго; но они не могли взять укрѣпленнаго Каменца, и отправились съ плѣнными и добычею домой (36).

Съ 1234 г. жилъ въ Каменцѣ внукъ Игоря Изяславъ Владиміровичъ, и былъ здѣсь до 1246 г., т. е. до нашествія на Подолію татаръ (37). Здѣсь жилъ нѣкоторое время и Михаилъ черниговскій, умершій мученическою смертію въ ордѣ Батыевой, и его супруга, плѣненная въ Каменцѣ в. к. Ярославомъ 1239 г. (38). Послѣ нашествія татаръ и опустошенія ими этого города, свѣдѣнія о Каменцѣ исчезаютъ на цѣлыя сто лѣтъ съ лишнимъ до временъ Коріатовичей. Намъ извѣстно только то, что когда Даніилъ Романовичъ, 1250 г., отправился на Волгу поклониться Батыю, Батый очень доволенъ остался такою чес-

тію, отпустилъ Даніила и *поручена бы земля его ему, иже бяху съ нимъ*, говоритъ лѣтописецъ (39). Даніилъ Романовичъ возстановилъ послѣ этого свое княжество, и дѣятельностію своего ума загладилъ въ немъ слѣды татарскаго опустошенія (40). Но въ 1259 г. татары снова овладѣли Понизьемъ, разрушили Бакоту и опустошили многіе города (41). Можетъ быть въ это время г. Каменецъ-Подольскъ подвергся еще большему опустошенію, чѣмъ въ первое татарское нашествіе, и оставался въ такомъ видѣ до прибытія Коріатовичей, потому-что Подолье съ 1259 года оставалось во власти татаръ, хотя галицкіе князья изъ дома Рюриковичей сидѣли на престолѣ галицкомъ до 1336 г. и приднѣстровскіе города Понизья знали ихъ какъ своихъ князей (42). Хотя о г. Каменцѣ упоминается въ первый разъ въ лѣтописи подъ 1196 годомъ, но въ это время онъ былъ уже однимъ изъ укрѣпленнѣйшихъ городовъ,—значитъ онъ существовалъ гораздо раньше этого времени. Мы думаемъ, что этотъ городъ основанъ по крайней-мѣрѣ въ началѣ XII стол.; а можетъ быть и въ концѣ XI в., князьями изъ дому Ростиславичей, и вѣроятнѣе всего Василькомъ Ростиславичемъ, который особенно заботился объ устроеніи своей земли (42). Нельзя предположить, чтобы при существованіи, въ началѣ XII стол. сосѣднихъ городовъ возлѣ Каменца, каковы были: Ушица, Бакота, Хотинъ и Соколецъ, богатая для защиты мѣстность, гдѣ стоитъ въ настояще время Каменецъ, осталась незанятою и совершенно незамѣченною.

Если бы Коріатовичамъ, или ихъ предшественникамъ литовскимъ князьямъ, пришлось на Подоліи основывать города и заселять пустынныя мѣста (о чемъ мечталъ еще Василько Ростиславичъ) (43) новыми пришельцами, то едва ли имъ удалось бы такъ скоро устроить пустыни, какъ это видимъ на самомъ дѣлѣ. Не прошло болѣе пятнадцати лѣтъ послѣ основанія Каменца, а въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ мы уже замѣчаемъ значительную населенность, видимъ сильную крѣпость, каменецкій князь извѣстенъ папѣ, какъ защитникъ католичества и самъ католикъ (44). Въ этомъ городѣ для католической пропаганды устроенъ доминиканскій монастырь чуть ли не раньше, или въ самый годъ основанія города, т. е. 1360 г., по свидѣтельству Марчинскаго (45).

Изъ грамоты Юрія и Александра Коріатовичей, данной 1374 года городу Саткамъ, нельзя не замѣтить, что литовскіе князья не строили новыхъ городовъ, а только присоединяли къ себѣ старые, уже готовые города, надѣляя ихъ, по обычаю, землями, и такимъ образомъ *добывали себѣ удѣлъ* на Подоліи (46). Коріатовичи говорятъ о Саткахъ, что этотъ городъ или мѣстечко они только присоединили къ Каменцу, а не строили его; такимъ же точно образомъ они присоединили, но гораздо раньше этого, къ своему удѣлу и Каменецъ-Подольскъ, устроивъ здѣсь крѣпость, безъ которой этотъ городъ былъ совершенно беззащитенъ и не имѣлъ никакого значенія.

Кромѣ легенды, которую передаетъ Марчинскій, объ основаніи Каменца, мы слышали еще другую легенду, отчасти похожую на первую, только эта послѣдняя имѣетъ тѣсную связь съ основаніемъ Свято-Троицкой, бывшей каѳедральной церкви. Легенда эта гласитъ слѣдующее: На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь скученъ городъ Каменецъ и раскинуты его окрестности, стоялъ нѣкогда дремучій лѣсъ. Когда то-отправились туда на охоту *три брата князя,* и во время охоты заблудились въ непроходимомъ лѣсу, окруженномъ со всѣхъ сторонъ высокими сплошными скалистыми стѣнами, омываемыми рѣкой. Долго они бродили по лѣсному пространству, но выхода не было, наконецъ они потеряли всякую надежду на спасеніе. Отдавшись въ волю Божію, путники шли, сами не зная куда, и дали обѣтъ воздвигнуть храмъ Господу на томъ мѣстѣ, гдѣ указанъ будетъ путь ко спасенію. Скоро послѣ этого они нашли открытую поляну, откуда осмотрѣвъ мѣстность, увидѣли выходъ изъ естественной крѣпости. Въ благодарность Богу за такое чудесное спасеніе, они поставили на томъ мѣстѣ *каѳедральный костелъ.* Легенду эту, лѣтъ 12 тому назадъ, мы слышали отъ одного старика—католика, мѣстнаго жителя. Неудивительно, что онъ, по своему патріотическому и религіозному чувству, отнесъ основаніе католическаго каѳедральнаго костела къ недовѣдомой ему сѣдой старинѣ. Самый древній костелъ въ Каменцѣ,—монастырь доминикановъ, основанный, вѣроятно, Александромъ Коріатовичемъ, котораго папа Григорій XI похваляетъ за то, что онъ исповѣдуетъ латинскую вѣру и почитаетъ папу. Объ этомъ монастырѣ упоминаетъ папа въ своемъ посланіи 1738 г., 28

янв. Перечисляя какіе доминиканскіе монастыри въ галицкой Руси принадлежатъ странствующей братіи этого ордена, папа указываетъ на таковой же монастырь въ Каменцѣ (47). Каѳедральный же католическій костелъ основанъ гораздо позже доминиканскаго.

Разсказанная нами легенда напоминаетъ собою другія легенды объ основаніи нѣкоторыхъ нашихъ городовъ. И неудивительно, въ лѣсной странѣ мѣста, удобныя для жительства осѣдлаго народа, открываются случайно, во время охоты, или же нарочно снаряженною для этого экспедиціей, какъ наприм. основанъ Львомъ Даниловичемъ Каменецъ на Льстпѣ 1 92 г. (48). Мы думаемъ, что какъ первая, такъ и послѣдняя легенда имѣютъ для себя историческую основу, именно; первая, очевидно, относится ко временамъ Коріатовичей, которые устроили новый городъ на развалинахъ стараго, а послѣдняя—къ первоначальному основанію Каменца и Свято-Троицкой каѳедры въ концѣ XI или въ началѣ XII столѣт., когда дѣлаются извѣстными въ Подоли многіе города по Днѣстру.

Но все это такія предположенія и гаданія, которыя не имѣютъ за собой исторической основы; народная же память не пріурочила основанія города и церкви въ немъ ни къ одному опредѣленному имени. Народъ не могъ сказать ничего опредѣленнаго о первоначальной исторіи этой церкви еще вначалѣ XVIII стол.;—такъ что базиліане въ это время хотѣли доказать, будто въ православной Свято-Троицкой церкви всегда жили монахи ордена св. Василія В. Замѣчательно при этомъ только то, что нѣтъ ни одного указанія, ни свидѣтельства о томъ, чтобы эта церковь построена была Коріатовичами, тогда какъ есть преданіе и свидѣтельства, что Іоанно-предтеченская церковь въ Каменцѣ основана ими. Первоначальныя историческія свѣдѣнія о Свято-Троицкой церкви свидѣтельствуютъ о томъ, что Коріатовичи только утверждаютъ за этою церковью права на тѣ земли, которыя принадлежали ей издавна (49).

(*Продолженіе будетъ.*)

ПОПЫТКА РИМСКАГО ЕПИСКОПА ПОДЧИНИТЬ СВОЕЙ ВЛАСТИ ЮГО-ЗАПАДНУЮ РУССКУЮ ЦЕРКОВЬ ВЪ XIII СТОЛѢТІИ, ВО ВРЕМЯ КНЯЖЕНІЯ ДАНИЛА РОМАНОВИЧА ГАЛИЦКАГО *).

Средневѣковая идея папства, какъ всемірнаго церковнаго господства съ видимымъ его средоточіемъ—въ лицѣ римскаго первосвященника, такъ поразительно дѣйствовала на умы, что всѣ лучшіе представители католицизма дѣйствовали подъ вліяніемъ этой давящей ихъ идеи. Каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду расширеніе и внутренней и внѣшней власти папства и, казалось, предчувствовалъ сердцемъ то счастливое время, когда будетъ, по словамъ Спасителя, едино стадо и единъ Пастырь, что имѣли смѣлость римскіе владыки относить къ своему времени и къ себѣ. Идея эта, какъ священный завѣтъ, передавалась отъ однихъ папъ къ другимъ и заставляла пускать въ оборотъ всѣ средства, чтобы достигнуть желанной цѣли всецѣлаго подчиненія себѣ народовъ. И дѣйствительно, было время, когда цѣль эта, казалось, недалеко была отъ своего осуществленія и (XI и XII вв.,) по одному слову папы толпы оду-

(*) Подольская епархія въ церковно-административномъ отношеніи, съ самыхъ давнихъ временъ,-до начала почти настоящаго столѣтія,—была связана съ епархіей галицкой, и епископъ галицкій былъ, большею частію, и каменецкимъ. А потому всѣ явленія церковной жизни, всѣ движенія и волненія въ области народно-религіозной у насъ были всѣ тѣже, что и въ землѣ галицкой, такъ какъ это была одна церковь, одна епархія. Если это почти неизмѣнно продолжалось до конца прошлаго столѣтія, то тѣмъ болѣе и сильнѣе должно было чувствоваться въ вѣка предшествовавшіе, особенно во время правленія великаго князя Даніила Романовича, когда область эта представляла, кромѣ церковнаго, и гражданское единство, подъ державою единаго князя, владѣвшаго юго-западною половиною Руси. Заявленное въ его княженіе властолюбивое стремленіе Рима представляетъ интересный эпизодъ изъ исторіи попытокъ къ подчиненію Риму русской церкви. Попытки такого рода идутъ непрерывно съ IX вѣка, отъ самаго начала у насъ христіанства, и оканчиваются великой церковной катастрофой, извѣстной подъ именемъ уніи, которая, въ своемъ историческомъ развитіи и утвержденіи, принесла столько печальныхъ слѣдствій для народно-религіозной жизни юго-западной Руси-вообще, и нашей епархіи—въ частности.

шевленныхъ войновъ двигались въ неизвѣстныя имъ страны для религіозныхъ завоеваній. Если теперь (въ нач. XIII в.) начало замѣчаться охлажденіе этого религіознаго энтузіазма въ подвластныхъ Риму народахъ, то тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ папы должны были устремить свои нравственныя силы на подчиненіе себѣ сосѣднихъ народовъ и странъ, которые, по чему нибудь, не признавали власти того,—кому безъ малаго подчинялась вся Европа. На открытомъ европейскомъ материкѣ такими оставались еще русскія страны 1), и на нихъ то, главнымъ образомъ, сосредоточилось теперь вниманіе папъ. Вниманіе это выразилось рядомъ попытокъ склонить къ религіозному союзу съ Римомъ православную Русь,—и одно изъ такихъ энергическихъ покушеній мы видимъ въ сношеніяхъ папы Иннокентія IV съ Даніиломъ Галицкимъ.

Время, когда княжилъ Даніилъ Галицкій, было смутнымъ для Русской земли временемъ. Тогда она подчинилась власти азіятскихъ завоевателей монголовъ или татаръ и должна была носить постыдное иго рабства. Князья сѣверные, на которыхъ пала вся тяжесть татарскаго разгрома, видѣли всю безвыходность своего положенія и покорно, одинъ за другимъ, стали являться въ Орду, чтобы получить отъ побѣдителей утвержденіе своей власти на разрушенныхъ столахъ отцевъ и дѣдовъ. Въ юго-западной Руси дѣла приняли нѣсколько другой характеръ. По болѣе отдаленному разстоянію своему отъ татаръ, она не въ такой сильной степени чувствовала ихъ гнетъ на себѣ, и здѣсь является слабая надежда на избавленіе. Этимъ юго-западная Русь была обязана, по преимуществу, своему молодому князю Даніилу Романовичу, который безспорно принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ людямъ своего вѣка." Съ блестящимъ мужествомъ, славолюбіемъ, наслѣдственнымъ въ племени Изяславовомъ, Даніилъ соединялъ способность къ обширнымъ государственнымъ замысламъ и къ государственной распорядительности; съ твердостію, умѣніемъ твердо стремиться къ разъ предположенной цѣли, онъ соединялъ мягкость въ поведеніи, разборчивость въ средствахъ, въ чемъ походилъ на

1) Была еще неподчинена папѣ, въ религіозномъ отношеніи, языческая Литва.

прадѣда своего Изяслава и рѣзко отличался отъ отца своего-Романа. „Вотъ характеристика этаго замѣчательнаго человѣка, представленная нашимъ историкомъ 1). Характеръ его развивается среди постоянныхъ войнъ съ сосѣдями, среди безпрестанныхъ крамолъ мятежныхъ бояръ и въ немъ вырабатывается та черта благоразумной осторожности и находчивости, при помощи которой онъ умѣетъ выпутаться изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ безъ большаго урона, даже болѣе,—съ выгодою для себя;—рѣдкій политическій тактъ! Среди постоянныхъ междуусобій, онъ устрояетъ свою землю, поднимаетъ города изъ пепелищъ и развалинъ, пріобрѣтаетъ уваженіе въ кругу своихъ сосѣдей, и старается въ окружающихъ обстоятельствахъ найти средства къ освобожденію родной земли изъ тяжкаго рабства, постигшаго ее. Обстоятельства эти были такого рода: окружающіе Даніила сосѣди были, большею частію, или слабы или недѣятельны, такъ что въ битвахъ съ ними онъ почти не находитъ себѣ соперника и всегда выходитъ побѣдителемъ. Одна лишь сила татарская кажется ему страшною на востокѣ и, не смотря на всю свою любовь къ независимости, онъ долженъ былъ предъ нею преклониться. Южный лѣтописецъ въ такихъ словахъ изображаетъ это подчиненіе Даніила татарской власти." Даніилъ Романовичъ князь былъ великій, обладалъ, вмѣстѣ съ братомъ, Русскою землею, Кіевомъ, Владиміромъ и Галичемъ, а теперь сидитъ на колѣняхъ и холопомъ называется. О злѣе зла честь татарская!... 2)" Чтобы избавиться отъ такой чести, предпріимчивый князь сталъ искать опоры на другой сторонѣ. Онъ думалъ, что дружный отпоръ всѣхъ западныхъ державъ можетъ отвратить неотразимые доселѣ удары татаръ, но въ тоже время зналъ, что только слово папы умѣло внушать единодушіе этимъ постоянно враждующимъ между собою народностямъ и, на этомъ основаніи, сталъ подумывать о сношеніи съ папой. Такимъ образомъ благоразумная политика заботливаго князя, въ этомъ случаѣ, совпала съ общей политической римской куріи по отношенію къ русскимъ странамъ, и изъ постепеннаго

1) Истор. Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соловьева. Том. 2. глава 3.

2) Истор. Россіи съ древ. вр. Соловьева т. 3. гл. 3.

развитія и борьбы этихъ враждебныхъ началъ слагается вся исторія отношеній Даніила Галицкаго къ Иннокентію IV.

Въ такое положеніе поставили дѣло сближенія между юго-западною Русью и Римомъ-историческія обстоятельства. Неминуемо долженъ былъ произойти выходъ изъ этого особеннаго положенія дѣлъ. Одна изъ заинтересованныхъ сторонъ должна была сдѣлать первый шагъ... На дѣлѣ оказалось, что первое слово о союзѣ замолвлено было съ запада, и первый шагъ, на пути готовившихся отношеній русскаго князя и папы, принадлежалъ не Даніилу Романовичу, радѣвшему о благѣ земли русской, но всегда осмотрительному и осторожному,—а хитрой и рѣшительной въ достиженіи своихъ цѣлей политикѣ папской. Настоящее время казалось Риму самымъ удобнымъ и особенно выгоднымъ для приведенія въ исполненіе своихъ видовъ на русскія земли. Русь теперь была ослаблена политически, и съ надеждою обращала свои взоры на избѣжавшій порабощенія западъ,—чего не бывало въ пришествующее время. Съ другой стороны, около этаго времени (въ XIII в.) стало проявляться на западѣ значительное неуваженіе къ папскому авторитету. Жители южной части Франціи, цвѣтущаго науками и торговлею Прованса,—открыто возстали противъ власти и ученія церкви римской. Явилась опасная ересь, подавить которую Римъ не могъ одними духовными средствами. Папа (Иннокентій III) убѣдилъ жителей сѣверной Франціи идти крестовымъ походомъ на южныхъ братьевъ 1). Хотя политика папы восторжествовала и крестовымъ мечемъ было поражена альбигойская ересь, открывшаяся въ Провансѣ, но побѣда эта достигнута была такимъ множествомъ жертвъ кровавыхъ, что это естественно должно было подоровать религіозное уваженіе къ Риму и принести, въ близкомъ будущемъ, больше вреда, чѣмъ пользы церкви римской. Событія послѣдующихъ вѣковъ вполнѣ это доказали. Все это ясно напоминало папамъ, что на западѣ готовится что-то недоброе для нихъ, и теперь было бы очень кстати подкрѣпить свою власть новыми пріобрѣтеніями и утвердить свой поколебавшійся авторитетъ на новыхъ племенахъ, которые могли предаться новому исповѣданію со всѣмъ

1) Война Альбигойская. Иннокентій III.

одушевленіемъ молодыхъ націй. Папство именно ожидало такихъ блестящихъ плодовъ для своего будущаго отъ религіознаго подчиненія русскаго народа. Во всѣ послѣдующіе вѣка оно высказывало ту мысль, что если бы Риму удалось подчинить себѣ Россію, то нечего было бы жалѣть о той великой потерѣ, которую причинила реформація папству. Это задушевное убѣжденіе Рима побуждало его даже еще въ XIII столѣтіи энергически стремиться къ облиɀенію съ Русью и не упускать представившагося къ тому случая. Событія дѣйствительно благопріятствовали этому сближенію.

Когда грозная сила татарская, разгромившая восточную Европу, висѣла надъ западомъ, папа Иннокентій IV, желая мирными предложеніями устранить угрожающія несчастія, отправилъ пословъ къ хану, послы эти должны были отправляться чрезъ русскія страны (Владиміръ, Кіевъ и пр.), и имѣли видѣться здѣсь съ русскимъ народомъ, князьями и духовенствомъ. Папа незамедлилъ воспользоваться этимъ, для распространенія своей власти и подчиненія себѣ церкви русской. Князь Василько, братъ Даніила, по интересу политическому находился въ Мазовіи, и здѣсь въ первый разъ, встрѣтился съ посланниками папы, во главѣ которыхъ былъ Плано-Карпини, оставившій записки объ этомъ путешествіи 1). Этотъ италіянецъ сталъ заохочивать Василька подчиниться Риму, и затѣмъ посѣтилъ на пути его область. Дѣло объ соединеніи Василько предалъ собору, но послѣдняго рѣшенія тогда не было, по причинѣ отсутствія Даніила 2). Подробнѣе разсказываетъ объ этомъ обстоятельствѣ самъ Плано-Карпини; „великій князь Василій, по просьбѣ краковскаго епископа и вельможъ тамошнихъ, взялъ насъ къ себѣ и велѣлъ намъ нѣсколько дней отдохнуть, доставляя на свой счетъ все нужное къ содержанію нашему. Мы просили его, чтобы созвалъ своихъ епископовъ, предъ которыми прочли мы грамоты его святѣйшества, увѣщевавшаго ихъ соединиться съ святою католическою церковью; причемъ и мы у-

---

1) Плано-Карпини былъ итальянецъ, монахъ Францисканскаго ордена, имѣлъ товарищемъ и перевод. поляка Венедикта Францисканца. Skarbiec. т. 1. № 98 примѣчаніе: Ignacy Daniłowicz.

2) Skarbiec. т. 1. № 103, г. 1246. Ignacy Daniłowicz.

бѣждали ихъ на сіе согласиться, равно и князя ихъ. Но поелику великого князя Даніила, брата Васильева, тогда не было тамъ, а находился онъ у Батыя, то они не могли сдѣлать намъ на сіе никакого отвѣта 1).“ Вотъ *гдѣ и какъ* завязывается, впервые, узелъ тѣхъ своеобразныхъ отношеній, въ какихъ находились великій князь юго-западной половины Руси и церковный владыка запада Иннокентій IV.

Въ своемъ бѣдственномъ состояніи Русь чувствовала все свое безсиліе, и если могла ждать какой либо помощи, то единственно отъ запада, со стороны европейскихъ державъ, которыхъ не постигла несчастная доля. Понятно поэтому, съ какимъ уваженіемъ должны были встрѣчать порабощенные татарами пословъ папы, о которомъ и прежде и теперь доходили (изъ Польши и друг., католическихъ сосѣднихъ странъ) слухи, какъ полномощномъ владыкѣ всего западнаго католическаго міра. Можемъ представить себѣ, какими сладкими надеждами на поддержку и освобожденіе льстили порабощеннымъ русскимъ, какіе небывалыя легенды о папѣ и его могуществѣ разсказывали папскіе послы, и предъ татарами величавшіе себя послами отца и владыки всѣхъ христіанъ 2); а затѣмъ вполнѣ для насъ будетъ понятно, что русскіе оказывали полное довѣріе и честь посламъ папы и возлагали на ихъ обѣщанія, самыя свѣтлыя надежды. Для народа, какъ и вообще человѣка,—порабощеннаго,—что можетъ быть отраднѣе надежды на освобожденіе! Скажите человѣку заключенному въ темницѣ, что вы можете освободить его и сдѣлаете это,-онъ, безъ сомнѣнія, не будетъ знать границъ для изъявленія своего уваженія и признательности къ вамъ. Расположивъ къ себѣ такимъ образомъ русскихъ, вѣрные слуги папы спѣшатъ воспользоваться минутою умиленія первыхъ въ видахъ своей цѣли. Они тогдаже не преминули предложить, и даже сейчасъ попробовать на дѣлѣ тѣ условія, при которыхъ можно было надѣяться на осуществленіе сладкой надежды. Дальнѣйшія обстоятельства показали какъ далеко еще было, отъ этихъ обѣщаній и возбужденной надежды, до дѣйствительнаго освобожденія, но папскіе послы,

1) Пут. на Сѣв. т. VII въ реляціи Плано-Карпини, гл. XVIII.
2) Истор. Госуд. Россійскаго Карамзина т. IV. гл. 1.

не теряя времени, спѣшатъ наложить на подавленный народъ новое тяжелое ярмо нравственнаго и религіознаго подчиненія папѣ. Они читаютъ русскому князю, епископамъ и вельможамъ папскія грамоты о подчиненіи Риму и сами убѣждаютъ ихъ признать надъ собою власть римской церкви и главенство папы, но ни князь, ни епископы не даютъ имъ никакого отвѣта ...

Намъ извѣстно, какъ встрѣчались нашими предками всѣ предложенія такого рода со стороны латинства. Онѣ породили цѣлый отдѣлъ духовной литературы, въ которой представители русскаго восточнаго православія, отстаиваютъ чистоту своего ученія и жизни противъ нападеній на нихъ латинства 1). Довольно вспомнить умный и энергическій отвѣтъ князя галицкаго Романа на подобное предложеніе посла со стороны папы, гдѣ князь на отрѣзъ отказывается отъ всякихъ услугъ римскаго сѣдалища и говоритъ, что не имѣетъ нужды въ мечѣ Петровомъ, пока владѣетъ собственнымъ мечемъ, которымъ онъ можетъ покорить города и царства 2). Но теперь слишкомъ велико было народное бѣдствіе, чтобы оттолкнуть руку, обѣщающую помощь, кѣмъ бы она предложена ни была. Поступить такъ, какъ поступали твердые вѣрою въ себя отцы и дѣды, не рѣшались въ настоящее время ни владѣтельные особы, ни епископы русскіе, къ которымъ, главнымъ образомъ, относились предложенія папы. Для тѣхъ и другихъ дорога была вѣра,— священное наслѣдіе отцовъ и православнаго востока, а потому весьма естественно, что они съ раздумьемъ останавливаются надъ предложеніемъ папскихъ пословъ и не даютъ имъ опредѣленнаго отвѣта. Принять сразу и во всей силѣ предложеніе папы значило бы рѣшительно пожертвовать интересами религіи интересамъ политическимъ, которые теперь начинали заправлять ходомъ событій. Русскіе епископы не рѣшились вступить на эту новую, незнакомую имъ, дорогу, и на усердныя приглашенія пословъ отвѣчали молчаніемъ. Точно также поступилъ, т. е. не далъ прямаго отвѣта и князь Ва-

1) Цер. истор. Филар. т. 1. Отд. 2-й § 18.
2) Истор. уніи. Бантышъ-Каменскій. стр. 2.

сильно съ вельможами, на томъ основаніи, что не было великаго князя Даніила, который въ ту пору находился въ Ордѣ.

Великій князь возвратился и вынесъ самое тяжелое впечатлѣніе послѣ того ряда униженій, какія ему пришлось испытать при ханскомъ дворѣ, хотя ханъ, уважая его силу и доблестный характеръ, оказывалъ ему больше ласки и снисхожденія, чѣмъ прочимъ князьямъ. Въ душѣ князя теперь сильнѣе прежняго окрѣпла мысль о необходимости искать средствъ для избавленія отъ власти татаръ, а потому ему, такъ сказать, былъ на-руку тотъ первый шагъ къ сближенію, какой сдѣлали римскіе послы. Одно только въ этомъ дѣлѣ смущало предпріимчивую душу князя—это тяжелыя условія, какія предложили послы для достиженія союза и помощи западныхъ государствъ. Это ни коимъ образомъ не входило въ первоначальный планъ Даніила относительно сближенія съ западной Европой и папой, такъ какъ, на первыхъ порахъ, онъ не думалъ идти дальше политическаго союза. Мы не навязываемъ Даніил чуждыхъ ему мыслей; что такая именно мысль руководила имъ это покажетъ весь ходъ дѣла и послѣдніе его результаты. Н не такъ понималъ сближеніе съ Русью папа; религіозная по литика стояла здѣсь на первомъ планѣ, и совершившимся уж на Руси фактомъ (заявленіемъ сдѣланнымъ послами папы рус скому князю и духовенству), какъ нельзя болѣе опредѣлялис начала, на которыхъ могли быть продолжены отношенія Ру къ Риму. Проницательный князь не могъ сразу не пон всего характера хитрой и неизмѣнной въ преслѣдованіи свои цѣлей политики папства; онъ видѣлъ, что вѣрный завѣту с ихъ предшественниковъ епископъ Рима ставитъ, въ этомъ с чаѣ, религіозное сближеніе, какъ единственное условіе по тическаго союза и, не видя, среди окружающихъ его обст тельствъ лучшаго выхода, рѣшился осторожно идти, но п ложенному пути, стараясь при этомъ держать себя такъ, чт для посторонняго взгляда казалось, что если онъ не впо раздѣляетъ политику папы, то и не вполнѣ уклоняется нея. Такимъ образомъ въ характеръ чисто политическихъ ношеній, въ какія думалъ вступить русскій князь съ запа и представителемъ его папою, вошла новая черта чисто р гіозная, сообщившая такой же оттѣнокъ всему дѣлу Дан Галицкаго съ папою Иннокентіемъ IV.

Папскіе послы отправлявшіеся къ хану и положившіе первое начало сношеній запада съ Русью и на возвратномъ пути посѣщаютъ русскіе города, но здѣсь уже, какъ увидимъ, болѣе прежняго все было подготовлено къ встрѣчѣ ихъ. Плано-Карпини съ увлеченіемъ описываетъ тотъ пріемъ, какой ему оказывали въ русскихъ городахъ и между прочимъ въ Кіевѣ. „Кіевляне, говоритъ онъ, свѣдавъ о нашемъ возвращеніи вышли на встрѣчу намъ и, съ великими изъявленіями радости, приняли насъ, какъ людей воскресшихъ изъ мертвыхъ. Такой же пріемъ былъ намъ и въ прочихъ странахъ Руси... гдѣ князь Даніилъ и Василій угощали насъ и противу нашей воли удержали восемь дней. Собравшись, между тѣмъ въ совѣтъ ихъ съ епископами и другими почтенными людьми (потому что мы имъ разсказывали о татарахъ и нашемъ похожденіи), они съ общаго согласія намъ объявили, что намѣрены признать папу единымъ своимъ властителемъ, а святую римскую церковь матерею и начальницею, подтверждая съ клятвою, что уже писали въ Римъ и съ посланнымъ отъ нихъ для сего дѣла игуменомъ, однакоже и съ нами отправили пословъ своихъ съ грамотами къ его святѣйшеству“ 1). Безъ сомнѣнія, здѣсь много есть прибавленнаго и въ тонѣ рѣчи и въ самомъ смыслѣ заявленія сдѣланнаго совѣтомъ князя предъ папскими послами. Все это естественно въ рѣчи Плано-Карпини, который, съ одной стороны, какъ преданный слуга папскій и не могъ иначе какъ въ такихъ выраженіяхъ говорить о своемъ владыкѣ и съ другой-имѣлъ интересъ представить въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ дѣла на Руси, чтобы придать болѣе значенія своему посольству на востокъ. Но если отбросить эти прибавки, сдѣланныя разсчетомъ и служебнымь этикетомъ, то можно понять самую сущность дѣла, именно-русскіе могли говорить, что они намѣрены признать покровительство и власть папы, если только будетъ дана помощь противъ татаръ. Это соображеніе будетъ со всѣмъ ходомъ дѣла. И въ этомъ же характерѣ могли быть начаты сношенія съ Римомъ, о которыхъ упоминаетъ Плано—Карпини (2). И дѣствительно въ небольшой промежутокъ, про-

1) Пут. на сѣв. т. VII реляція Плано-Карпини.
2) Одного только здѣсь не можемъ допустить мы, это, чтобы

текшій во время путешествія Плано-Карпини на востокъ въ Татарію, въ отношеніяхъ Даніила Галицкаго и папы Иннокентія IV сдѣланъ значительный шагъ впредъ. Не успѣли еще возвратиться папскіе послы изъ Татаріи (1), какъ слухъ о томъ пріемѣ и успѣхѣ, какой имѣли они на Руси достигъ уже (вѣроятно чрезъ католическую Польшу или Венгерію) до Рима, и папа, какъ передаютъ католическіе писатели, (2) „распаляемый святою жаждою соединенія въ стадѣ Христовомъ всѣхъ овецъ заблушихъ, упредилъ желанія русскаго народа, (3) высылая ему въ качествѣ легата-Альберта архіепископа Пруссіи и Эстоніи,“ и отправляя при этомъ случаѣ двѣ буллы: одну на имя легата архіепископа, а другую на имя Даніила съ однимъ почти и тѣмъ же содержаніемъ. Въ буллѣ адрессованной къ легату папа говоритъ такъ: „имѣя несомнѣнную увѣренность въ твоемъ благоразуміи, что ты принесешь туда слова жизни и изложишь нашу волю и братьевъ и поручая тебѣ при этомъ полную власть въ этомъ краѣ, назначаемъ тебя туда, удѣляя еще новую власть исторгать, разрушать, растирать, и уничтожать, созидать и насаждать, по твоему усмотрѣнію, дѣлая все это для Бога 4)“, за что далѣе обѣщается ему награда у людей. Такимъ образомъ, настоящею буллою, папа поручаетъ своему легату быть польнымъ хозяиномъ въ русской церкви

посолъ Даніила къ папѣ игуменъ, какъ называетъ его Плано-Карпини, или кто нибудь другой отправлялся въ Римъ для заключительнаго акта о соединеніи церквей, какъ это утверждаютъ католическіе историки: (Historia kosciola ruskego ks. Franciszka Gusty T. 1, Rodz. VIII p. 91) потому что вся послѣдующая исторія отношеній князя галицкаго къ Иннокентію IV свидѣтельствуетъ, что не было никакого подобнаго формальнаго акта и отношенія Руси къ Риму были совершенно свободныя, лишенныя всякаго формальнаго обязательства.

1) Ханъ отписалъ папѣ 20 іюля 1247 г. (skarb. т. 1 № 98 прим.), слѣд. не раньше этого времени возвратились папскіе послы.

2) Historia kosciola ruskego ks. Franciszka Gusty T. 1. R. VIII.

3) Помянутый католическій историкъ не указываетъ точно дожидался ли папа пословъ князя и вообще какого либо заявленія съ его стороны;—или просто сдѣлалъ смѣлый политическій шагъ, послѣд., впрочемъ, больше приближается къ обыкнов. политикѣ Рима.

4) Истор. акты Тургенева. LXVI подъ № 46 г.

и русской землѣ и воздѣлывать виноградникъ Божій, по своей собственной волѣ и усмотрѣнію. На чтожъ это могла быть направлена такая, въ высшей степени, энергическая и рѣшительная дѣятельность папскаго легата въ христіанской Руси? Это объясняетъ намъ вторая булла къ Даніилу Романовичу. „Несомнѣнно, говорится въ этой буллѣ, что до настоящаго времени господствовали въ вашемъ краѣ обычаи и обряды грековъ, по суевѣрію и злонамѣренности отдѣлившихся (отъ церкви, разумѣется, римской) и эти обычаи были сохраняемы до сихъ поръ, а недавно, по милости Божіей, просвѣщены сердца ваши, дабы вы узнали церковь римскую, мать и учительницу всѣхъ прочихъ и высочайшаго епископа наслѣдника Петрова, которому вручены ключи царствія Божія и право вязать и рѣшить.... Посылаемъ почтеннаго брата нашего архіепископа Пруссіи и Эстоніи, легата сѣдалища апостольскаго, мужа по сердцу нашему, украшеннаго честнымъ нравомъ, одареннаго знаніями наукъ и славнаго въ здравыхъ совѣтахъ, который принесетъ вамъ слова жизни и пр. 1). Затѣмъ повторяется уже извѣстное право, данное легату, исторгать, разрушать и т. д. Сравнивая обѣ эти буллы и въ нихъ наказъ папы легату и тѣ мнимые недостатки церкви русской, какіе указываются въ буллѣ къ Даніилу Романовичу, можно сдѣлать безошибочное заключеніе, что здѣсь идетъ дѣло объ искорененіи обычаевъ церкви восточной и вообще всего церковнаго строя, какимъ отличается православная церковь восточная отъ католической западной. Однимъ словомъ, папѣ хотѣлось разъ навсегда связать церковь русскую съ Римомъ и, какъ самое вѣрное для этого средство, олатинить русскую церковь, что всегда католичество ставило на первомъ планѣ, послѣ признанія хоть какой нибудь зависимости отъ папы. Насколько папѣ удалось достигнуть своихъ цѣлей и какіе были результаты такого насилія покажетъ дальнѣйшій ходъ дѣла.

(*Окончаніе будетъ.*)

---

1) Истор. акты отн. къ Россіи Тургенева LXV 1246 г.

III.

НѢСКОЛЬКО СООБРАЖЕНІЙ, ВЫЗЫВАЕМЫХЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОЛОЖЕНІЕМЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Такъ называемый польскій вопросъ сдѣлался предметомъ самой напряженной дѣятельности нашей (и даже заграничной) прессы въ теченіи послѣдняго шестилѣтія. Всѣ—и знающіе и полузнающіе дѣло, и не имѣющіе объ немъ даже ясняго представленія, вперегонку другъ предъ другомъ, пускались рѣшать этотъ вопросъ по крайнему своему разумѣнію или неразумію. Понятно, что изъ этого tutti forte рекламъ, корреспонденцій, брошюръ, книжекъ вышла безпримѣрная разноголосица мотивовъ. Мнѣнія людей разныхъ партій, національностей, убѣжденій, тенденцій сталкивались другъ съ другомъ, разлетались фейерверкомъ трескучихъ фразъ и большею частію оставляли послѣ себя мракъ только и копоть. Органы нашей прессы раздѣлились на два непріятельскіе лагеря, переиспытавшіе всѣ фазисы и пріемы перестрѣлокъ, вылазокъ, штурмовъ, подкоповъ, бомбардировокъ, единоборствъ, сегодня заключаемыхъ, завтра нарушаемыхъ капитуляцій. Полемика адвокатовъ «польской справы» достигла самыхъ высокихъ нотъ задора, которому приносилась въ жертву и исторія, и честность, и приличіе, и здравый смыслъ. Эти адвокаты хотѣли заглушить правдивую рѣчь своихъ противниковъ отчаяннымъ «не позволямъ», судорожнымъ крикомъ, площадною бранью, нерѣдко ложью, клеветой, искаженіемъ фактовъ, а подчасъ и мнимымъ дружелюбіемъ и благоне-

мѣренностью. Они обнаружили тоже разнообразіе, туже неразборчивость въ выборѣ оружія и пріемовъ битвы нравственной, какую обнаружили, назадъ тому шесть лѣтъ, въ выборѣ оружія и пріемовъ битвы физической. Этотъ терроръ полемическій можетъ быть нѣсколько объясненъ неловкостью положенія самихъ полемистовъ, въ отчаяніи хватающихся, при удобномъ случаѣ, за всяческія средства разрушенія, а при видѣ противника не по силамъ, предающихся постыдному бѣгству или объясняющихся въ любви, предлагающихъ непрошенный миръ и дружбу. «Вѣстникъ Западной Россіи» прежде другихъ органовъ нашей прессы (1862 г.) занялся разностороннимъ рѣшеніемъ польскаго вопроса; вопросъ этотъ составляетъ главнѣйшую половину его задачи и спеціальности,—на Вѣстникѣ лежитъ обязанность рѣшить его окончательно и если то возможно, сдать въ архивъ. Постараемся теперь исполнить эту обязанность на столько, насколько то будетъ отъ насъ зависѣть, и насколько, то есть, адвокаты польской справы и явленія текущей жизни оставятъ намъ свободы дѣйствій и возможности не возвращаться на пройденную дорогу. Напередъ оговоримся, что мы немного можемъ сказать теперь новаго, такъ какъ мы не оставили ни одной стороны вопроса нетронутой и, въ теченіи семилѣтней его разработки, уяснили его достаточно со стороны исторической, политической, религіозной и этнографической. Поэтому мы теперь ограничимся сводомъ нашихъ и чужихъ мнѣній касательно главнѣйшихъ сторонъ русско-польскаго вопроса и тѣми соображеніями и выводами, которые вызваны этими мнѣніями и послѣдними явленіями жизни въ западной Россіи.

Главный предметъ мыслей, желаній и дѣятельности лучшихъ людей русскихъ, равно какъ и главную тему публицистики благонамѣренныхъ, патріотическихъ органовъ нашей прессы, составляетъ обрусѣніе западной, ополяченной было и олатиненной, Россіи. Для достиженія этой цѣли пригодны средства и положительныя, и отрицательныя. Между тѣми и другими немыслима рѣзкая черта, разграничивающая ихъ до невозможности вторженія однѣхъ въ предѣлы другихъ, такъ какъ ослабляя, стушевывая положен-

мы тѣмъ самымъ воспроизводимъ, усиливаемъ обрусѣніе края.

Мы будемъ идти обруку съ исторіей и здравымъ смысломъ, если изберемъ къ обрусѣнію западной Россіи тотъ самый путь, который избрали наши антагонисты къ ея ополяченью: всякая болѣзнь ослабляется и уничтожается не иначе, какъ посредствомъ узнанія и уничтоженія произведшихъ ее причинъ. Но, объединяя путь къ обрусѣнію съ путемъ къ ополяченью края, мы тѣмъ еще не даемъ кому либо повода укорить насъ въ допущеніи тѣхъ неразборчивыхъ средствъ, которыми эксплуататоры здѣшнихъ областей русскихъ хотѣли сообщить ему польскую физіономію; мы не намѣрены лѣчить всякую болѣзнь ампутаціями; мы даже слишкомъ много вліянія на благопріятный исходъ болѣзни предоставляли и предоставляемъ порченой натурѣ и бездушному времени. Подражаніе нашимъ антагонистамъ тѣмъ болѣе для насъ излишне, что мы стремимся не къ созданію новыхъ, а только къ возврату прежнихъ судебъ края.

Какъ же ведено было ополяченье западной окраины Россіи?

Чтобъ упрочить для себя почву матеріальную и привольнѣе зажитъ паразитомъ на чужомъ организмѣ, поляки прежде всего занялись экспропріаціей (усвоеніемъ) въ свою пользу земель русскихъ. Не смотря на международныя обязательства свободной федераціи, обставленныя всевозможными гарантіями неприкосновенности земли русской (на люблинскомъ сеймѣ), новые хозяева страны съ такою безцеремонностью, съ такою неразборчивостью средствъ расхозяйничались въ доброй Руси, что къ половинѣ 18 столѣтія всѣ почти земли русскія или опустѣли, или обращены въ земли польскія,—какъ показалъ опытъ,—въ земли чужія, точнѣе—непріятельскія. Первою, поэтому, статьею въ проэктѣ обрусѣнія западнаго нашего края должно бы быть возвращеніе земель польскихъ ихъ законнымъ, стародавнимъ хозяевамъ и отчужденіе ихъ отъ тѣхъ, которые не умѣли пользоваться чужою собственностью, вѣчно мечтаютъ *о побѣдѣ надъ Россіей*, постоянно тревожатъ ее смутами внутренними, всегда примыкаютъ къ врагамъ ея при внѣшнихъ столкно-

женіяхъ ея съ западомъ, даже съ Турціей. Какъ привести къ исполненію эту главную мѣру къ обрусѣнію края, на этотъ вопросъ не можетъ отвѣчать категорически наша пресса; этотъ отвѣтъ долженъ быть фактическимъ, а такъ можетъ отвѣчать одно правительство. Пресса только обязана сказать, что до тѣхъ поръ, пока мѣра эта не осуществится, мы будемъ теоретическими, кочевыми обладателями западной Россіи, будемъ окружены непріятельскими вооруженными лагерями, будемъ жить словно на бивуакахъ, постоянно ожидая снятія часовыхъ нашихъ, поминутно отбиваясь отъ штурмовъ и вылазокъ ксендзо-шляхетскихъ. На эту тему мы говорили такъ много, разносторонно, аксіоматически, мы такъ окончательно разработали ее со всевозможныхъ сторонъ и отношеній, что теперь находимъ излишнимъ повторяться—и потому даже, что истина не требовала-бъ и доказательствъ, еслибъ она, при всей своей очевидности и непоколебимости, не подвергалась пререканіямъ, нападкамъ, еслибъ не настояла вопіющая нужда твердить о ней постоянно.

И правительство какъ нельзя яснѣе поняло необходимость территоріальнаго обрусѣнія западнаго края и какъ нельзя постояннѣй и энергичнѣе стремится къ достиженію этой цѣли. Въ послѣднее пятилѣтіе изданъ цѣлый рядъ законоположеній, направленныхъ къ усиленію русскаго въ краѣ землевладѣнія и умѣвшихъ сочетать юридическую правду съ незаслуженною панами гуманностью. Въ числѣ такихъ законоположеній особенно цѣлесообразны и [illegible]венны указъ объ обязательномъ надѣлѣ землею крестьянъ и указъ 10 декабря 1865 г., съ ихъ послѣдующими дополненіями и объясненіями. Въ настоящее время, благодаря принятымъ въ послѣднее пятилѣтіе мѣрамъ, число помѣщиковъ непольскаго происхожденія въ сѣверозападныхъ губерніяхъ достигло цифры 841, которые владѣютъ 915-ю имѣніями, заключающими въ себѣ 932,363 дес. Но въ шести сѣверозападныхъ губерніяхъ еще осталось 13,601 помѣщиковъ польскаго происхожденія, которые владѣютъ 8450-ью [illegible]

1) Цифра имѣній и количество десятинъ земли, принадлежащей 5849-ти помѣщикамъ Ковенской губерніи, неизвѣстна. Не опре-

отдѣльными имѣніями, заключающими вообще (кромѣ Ковенской губерніи) 7,758,972 десят. Въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ элементъ русскій (по числу землевладѣльцевъ) нѣсколько сильнѣе: тамъ уже около 970-ти русскихъ землевладѣльцевъ, а польскихъ 4290, владѣющихъ около 6,000000 десят. земли.

Изъ этихъ цифръ видно, что русская интеллигенція сдѣлала слишкомъ ничтожное въ краѣ пріобрѣтеніе поземельное, что огромныя полосы русской земли и доселѣ находятся во владѣніи людей, которымъ пока,—до предъявленія болѣе фактическихъ признаковъ дружелюбія,—довѣрять мы не имѣемъ основанія, и большинства которыхъ благонадежность политическая, помимо всѣхъ миролюбивыхъ и консервативныхъ *фразъ*, болѣе чѣмъ сомнительна, и что, слѣдовательно, на сторонѣ русскаго землевладѣнія процентъ еще довольно слабый для того, чтобъ имѣть право назвать всю западную Россію *землею* русскою. И пріобрѣтеннаго русскими клочка земли нельзя еще назвать вполнѣ русскимъ. Правительство предвидѣло разныя ухищренія, которыми могъ быть обставленъ, нежелающимъ того панствомъ, переходъ земель въ руки русскія, и противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ приняло свои мѣры. Но кто не знаетъ, что, для обхода закона, можно найдти слишкомъ много сторонних тропинокъ и лазеекъ, если только онѣ не будутъ сторожимы надежными и зоркими караульными, если сами русскіе не явятся дружными и честными пособниками правительства? Законъ, напр., требуетъ, чтобы въ пріобрѣтенныхъ русскими имѣніяхъ не было управляющихъ ни поляковъ, ни евреевъ; но всѣ ли, вездѣ ли исполняютъ это важное въ дѣлѣ *обрусѣнія* края законоположеніе?.... Законъ повелѣваетъ считать недѣйствительными (искуственными) тѣ долги, которые сдѣланы соприкосновенными къ минувшему мятежу помѣщиками послѣ 15 марта 1863 г. 1); но всѣ ли присутственныя мѣста и лица, при

дѣлена также и цифра десятинъ земли, отошедшей во владѣніе крестьянъ западной Россіи.

1) Указъ 15 марта 1863 г.

опредѣленіи *невѣроятныхъ* долговъ, обременяющихъ имѣнія такихъ помѣщиковъ и подлежавшихъ обязательной продажѣ или отдачѣ русскимъ на льготныхъ условіяхъ, руководились и руководятся этимъ закономъ? Въ большинствѣ случаевъ даже не указывалось, когда долгъ сдѣланъ,—какъ будто законъ не существуетъ или отмѣненъ? И мы въ свою пору указывали на тѣ махинаціи, которыми можетъ тормозиться успѣхъ территоріальнаго обрусѣнія края 1), и въ то же время указывали мѣры къ устраненію ихъ; но едва ли на нихъ было обращено то вниманіе, какого онѣ заслуживали. Мы, напримѣръ, говорили, между прочимъ, о возможности подставныхъ лицъ и другихъ коалицій во время продажи панскихъ имѣній; при всемъ томъ, между русскими (по фамиліи) оказывались личности, которыя отдавали свое имя на прокатъ, которыя, разумѣется, ничего не имѣя, ничего, потому, не теряя, набивали тройныя цѣны на продававшіяся имѣнія, устраняли, такимъ образомъ, дѣйствительныхъ, *законныхъ* конкуррентовъ, постоянно шныряли изъ залы губернскаго правленія въ переднюю, шушукались (иногда на польскомъ языкѣ) съ хозяевами имѣній, или ихъ родственниками и управляющими о фазисахъ торговъ,—и которыхъ продѣлки по временамъ бывали такъ грубы, что ихъ выводили изъ залы торговъ. Бывали случаи, что подлежавшія продажѣ имѣнія въ декабрѣ 1867 г. вовсе не продавались и о нѣкоторыхъ изъ нихъ, спустя мѣсяцъ и болѣе, объявлялось въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, что такія-то имѣнія проданы (кому?), *будто бы* до 10 декабря, въ Москвѣ, Воронежѣ, Петербургѣ и проч., или печаталось въ газетахъ, что такое-то имѣніе (самое большее изъ подлежавшихъ обязательной продажѣ) куплено *будто бы* родственникомъ владѣльца того имѣнія за 1/3 оцѣночной суммы (рѣдкое безкорыстіе!?!), тогда какъ православные крестьяне (нѣсколькихъ волостей) хотѣли купить это имѣніе, конечно, выше оцѣночной цифры.

Продажа имѣній польскихъ за долги также не свободна

---

1) Въ статьѣ: „Странная выходка“ (книжка 9 Вѣстника за 1867-й годъ, отд. III и во мн. друг. статьяхъ).

отъ разныхъ, парализующихъ успѣхъ этой мѣры, случайностей 1). Главнѣйшею изъ нихъ была уплата или разсрочка (*будто бы*) долговъ до продажи имѣній 2). Но если долги дѣйствительно уплачены или разсрочены, то слѣдовало бы публиковать объ этомъ заблаговременно (мѣсяца, наприм., за два до продажи), а не предъ самыми торгами, нерѣдко—въ залѣ губернскаго правленія, предъ явившимися уже на торги; то не слѣдовало бы послѣ того публиковать въ оффиціальныхъ изданіяхъ о продажѣ ихъ и вводить покупщиковъ, пріѣхавшихъ, можетъ быть, за тысячи верстъ для покупки извѣстныхъ имѣній, въ напрасную трату времени, хлопотъ и денегъ. Знакомый, напр., пишущаго эту статью купецъ Ф. изъ Кіева, вслѣдствіе несостоявшихся торговъ на продажу имѣнія въ М., довѣрившись публикаціямъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, купилъ тамъ съ публичныхъ торговъ крупное (болѣе 14,000 десятинъ) имѣніе г. С., получилъ вводную, владѣлъ имѣніемъ около 5 мѣсяцевъ, заключилъ контракты на эксплуатацію лѣсныхъ матеріаловъ, затратилъ значительныя суммы на устройство разореннаго имѣнія,—и вдругъ, въ одинъ, въ буквальномъ смыслѣ пресквериый день, торги эти почему-то признаны недѣйствительными (даже не по случаю уплаты или разсрочки долговъ), имѣніе у г. Ф. отнято, и эта шутка стоила ему потери нѣсколькихъ тысячъ денегъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ драгоцѣннаго для коммерческаго человѣка времени. По нашему мнѣнію, если допущена публикація о продажѣ имѣнія, то эта продажа *непремѣнно* должна состояться; иначе покупатели русскіе будутъ имѣть законный поводъ къ нареканію на введеніе ихъ въ обманъ и разореніе. Не послѣ, а прежде вызова русскихъ покупщиковъ нужно устранять разные казусы и сдѣлки, могущія остановить продажу польскихъ имѣній; иначе публикаціи будутъ шутка и противорѣчіе администраціи самой

1) Смотр. „Сѣверн. Почта 1868 г." № 189-й.

2) По этой причинѣ не проданы тѣ имѣнія, въ продажѣ которыхъ не была заинтересована ни казна, ни люди русскіе, и которыя своими качествами и крупностью по преимуществу привлекали русскихъ покупателей.

себѣ. Какъ бы то ни было, только результатомъ случайностей, тормозившихъ продажу имѣній за долги, было то явленіе, что ихъ продано въ іюлѣ мѣсяцѣ немного больше ⅓ 1), и мѣра, стало быть, и на половину не достигла своей цѣли.

Даже раздача имѣній на льготныхъ условіяхъ не повела доселѣ къ обрусѣнію края въ такой степени, какъ того желалось бы и ожидалось. Большинство участковъ роздано чиновникамъ служащимъ, не желающимъ разстаться съ получаемыми по службѣ выгодами, живущимъ въ мѣстахъ своей службы, нерѣдко удаленныхъ на сотни верстъ отъ полученныхъ ими имѣній и, потому, не принимающимъ личнаго участія въ обрусѣніи края. Какъ и кѣмъ эсплуатируются тѣ имѣнія, въ которыхъ не живутъ сами хозяева, вопросъ этотъ не лишенъ интереса и поучительности. Мы думаемъ, что въ такихъ имѣніяхъ сильно страдаетъ и экономія ихъ, и обрусѣніе края.

Всего прискорбнѣе, что учрежденіе, которое должно было послужить главнымъ подспорьемъ къ территоріальному обрусѣнію края, послужило, наоборотъ, не малымъ къ тому тормозомъ и, если не положительно, то отрицательно, вліяло на уменьшеніе въ краѣ русскаго землевладѣнія. Едва ли нужно и договаривать, что мы разумѣемъ здѣсь Общество взаимнаго поземельнаго кредита. Получивъ чужихъ (казенныхъ) 5,000,000, это общество должно бы быть на столько гуманно и справедливо (не говоримъ патріотично), чтобы не выходить изъ буквы условій, которыми былъ обставленъ переводъ этихъ мильоновъ изъ одного общества

---

1) Изъ 50 имѣній сѣверо-западнаго края продано только 19, а изъ 52 юго-западнаго—21. Еще прискорбнѣе результатъ продажи въ Вильнѣ польскихъ имѣній за долги въ январѣ настоящаго года: изъ 117 имѣній продано только 29 (!?). Стало быть, не желающіе экспропріаціи польскихъ имѣній еще глубже и разностороннѣе изучили науку защитить ихъ отъ продажи, а край отъ обрусѣнія. Если противъ ухищреній, тормозящихъ продажу за долги польскихъ имѣній, не будутъ приняты надлежащія мѣры, то эта продажа будетъ толченьемъ воды и разореньемъ людей русскихъ, пріѣзжающихъ для покупки такихъ имѣній.

въ другое,—чтобы ссужать желающихъ на 6%, не взимая даже той ½%, которая, взимается тѣмъ же обществомъ при ссудѣ подъ залогъ велико-русскихъ имѣній. Между тѣмъ, люди, имѣвшіе дѣло съ этимъ обществомъ, увѣряютъ, что разные фазисы реализаціи его листовъ, отношеніе курса кредитнаго рубля къ металлическому и разные вычеты и начеты доводятъ цифру процентовъ, взимаемыхъ этимъ обществомъ, до 18; что только поставленные въ крайности пріобрѣтатели имѣній въ западномъ краѣ, понадѣявшіеся на ссуду въ обществѣ и потому неискавшіе нужныхъ имъ капиталовъ въ другихъ мѣстахъ, обращаются къ услугамъ этого Общества, но что и они не долго будутъ въ состояніи выносить бремя процентовъ, далеко превышающихъ производительность ихъ имѣній, при туго идущемъ теперь хозяйствѣ, при неурожаяхъ въ мѣстахъ даже болѣе хлѣбородныхъ. Мы думаемъ, что въ этомъ отзывѣ объ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита много правды, по крайней мѣрѣ, мы увѣрены, что это Общество поступило бы далеко снисходительнѣе, даже далеко раціональнѣй и практичнѣй, еслибы вело свое дѣло проще, *домашнѣе*, безкорыстнѣе,—безъ металлическаго рубля, безъ Ротшильдовъ, безъ лихвенныхъ процентовъ, являющихся въ результатѣ разныхъ финансовыхъ ухищреній; иначе найдутся другія общества, которыя предложатъ свои услуги на болѣе льготныхъ условіяхъ 1): при повсюдныхъ несостоятельностяхъ, нѣтъ столь вѣрнаго обезпеченія капитала, какъ земля.

Другое средство къ ополяченью или—частнѣе—олатиненью западной Россіи было совращеніе съ православія населенія края. Будучи увѣрены, что ничто такъ не способствуетъ къ стушеванью народности, къ измѣненію ея исторіи, какъ видоизмѣненіе религіи народа,—поработители земли русской ни на что такъ не налегали, какъ на совращеніе православныхъ въ латинство. Всѣмъ извѣстно, какіе *миссіонерскіе* пріемы были употребляемы латинскою

1) Изъ газетъ видно, что такое благодѣтельное общество уже составляется въ Москвѣ. Далъ бы Богъ—скорѣе!

пропагандой для достиженія цѣли; всѣ знаютъ тѣ насилія, тѣ пытки и казни—нравственныя и физическія, посредствомъ которыхъ отторгнуты отъ церкви православной мильоны ея чадъ, уничтожены или обращены въ костелы тысячи храмовъ православныхъ, принесены въ жертву папскаго фанатизма тысячи исповѣдниковъ и мучениковъ русскихъ, всѣ знаютъ тѣ кровавыя столкновенія мучениковъ съ мучителями, которыми первые хотѣли отстоять, въ лицѣ своей религіи, жизнь своей народности.

Чтобы западная Россія сдѣлалась снова страною вполнѣ русскою, она должна сдѣлаться страною по преимуществу православною. А пока мысль и чувство значительной части населенія тянетъ къ Риму, къ западу,—пока душой этого населенія руководятъ фанатическіе сподвижники и ратоборцы папы; пока между нами и этимъ населеніемъ существуетъ рознь непримиримая въ самыхъ завѣтныхъ отправленіяхъ человѣческаго духа,—какое разумное основаніе будемъ имѣть мы считать это населеніе, этотъ край вполнѣ русскимъ? Но, говоря о возвратѣ здѣшняго населенія къ религіи его предковъ, мы не идемъ далѣе задушевнаго желанія этого возврата, мы не намѣрены совѣтовать миссіонерамъ православія унижаться до тѣхъ пріемовъ пропаганды, какими пріобрѣтала своихъ прозелитовъ пропаганда папская, мы желаемъ, чтобы православная миссія была ведена тѣмъ чистымъ нравственнымъ путемъ, какимъ она шла доселѣ какимъ совершалась миссія Небеснаго учителя, Его учениковъ и великихъ учителей и святителей церкви восточной, чтобы религія была усвоена, воспринята, а не навязана, чтобы чистая струя вѣры не загрязнилась и не осквернилась притокомъ въ нее мутныхъ возбужденій и внѣшнихъ пристрастій. Знаемъ, что такимъ миссіонерамъ весьма будетъ трудно соперничать съ тѣми, для которыхъ хороши всѣ средства, что внѣшнія побужденія едвали не больше внутреннихъ управляютъ душою человѣка, состоящаго не изъ одной души; но мы все-таки съ негодованіемъ отвергаемъ прозелитизмъ насильственный, внѣшній, нисколько не ведущій къ возрожденію и обновленію духа, къ из-

нѣнію *существа* религіи, и оставляемъ его тѣмъ миссіонерамъ, которые сдѣлали религію прикрытіемъ внѣшнихъ побужденій, которые пропагандируютъ для полученія выгодъ временныхъ, а не благъ вѣчныхъ, вербуютъ въ *подданство* папы, а не обращаютъ «въ послушаніе вѣры Христовой.»

Обладаютъ ли наши пастыри необходимыми для такой миссіи способностями? Нисколько не задумываясь, отвѣчаемъ на этотъ вопросъ положительно. *Было бы только усердіе*, а способности найдутся. Наши пастыри, не только городскіе, но и сельскіе, снабжены всѣми средствами— и природными, и научными къ успѣшному веденію православной миссіи—тѣмъ болѣе, что на сторонѣ ихъ правда догматическая и историческая. Они знаютъ всю фальшь, человѣкоугодіе, всѣ натяжки, подлоги, искаженія, наросты папства, все превосходство надъ нимъ православія; они знаютъ тѣ варварства, какими предки настоящихъ папистовъ нашихъ совращены въ латинство; они знаютъ всѣ сильныя и слабыя стороны, всѣ уловки и продѣлки латинскаго духовенства. Стоитъ только, при всякомъ удобномъ случаѣ, проводить эти знанія словомъ простымъ, живымъ и задушевнымъ въ массы народа, еще блуждающаго внѣ ограды православной церкви, чтобы сѣмя ученія не осталось безплоднымъ. Если на зовъ православныхъ миссіонеровъ не такъ давно такъ охотно откликнулись тысячи папистовъ, то нѣтъ причины отвергать дѣйственность, сомнѣваться въ успѣхѣ православной проповѣди на умы того же народа, при такихъ же обстоятельствахъ; то коснѣніе остальнаго народа русскаго въ навязанномъ ему папствѣ должно быть объясняемо или перерывомъ православной миссіи, или новымъ воздѣйствіемъ враждебной ей силы, усиленіемъ противоположной ей пропаганды, ловкостью ксендзовъ и пановъ—особенно въ приходахъ, состоящихъ изъ смѣшеннаго населенія. Чтобы парализовать дѣйствія силы послѣднихъ, въ такіе приходы должны быть посылаемы православные пастыри, обладающіе особенными миссіонерскими качествами: даромъ слова, познаніями, энергіей безъ фанатизма, снисходительностью безъ потачки, умѣньемъ

пользоваться явленіями мѣстной жизни, во время замѣтить и парализовать происки латинской пропаганды, а—что всего важнѣе—восполнять и усиливать теоретическую проповѣдь практическимъ краснорѣчіемъ неукоризненной жизни. Особенное вниманіе должна обращать православная миссія на тѣхъ папистовъ, которые совращены въ латинство недавно, нерѣдко даже въ настоящемъ столѣтіи, и которые составляютъ прямое, законное достояніе православной церкви, «расхищенное татями и разбойниками, перелазшими отынуды во дворъ овчій»,—во время порабощенія здѣшняго края враждебною ему силою: народная память, церковные документы, могилы отцовъ и дѣдовъ доставятъ православному миссіонеру богатый матеріалъ для проповѣди и подспорье для воздѣйствія на умы слушателей. Далеко большія и едвали одолимыя затрудненія встрѣтитъ православный миссіонеръ среди сплошнаго латинствующаго населенія, надъ которымъ, въ теченіи вѣковъ, закрѣплялась ксендзовская деспотія, которому съ дѣтства внушена непримиримая ненависть къ православію, и котораго фанатизмъ неустанно возбуждается разными *чудотворными* образами, каплицами, кальваріями, одпустами, братствами, исповѣдью, проповѣдью и проч. и проч.

Но, предоставленные самимъ себѣ, духовные миссіонеры не далеко подвинутъ въ здѣшнемъ краѣ дѣло православія, не много ослабятъ враждебную ему пропаганду, безъ сочувствія къ ихъ миссіи всего русскаго общества, безъ зоркаго наблюденія его за интригами латинскаго духовенства, безъ огражденія возсоединяющихся съ православною церковью отъ разнообразныхъ ухищреній, клеветъ и притѣсненій со стороны пановъ и ксендзовъ, безъ родственной любви къ ново-обращающимся и вспомоществованія ихъ нуждамъ матеріальнымъ и моральнымъ. Такое содѣйствіе общества духовенству будетъ только продолженіемъ православной миссіи послѣдняго, но отнюдь не будетъ подражаніемъ той репрессивной пропагандѣ, какою всегда и всюду отличалась миссіонерская дѣятельность папистовъ. Державный Устроитель Россіи сказалъ въ Вильнѣ возсоединившимся съ церковью поселянамъ: «Я радъ видѣть васъ православными» и, не

сей нескольких, столько незабвенных и многознаменательных выражений, снова повторилъ: «Я радъ видѣть васъ православными», — и русское общество должно твердить словомъ и сердцемъ: мы рады видѣть васъ православными, мы въ восторгѣ, что можемъ теперь назвать васъ братьями не по тѣлу только, но и по духу, что мы будемъ молиться одному Богу, въ одномъ храмѣ, на одномъ языкѣ, что между нами нѣтъ болѣе раздѣлявшей насъ пропасти, нѣтъ розни въ мысляхъ, чувствахъ и намѣреніяхъ. Но эта радость останется неполною, если общество не будетъ проявлять ее на дѣлѣ,—въ братскихъ отношеніяхъ къ разнымъ случайностямъ жизни возсоединившихся съ православіемъ; если своею оплошностью или самомнѣніемъ дастъ имъ поводъ остановиться на полдорогѣ или даже попятиться назадъ,—титуловаться православными, а на дѣлѣ оставаться тѣми же папистами. Пусть въ настоящемъ мѣстѣ наши прогрессисты и либералы извѣстнаго сорта думаютъ, что мы «усиливаемъ отсталое, обскурантное, средне-вѣковое направленіе», обличаютъ насъ въ «тупофанатическомъ и темномъ міросозерцаніи, приличномъ временамъ московскаго государства» (въ чемъ зло?); пусть обзываютъ насъ «тѣнями Магницкаго, и Руничами, и клерикалами, и врачами сонмищемъ»,—истина не потеряетъ отъ того своей силы и значенія, мы не утратимъ правъ на названіе ея провозвѣстниковъ, а такіе либералы и прогрессисты только лишній разъ докажутъ свое протекторство разъѣдающаго душу и растлѣвающаго сердца индефферентизма и космополитизма, — лишній разъ заявятъ свое безучастіе въ дѣлахъ нашей вѣры и народности, свою непринадлежность ни къ какой религіи, ни къ какой національности. Ихъ односторонность, ихъ невѣжество въ сферѣ высшихъ предметовъ человѣческаго знанія, растлѣніе ума ихъ и сердца теоріями Герценовъ, Бакуниныхъ, Люисовъ, Ренановъ, Летурнёровъ, Чернышевскихъ, Павловыхъ, Писаревыхъ и другихъ представителей современнаго нигилизма,—дѣлаютъ ихъ неспособными къ убѣжденію въ истинахъ человѣческихъ, а тѣмъ болѣе къ воспріятію «яже суть Духа Божія». Еслибъ они были родные сыны Россіи, вѣрую-

щіе чада православія, они сочувственнѣе отнеслись бы къ ихъ интересамъ, строже и правдивѣе—къ ихъ недругамъ; еслибъ они постигли смыслъ міровыхъ событій исторіи, поняли отношеніе религіи къ судьбамъ народовъ, они бы знали, что подъ скорлупою внѣшнихъ явленій всегда кроется руководящая ими мысль Провидѣнія, что большинство столкновеній народныхъ обязано своимъ бытіемъ защитѣ съ одной и навязыванью съ другой стороны своихъ религіозныхъ убѣжденій, что религія образуетъ типичность народа, диктуетъ его исторію, законодательство, сообщаетъ индивидуальность его обычаямъ, преданіямъ, его міросозерцанію; еслибъ они понимали существо папства и православія, они знали бы, что примиреніе между ними невозможно безъ уничтоженія *существенныхъ* качествъ того либо другаго, что одно изъ нихъ стремится къ господству, другое съ негодованіемъ отвергаетъ самозванныя права на преобладаніе, что только индифферентно относящіеся къ той и другой религіи, что только тѣ, кому терять нечего, могутъ толковать о миролюбномъ ихъ сожительствѣ, могутъ заключать, то есть, о другихъ по себѣ, но что *ревностный* папистъ и православный не могутъ питать другъ къ другу полнаго, искренняго, душевнаго влеченія, потому что души ихъ настроены на разные мотивы, а только могутъ надѣвать личину дружбы, объясняемую личною мягкостью характеровъ, условіями приличій или единствомъ внѣшнихъ интерессовъ. Да, *съ поляками* мы могли бъ ужиться мирно, как уживаемся съ нѣмцами, евреями, татарами: но *съ ревностными* папистами—никогда. Если въ націяхъ римско-католическихъ, не исключая и самой фанатической Испаніи и *апостолической* Австріи, идетъ теперь сильная реакція противъ притязаній клерикальной партіи, то можетъ ли существовать единеніе душъ между папистами и православными, между которыми такъ давно, такъ упорно идетъ борьба, и у которыхъ такъ же мало связующихъ, как много разъединяющихъ началъ, причинъ и побужденій?

Мы недавно намекнули на борьбу обществъ съ клерикальною партіей, замѣчаемую теперь въ націяхъ даже р.-католическихъ; на этотъ намекъ должны обратить серьоз-

ное вниманіе публицисты, невидящіе или игнорирующіе вліяніе религіи на событія историческія. Эти публицисты невидятъ или не знаютъ того, что р.-католицизмъ протекторствуетъ на востокѣ подавленіе православія и угнетеніе православныхъ, что, еслибы подданные султана были одни написты (кромѣ мусульманъ), на картѣ давно уже было бы затерто самое слово: Турція; что Италія держится на половинѣ дороги къ своему величію и объединенію единственно силою, отстаивающею величіе папы и значеніе папскаго Рима; что отцы Кларетьы и матери Патрочиніи, въ союзѣ съ іезуитами, были едва ли не главною причиною испанской революціи, что реформа Лютера сопровождалась истребленіемъ мильона христіанъ, что подрывъ религіи энциклопедистами чуть не довелъ Франціи до самоистребленія и проч. проч.

(Окончаніе будетъ).

IV.

НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.*)

(Повѣсть изъ еврейскаго быта).

ГЛАВА 1

РЕБЪ ЗАЛМАНЪ ОШКЕСЪ.

Дѣло было зимою. Въ домѣ ребъ Боруха Клиновера, одного изъ почтеннѣйшихъ хозяевъ города М., сидѣли два лица, мужчина и женщина, и уже около часу заняты были бесѣдою. Это были ребъ Залманъ Ошкесъ, *городской сватъ*, которымъ вполнѣ оправдывалась пословица: «дѣло мастера боится», и хозяйка дома, Сореле, жена ребъ Боруха Клиновера. Ребъ Залманъ Ошкесъ, казалось, имѣлъ уже лѣтъ сорокъ, или сорокъ пять, былъ средняго роста, широкоплечистъ, брюшковатъ, съ длинными пейсами, завитыми въ видѣ спирали, и съ легкою просѣдью въ рыжеватой бородѣ, которая клиномъ опускалась на его широкую грудь. Лицу его, не то румяному, не то бѣлому, придавали особенный оттѣнокъ густыя брови, двумя неровными клоками висѣвшія надъ его постоянно сверкавшими глазами, и багровыя жилочки, которыя, соединяясь на переносицѣ въ видѣ устья рѣки, расходились оттуда въ разныя стороны, по щекамъ, по лбу, даже по вискамъ; но особенно ихъ было много на нижнихъ частяхъ носа. Когда ребъ Залманъ Ошкесъ увлекался разговоромъ, онъ очень часто потряхивалъ головою, отъ чего спиралеобразные его пейсы приходили въ движеніе на лѣво и на право, на подобіе колебанія маятника; ноздри его значительно

---

*) Сюжетъ заимствованъ изъ сочиненія, написаннаго еврейскимъ жаргономъ.

надувались, отчего жилочки на них из тонких и малозаметных делались толще и багровее. Его одежда состояла из долгополаго, чернаго балахона, штанов из тонкаго желтоватаго полотна, подвязанных на ногах немного ниже колен, белых чулков и башмаков, сшитых по старой моде. Шелковый пояс, без всякой потребности обхватывавший тело реб Залмана Ошкеса около самой груди, другой балахон с длинными рукавами, обыкновенно надеваемый в накидку, бобровый картуз с каким-то шелковым украшением неопределеннаго цвета над козырком, высокая трость с серебряным набалдашником, на котором вырезано было имя реб Залмана Ошкеса, довершали наружность нашего героя и придавали ей некоторый вес и солидность.

По лицу собеседницы реб Залмана Ошкеса, Сореле, можно было заключить, что она также укатила уж далеко за сорок: на лице ея, не лишенном приятности и даже остатков красоты, кое-где уже видны были морщины. В костюме ея не было ничего особенно замечательнаго так, как она, по своей набожности не обращала на него никакого внимания: за то головной убор ея пользовался всем ея вниманием. На старание придать ему более приличный и затейливый вид, она смотрела как на принадлежность своего благочестия, и потому прилагала к нему много своих забот. Обыкновенно он состоял из пестраго, значительной величины, платка, сидевшаго на голове в виде турецкаго тюрбана, с тою только разницею, что над левым ея виском был завязан из платка узелок в виде рожка. В этом-то узелке или рожке и состояло главное дело: платок всегда оставался один и тот же, но сообразно с разными потребностями и разными случаями, она придавала узелку разныя формы. Иногда, при очень важных случаях, она имела обыкновение подвязать себе подбородок белым платочком. Тоже самое она делала, когда отправлялась в синагогу или являлась пред чужим мущиною. Ей было как-то особенно неловко явиться пред мущиною с открытым вполне лицом и поэтому она всегда старалась, хоть сколько нибудь, его припрятать. Так убранная и завязанная сидела она и теперь пред своим собеседником, реб Залманом Ошкесом.

Предмет беседы, как видно, был очень важный и довольно неприятный для Сореле; это можно было заключить из того, что

ребъ Залманъ Ошкесъ, оживляясь разговоромъ, часто разводилъ руками по воздуху, вставалъ съ своего мѣста или шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, между тѣмъ, какъ на лицѣ его выражалось сильное волненіе. По временамъ онъ наклонялся очень близко къ своей собесѣдницѣ и съ важнымъ видомъ шепталъ ей что-то на ухо, послѣ чего она обыкновенно блѣднѣла, краснѣла, и часто даже выходила изъ себя. Бесѣда продолжалась уже цѣлый часъ; ребъ Залманъ Ошкесъ, по своему обыкновенію, наклонился къ самому уху своей собесѣдницы и шепнулъ ей нѣсколько словъ. Сореле сначала очень-было смутилась, но чрезъ нѣсколько мгновеній успокоилась и направила на ребъ Залмана Ошкеса взоръ полный досады и ропота. Ребъ Залманъ Ошкесъ очень хорошо его понялъ, и хотя не совсѣмъ растерялся, но въ первыя минуты все-таки не нашелся, что отвѣчать. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Наконецъ ребъ Залманъ Ошкесъ досталъ изъ за пояса длинный клѣтчатый носовой платокъ, на которомъ красовались большія, желтыя пятна, очевидно, слѣды нюхательнаго табаку, любимаго ребъ Залманомъ Ошкесомъ больше всего на земномъ шарѣ. Прежде всего онъ нѣсколько разъ его вытряхивалъ, потомъ тщательно вытеръ имъ носъ, щеки, все лице и бороду, также нечуждую табачныхъ слѣдовъ, и обратно отправилъ его за поясъ. Послѣ того досталъ изъ за пазухи табакерку, отперъ ее, съ жадностью засунулъ въ нее свой багровый носъ, чихнулъ во всю комнату и проговорилъ:

— «Нѣтъ, дрожайшая Сореле! Вы на меня, пожалуста, не сердитесь. Что я вамъ сказалъ непріятнаго? А если и сказалъ, то, конечно, не съ намѣреніемъ огорчать васъ, дрожайшая Сореле. Такъ, какъ-то пришлось къ слову, ну и вспомнилъ.... а кромѣ того.... ни-ни!... Боже мой, на кого въ наши грѣшные дни не говорятъ, не клевещутъ? Вѣдь и на дочку нашего Раввина лаяли! развѣ вы не помните, какъ говорили, будто она.... ну, чортъ ихъ знаетъ, что они тамъ выдумали!.., чтобъ имъ языкъ отсохъ, извергамъ этакимъ!.. Недаромъ, однакожъ, говорили наши мудрецы: *«не открой рта сатанѣ»* 1).» И дѣйствительно: имѣешь, напримѣръ, взрослую дочку, не оставляй ея въ дѣвкахъ до сѣдыхъ волосъ. Понятное дѣло: люди, знаютъ, что дѣвушкѣ, ела-

1) Не накликай добровольно на себя несчастія. Не дай поводъ злой молвѣ.

ка, Богу, ужъ пятнадцатый годикъ, а все еще дѣвушка... ну, такъ ужъ тутъ, понятное дѣло, что люди...

— Но скажите мнѣ, ребъ Залманъ, отозвалась наконецъ Сореле голосомъ, выражающимъ внутреннюю, сердечную скорбь. Скажите, ради Бога, виновата ли я тутъ хоть на волосъ? Боже правый!... сознайтесь сами, ребъ Залманъ, если вы только честный еврей, моя ли вина, что партія изъ Меджерицы не состоялась?.. Развѣ я ея не хотѣла, развѣ я не бѣгала, не хлопотала? Вѣдь вамъ все извѣстно. Но чтоже было сдѣлать мнѣ слабой женщинѣ, когда несчастіе мое такъ велико,— когда Богъ наказалъ меня такимъ мужемъ?... Неужели вы думаете, что мнѣ все это пріятно? что мнѣ легко слушать, какъ злые языки чешутся? Что мнѣ дѣлать, что мнѣ сдѣлать? Мраченъ, мраченъ для меня весь міръ!..

— «Ахъ, вскрикнулъ ребъ Залманъ Ошкесъ. Что вы это говорите? Пусть лучше омрачатся дни и годы нашихъ недруговъ, а не вамъ, дражайшая Сореле! Въ чемъ вы тутъ виноваты. Я васъ, сохрани Господи, нисколько не виню, самъ хорошо знаю, что будь это дѣло въ вашихъ рукахъ, оно бы пошло, куда какъ хорошо?... Я всегда говорилъ, говорю теперь и готовъ всегда повторять это предъ цѣлымъ свѣтомъ, что другой Сореле не сыскать нигдѣ и никогда! Но что же дѣлать? *Дологъ языкъ у быка, а все таки не трубитъ.* Ужъ какъ себѣ тамъ ни будь, а противъ мужа идти не смѣй; таковъ порядокъ. Однако терзаться изъ за нашей неудачи все-таки не надо. Эта партія, знать, Богу была не угодна, а потому и не состоялась. Но вамъ, Сореле, какъ истинному другу признаюсь, что такая исторія вышла у меня въ первый разъ. О-го-го-го!! (при этомъ ребъ Залманъ Ошкесъ нѣсколько разъ покачалъ головою на лѣво и на право). Не легкая штука вашъ старичекъ: упрется и зубами не возьмешь! Вы, Сореле, знаете, что Залманъ Ошкесъ не вчера-то изъ яичка на свѣтъ Божій вышелъ: чего-чего я не видывалъ, чего-чего я не слыхивалъ, а такое упрямство, повторяю, вижу въ первый разъ. Повѣрьте мнѣ, Сореле, тамъ гдѣ Залманъ Ошкесъ ничего не могъ сдѣлать, и самъ царь Соломонъ, со всею своею премудростью, ничего не подѣлаетъ.

Сореле тяжко вздохнула.

— «Да, проговорила она, что мнѣ, бѣдной женщинѣ, дѣлать, когда у меня такая судьба.«...

— «Нѣтъ, погодите еще, прервалъ ее ребъ Залманъ Ошкесъ съ живостью,—нѣтъ еще не много погодите! Надъ ребъ Залманомъ Ошкесомъ издѣваться еще не такъ легко, какъ думаетъ вашъ старичокъ.... Много, много сватовъ на свѣтѣ, много, какъ собакъ, а смѣетъ-ли хоть одинъ изъ нихъ сравниться съ ребъ Залманомъ Ошкесомъ? Всѣмъ имъ бы печки топить у него, да и только... Ну, вотъ какъ живъ теперь передъ вами. Ей Богу правда, мѣднаго гроша не стоитъ. А чего ужъ не передумывала моя старая голова!.. На ней, повѣрьте, столько волосъ нѣту, сколько я сосваталъ жениховъ и невѣстъ, сколько людей я женилъ. Стѣны со стѣнами сводилъ, горы съ горами и все удавалось, повѣрьте. Всякаго рода: кривыхъ, хромыхъ, нѣмыхъ, слѣпыхъ, уродовъ, калѣкъ, словомъ-всѣхъ сводилъ, маршъ подъ вѣнецъ, да и все тутъ. Я такія партіи сводилъ, которыя такъ же могли жить вмѣстѣ, какъ огонь съ водою. Всѣ сваты лопались отъ зависти, съ ума сходили отъ удивленія. Взялся ли за кого Залманъ Ошкесъ, и дѣлу конецъ. Пусть отецъ, мать, сама невѣста, самъ женихъ, весь свѣтъ, плачутъ, убиваются, ну хоть на крышу лѣзутъ, а не быть по ихнему: Залманъ Ошкесъ на своемъ поставитъ. Такъ вотъ, что значитъ ребъ Залманъ Ошкесъ! понимаете ли вы меня? А тутъ!.. Боже мой, могъ ли я этого ожидать?... И говорить стыдно—цѣлую зиму суетился, хлопоталъ, шатался, бѣгалъ, просто двѣ пары башмаковъ растрепалъ, ни рукъ ни ногъ не жалѣлъ, на тысячу ладовъ свою старую голову ломалъ, авось такъ, авось иначе удастся.... А теперь.... тьфу ты, дьяволъ этакой!.. Вышло такъ, что и выѣденнаго яйца не стоитъ. Ей Богу, стыдно и людямъ на глаза показаться, всѣ пальцами тыкаютъ на Залмана Ошкеса... Тутъ ребъ Залманъ Ошкесъ не много задумался, видно было; что какая то важная мысль мелькнула въ его головѣ; потомъ снова заговорилъ. «Нѣтъ, знаете Сореле, приближается конецъ міру, и только.... Если ужъ Залманъ Ошкесъ не могъ составить партію для ребъ Боруха Киновера, то, какъ себѣ хотите, а скоро быть свѣто-преставленію....

— «Да, да, проговорила грустно Сореле, видно, что ужъ близокъ конецъ свѣту. Чего бы тамъ, казалось не доставало этому жениху?

— «Чего ему не доставало? перебилъ съ увлеченіемъ ребъ Залманъ Ошкесъ, въ томъ-то и дѣло, что я самъ того не знаю. Впро-

чемъ я ужъ, можетъ быть на старости лѣтъ совсѣмъ одурѣлъ, но вы Сореле, все таки человѣкъ умный, такъ вразумите меня, пожалуста, чего жениху этому не доставало? Дай Боже, такого жениха всѣмъ еврейскимъ дѣвочкамъ, онѣ имъ очень, очень были бы рады, а у васъ надъ женихами, словно надъ олухами, насмѣхаются. А гдѣ вы лучшаго найдете? Изъѣздите весь свѣтъ, и такого не найдете. Видите-ли—онъ, во первыхъ, единственный сынъ у такихъ родителей, у которыхъ больше, слава Богу, уже не будетъ; дѣтей во вторыхъ, *вѣчный* столъ, а приданнаго *два мишка* (мѣшокъ—тысяча) *съ твердыми* (серебряными) рублями, къ тому еще, знатность-то такая! Знатность у обоихъ: прадѣдъ отца жениха, какъ мнѣ разсказывала покойная моя бабушка, былъ двоюродный братъ оливерскому *Цадику* 1), а прадѣдъ матери жениха также—дай Богъ всѣмъ бездѣтницамъ такихъ сыновѣй! Тутъ ужъ, какъ говорится, *«хоть руки умой, да и славъ Бога.»* Легкое ли дѣло ребъ Михельце Чайвоноръ! Кто не зналъ ребъ Михельца! Онъ тысячу міровъ поднялъ, мертвыхъ воскрешалъ, по сорокъ дней безъ отдыха постился и въ комнатѣ у него 4 года жилъ *истуканъ* 2) имъ самимъ сдѣланный... Это разсказывали люди очень

---

1) Цадикъ въ переводѣ значитъ *праведный*. Этимъ именемъ евреи величаютъ каждаго религіознаго человѣка. Хасиды этимъ именемъ называютъ своего духовнаго представителя, хотя онъ никогда можетъ быть, не думалъ быть праведнымъ. Духовный представитель хасидовъ называется также *ребе*, что означаетъ—господинъ, учитель.

2) Чудо это народъ приписываетъ только немногимъ лицамъ, особенно же гаонамъ (т. е. великимъ) и цадикамъ. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: еврей, достигшій высочайшей степени набожности и святости, собственными своими руками лѣпитъ человѣкообразный истуканъ изъ глины. При помощи Божіей и своей святости, какъ слѣдствій поста, молитвы, непрерывныхъ омовеніи и изученія сочиненій высшей кабалистики, онъ даетъ жизнь своему глиняному творенію, которое служитъ ему потомъ для исправленія разныхъ порученій. Понятіе о томъ, на сколько истуканы эти способны исправлять порученныя имъ должности, можно составить себѣ изъ слѣдующаго: по словамъ народа, истуканы эти не имѣютъ ни малѣйшаго смысла, они понимаютъ слова въ самомъ буквальномъ ихъ смыслѣ и оттого не рѣдко исполняютъ ихъ криво и косо. Если, напримѣръ, сказать истукану: „принеси воды,“ онъ пользуясь своею исполинскою силою, перетащитъ въ комнату весь колодезь

достовѣрные, которые сами видѣли истукана. Гм!.. Шутка-ли ребъ Михелце блаженной памяти! Такъ, видите, Сореле, какая *золотая* знаменитость! А самъ женихъ-то какой, чудо-дитя! только, какъ бы вамъ сказать,—ребъ Залманъ Ошкесъ немного замялся—онъ, да чтожъ въ этомъ? Онъ смугловатъ, а кромѣ этого, дай Богъ мнѣ такое счастье! Просто рѣдкое существо, лакомый кусокъ, бриліантъ, алмазъ, дай Богъ мнѣ такое счастье!»

Ребъ Залманъ Ошкесъ на минуту замолчалъ, а Сореле опять вздохнула очень тяжко.

ГЛАВА II.

Новая партія.

«Вѣрьте мнѣ, Сореле, отозвался ребъ Залманъ Ошкесъ послѣ нѣкотораго молчанія, — вѣрьте мнѣ, что у меня просто сердце надрывается, какъ только вспомню, что такая партія не состоялась, а сами вы виноваты... И скажите, пожалуста, за что именно? Какіе грѣхи нашелъ вашъ старичекъ въ женихѣ? слышали вы это? Носъ ему не понравился! Не на мѣстѣ сидитъ,—не хочу! ха-ха-ха! Слыхали вы такое великое несчастіе? ха-ха-ха! Другое

или, пожалуй, всю воду земнаго шара. Для избѣжанія такого важнаго неудобства при исполненіи истуканомъ приказаній творцовъ ихъ необходимо передавать ихъ ему со всѣми подробностями, какъ-то: „ступай, возьми коромысло, и два ведра; крючки коромысла вдѣнь въ ведра; потомъ коромысло перекинь чрезъ плечо и ступай къ рѣкѣ №, только, смотри, не растаптывай людей (въ противномъ случаѣ истуканъ ступаетъ прямо на попадающихся ему по дорогѣ людей). У рѣки сними съ плечь коромысло, ведра опусти въ воду, да погоди, пока онѣ наполнятся. Послѣ опять надѣнь коромысло съ ведрами на плеча и ступай домой, да смотри, только мимо людей и домовъ. Пришедши, воду влей въ боченокъ, а коромысло съ ведрами поставь на прежнее мѣсто.“ Если придется поручить истукану ту же работу во второй разъ, то надо опять прочесть ему туже проповѣдь, какую читали въ первый разъ. По увѣренію народа, если гаоны забывали предварительно истолковать своему творенію подробности дѣла, тогда исполненіе порученій оканчивалось большими непріятностіями, или даже несчастіями и опустошеніями всякаго рода.

дѣло, если-бы, напримѣръ узналъ онъ, что женихъ, сохрани Господи, курилъ въ шабасъ, кушалъ въ постъ,—ну, тутъ бы имѣлъ право отказаться: самъ еврей набожный, такъ хочетъ, чтобъ и зять былъ набожный, а то, совсѣмъ новые грѣхи! Носъ не имѣетъ,—вотъ бѣда какая! носъ тебѣ не нравится, такъ никто тебя неволить не станетъ,—не смотри на него. Ну, а если, напримѣръ, благочестивый Еврей носа не имѣетъ вовсе, такъ онъ ужъ поэтому не еврей?!... И изъ за такихъ глупостей выпустить такое счастіе изъ рукъ! глупости, о которыхъ говорить не стоитъ! фе! смѣхъ умнымъ людямъ, признаться и только!»

— «Но что вы хотите этимъ сказать, ребъ Залманъ, что мужъ мой сумасбродъ? Къ несчастью, я сама ужъ это давно знаю. Бѣдная та женщина, которая попадается въ руки такому мужу! Но что ужъ объ этомъ говорить?.. Пропало, такъ пропало, знать, Богъ того желалъ... дай Богъ только, чтобы хоть новая партія не.... просто, говорить страшно! у моего сумасброда, знаете, неровенъ часъ, сыщетъ придирку и опять упрется! хороша-ли, не хороша-ли эта новая партія, дай только Господи, чтобы скорѣе съ рукъ сошла, чтобъ ужъ не о чемъ было толковать злымъ языкамъ!..

— «Боже сохрани, Сореле! что вы это мнѣ говорите, — не хороша! Неужели вы думаете дѣйствительно, что эта партія такая какъ и всѣ? Положитесь на меня смѣло. Когда Залманъ Ошкесъ предлагаетъ, такъ значитъ, что-то ужъ очень хорошее предлагаетъ, а не то, что на улицѣ валяется. Эта партія, что... (ребъ Залманъ Ошкесъ опять нѣсколько разъ побожился) эта партія чудесная!.. отецъ *жилъзный* (домовитый) хозяинъ, домъ—чаша полная, дѣтей, кромѣ *бахура* (парня) почти нѣтъ: всего одна маленькая дѣвочка. Да знаете-ли еще, что я вамъ скажу,—я вамъ открою новую тайну..... тутъ ребъ Залманъ Ошкесъ опять наклонился къ самому уху Сореле и шепулъ ей свою тайну такъ тихо, что на всю комнату раздалось. Видите, говорилъ онъ: эта партія нравится мнѣ гораздо больше первой. Съ той признаться вамъ, дѣйствительно, что-то не гладко было... хотя... видите... но все таки, какъ то не ладно...

— «Ладно, не ладно, ужъ это мнѣ теперь все равно; дай Богъ только скорѣе окончить! Ахъ, какъ ужъ дожить мнѣ этого счастливаго дня, милосердный Боже!

— «Ничего, Сореле, отозвался ребъ Залманъ Ошкесъ ободри-

видитъ тономъ, — ничего — не сокрушайтесь. Богъ дастъ и мы скоро будемъ тарелки ломать 4); съ вашимъ старичкомъ я уже, слава Богу, кажется, поладилъ: сегодня онъ еще разъ будетъ у цадика, — вы знаете, что онъ безъ него ни на шагъ, — пальца въ холодную воду не опуститъ. Вчера я уже говорилъ съ габаемъ 5), и дѣло въ шляпѣ....

— О, чтобъ изъ вашихъ устъ прямо въ Божіе ухо, проговорила Сереле, набожно сложивши руки и поднимая глаза къ небу. Но скажите мнѣ, пожалуста, продолжала она, *безопасенъ*-ли по-крайней мѣрѣ женихъ (т. е. не состоитъ-ли онъ на рекрутской очереди). Вы знаете, у моего сумасброда и это можетъ быть помѣхой...

— «Ну, ужъ извините меня, Сереле! Кто родился женщиной, тотъ женщиной и остается навсегда. Гм! что это за вопросъ такой! сынъ ребъ Зераха, сборщика податей, чтобъ еще и тотъ не былъ безопасенъ! И какъ вамъ это пришло въ голову?! Однако я на это не положился и позаботился ужъ раньше. Я объ этомъ говорилъ съ самымъ ребъ Зерахомъ. Залманъ Ошкесъ не красная дѣвица. Я люблю всегда условиться о всемъ очень по-

---

4) Совершивъ помолвку, кто нибудь изъ присутствующихъ, а преимущественно сватъ или сваха, беретъ сосудъ и разбиваетъ его. Это какъ объясняютъ, дѣлается для того, чтобы при всякомъ увеселеніи вспомнить о разрушеніи Іерусалима и его храма. Чѣмъ дороже разбиваемый сосудъ, тѣмъ больше сочувствія и ревности къ храму выражается этимъ обычаемъ. Подобнаго рода воспоминаній о Іерусалимѣ есть около десятка: набожный еврей никогда не позволитъ выкрасить свою комнату безъ того, чтобы не начертать надъ дверью четыреугольника чернаго цвѣта съ бѣлою надписью, состоящею изъ двухъ буквъ *з* и *л* (зехеръ лехурбанъ), т. е. память о разрушеніи. У евреевъ вѣнчаютъ на открытомъ воздухѣ, особенно же по близости къ синагогѣ, но никакъ не въ комнатѣ, даже въ самую непріятную погоду. Это, какъ говорятъ, намекъ на скитальческую жизнь, слѣдовательно опять на разрушеніе Іерусалима.

5) Габай въ обыкновенномъ значеніи есть казначей и распорядитель синагогальными суммами. Габай у хасидовъ есть намѣстникъ ихъ цадика, его адъютантъ, его очи и уши, руки и ноги, словомъ все. Когда у кого нибудь есть надобность къ цадику, то очень выгодно предварительно явиться къ габаю, но только не съ пустыми руками.

дробно. Я говорилъ ребѣ Зораху, что женихъ непремѣнно долженъ быть безопасенъ, а если нѣтъ, то не бывать ничему. Но что вы думаете? Ребъ Зорахъ умнѣе насъ обоихъ: вмѣсто отвѣта, онъ подошелъ къ шкафу, досталъ оттуда свою *памятную книгу,* т. е. сказку, понимаете-ли меня? раскрылъ и показалъ мнѣ. Я смотрю, и вижу дѣло уже улажено: его сынъ уже безопасенъ: ребъ Зорахъ досталъ для него хорошаго *родственника*, здороваго, гиганта! онъ какъ разъ придется подъ мѣрку, ну такъ значитъ, дѣлу конецъ.

— «А скажите мнѣ, ребъ Залманъ, спросила Сореле, съ любопытствомъ, что значитъ, онъ досталъ сыну хорошаго родственника? Извините, мое дѣло женское, я этого никакъ не постигаю.... ребъ Залманъ Ошкесъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Чего тутъ не понимать, сказалъ онъ съ легкой улыбкою. Родственникъ, такъ родственникъ и есть. Сореле все еще съ любопытствомъ и разинувъ ротъ смотрѣла на своего собесѣдника. Онъ продолжалъ: если, напримѣръ, семейство какое нибудь состоитъ на очереди, а у этого семейства двое сыновей, одинъ здоровый, какъ бурлакъ, головой упирается въ потолокъ, а другой маленькій, слабенькій, чахленькій, такъ по вашему, кому изъ нихъ забрѣютъ лобъ? Понятно, что ужъ ни какъ не меньшему, т. е. вашему женищку, а другому, великому, понимаете! Большая бѣда, если щенокъ Хайки-вдовы пойдетъ за честное семейство,—этотъ изверегъ, который ни на шагъ безъ *трефныхъ книжекъ* (такъ евреи называютъ книги не еврейскаго религіознаго содержанія). Очень—то онъ намъ нуженъ въ городѣ, да! Пускай его къ чорту! Такъ вотъ съ нимъ-то вашего женишка и сцѣпили...

— Какъ же это сцѣпили? Что это значитъ, сцѣпили, съ такимъ безбожникомъ?

— Ха-ха-ха! Вы думаете, что ихъ навсегда сцѣпили, ха-ха-ха! сцѣпили только на время, только до окончанія рекрутскаго набора, а потомъ расцѣпятъ....

— Ну, ужъ Богъ васъ знаетъ, что такъ такое, отозвалась Сореле. Богъ васъ знаетъ съ ребъ Зорахомъ вмѣстѣ, а мой мозгъ все таки ничего не смекаетъ. Да смотрите, ребъ Залманъ, не проговоритесь объ этомъ предъ моимъ старикомъ; вы натуры хвастливой, скажете слово, а у него опять цѣлая бѣда!

— «Ну нѣтъ, объ этомъ ужъ не безпокойтесь! *Богъ-деферъ*

(помощникъ меламеда) довольно сѣкъ насъ за *патахъ шинъ* (т. е. слогъ «ша», означающій *молчать!..*) Ничего! Залманъ Ошкесъ знаетъ, какъ держать языкъ за зубами.

При этомъ отворилась дверь и въ комнату вошелъ самъ хозяинъ дома, ребъ Борухъ Киноверъ,...

— Добро-утро вамъ, мой ребъ Борухъ, закричалъ ребъ Залманъ Ошкесъ, вскочивъ съ своего мѣста; жаль, что мы не говорили теперь о Мессіи... И тотъ бы, какъ разъ...

— Добрый годъ вамъ, мой ребъ Залманъ, отвѣчалъ ребъ Борухъ, принужденно улыбаясь. Что новаго, ребъ Залманъ.

— Что новаго? Что можетъ быть новаго у насъ сватовъ? Дѣло извѣстное: Богъ сидитъ на Своемъ тронѣ, на небѣ и сватаетъ на землѣ... Ахъ, да, кстати... вы были у цадика?

— «Былъ, отвѣчалъ ребъ Борухъ немного грустнымъ тономъ.

— Ну, а что сказалъ онъ, спросилъ далѣе ребъ Залманъ Ошкесъ?

— Онъ сказалъ: «дай Богъ, чтобы въ добрый часъ, въ счастливый часъ быть этой партіи».

— Ну, и прекрасно, проговорилъ ребъ Залманъ Ошкесъ весело, самодовольно, какъ бы радуясь своего побѣдою. Чего же вы больше хотите? Дѣлу конецъ, продолжалъ онъ еще болѣе развеселившись и его воображеніе начало уже рисовать ему красненькую бумажку, которая будетъ наградою за его хлопоты.... Дай Богъ, дай Богъ, чтобы дѣйствительно было въ добрый часъ, въ счастливый часъ! Чтобы дѣткамъ вашимъ старѣться въ богатствѣ, въ чести и благочестіи, и чтобы благо было всему Израилю!.

— Аминь, Царь небесный, промолвила Сореле тихо.

— Ну, такъ ужъ быть этому, отозвался наконецъ ребъ Борухъ Киноверъ, тяжко вздохнувши и будто рѣшаясь на отвергаемое сердцемъ дѣло.... Быть этому! Если цадикъ того хочетъ, то и самъ Богъ того хочетъ....

— То-то и дѣло, что и самъ Богъ того хочетъ; объ этомъ ужъ и говорить нечего. Только не грустите ребъ Борухъ, только не грустите! Сореле, дайте выпить что нибудь, да и пряника кусокъ.... или нѣтъ, на закуску дайте лучше кусочекъ калача.... Ваши калачики славятся во всемъ городѣ, вы ихъ мастерски приготовляете. Ну, подайте, мы съ ребъ Борухомъ выпьемъ за сча-

стье его дочки, а въ субботу вечеромъ, Богъ дастъ, будемъ тарелки ломать».

— «Какъ же, какъ же, проговорилъ ребъ Борухъ, немного развеселившись, будемъ, будемъ ломать! Если Богъ того хочетъ, то такъ и быть должно... Сореле, какъ думаешь, не позвать-ли Динцу и не сказать ли ей, что дѣло уже кончено?

— Къ чему это? Пусть подождетъ немного, въ субботу утромъ мы ей и скажемъ. Очень ужъ боекъ нынѣшній свѣтъ-то: встарь невѣстѣ не говорили о женихѣ до самого дня вѣнчанія, а теперь, сейчасъ и сказать! Никому: ни мнѣ, ни матери, ни бабушкѣ моей не показали жениха до самого вѣнца, а все-таки, видишь, не хуже другихъ, живемъ... Но, вотъ, она сама пришла!..

— Поздравляю тебя, невѣста, прогремѣлъ ребъ Залманъ Ошкесъ, какъ только Динца показалась въ дверь. Чего тутъ стыдиться, дурочка? Это дѣло еврейское, краснѣть не надо.

У Динцы вся кровь хлынула въ лице, она страшно покраснѣла, потомъ поблѣднѣла какъ трупъ, такъ, что отецъ ея не на шутку испугался. Онъ подошелъ къ ней и, нѣжно взявъ ее за руку, спросилъ: *Динчуню*—мое сердце, что съ тобою, скажи?

— Ничего, подхватила за нее мать. Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ она сама не своя.... Должно быть сглазили ее гдѣ нибудь. Ступай, душенька, спать, сказала Сореле, обращаясь къ дочери, ступай, прилягъ немного—я пошлю за Бейле-меламедихой, она мастерица лѣчить отъ сглазу.

— За чѣмъ къ Бейлѣ-меламедихѣ? Возразилъ, ребъ Залманъ Ошкесъ не безъ нѣкоторой досады, — зачѣмъ къ ней, когда я тутъ? Я не хуже ея *дурной глазъ снимаю*. Тутъ онъ подошелъ къ Динцѣ, стащилъ съ ея головы платокъ и началъ надъ нимъ что-то нашептывать, плевать и корчитъ такія отвратительныя гримасы, что Динцѣ стало тошно. Сореле весело ушла достать ребъ Залману Ошкесу выпить, а Динца чуть-чуть добрела до двери и вышла. Отецъ долго смотрѣлъ ей во слѣдъ....

ГЛАВА III.

Двѣ подруги.

Не подалеку отъ дома ребъ Боруха Киновера жила одна польская фамилія Забрудовскихъ, состоявшая изъ стараго отца, чинов-

ника въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ, изъ старой матери и единственной дочери - дѣвицы, панны Ядвиги. Благодаря близкому и долгому сосѣдству, панна Ядвига и Динца подружились и сильно полюбили одна другую. Динца каждый день посѣщала сосѣдку-панну, и часто просиживала у нея цѣлые утра и вечера; панна Ядвига особенно полюбила свою подругу-жидовочку, выучила ее читать и писать по польски, часто сама читала предъ нею польскія книги и не рѣдко довѣряла ей свои дѣвичьи тайны. Родители Динцы не мѣшали своей единственной дочери входить въ христіанскій домъ, такъ какъ и сами были издавна знакомы со старыми Забрудовскими. Но старая Забрудовская, гоноровая полька и фанатичка косо смотрѣла на дружбу своей дочери съ жидовкой и нѣсколько разъ даже дѣлала ей на счетъ ея отношеній къ Динцѣ строгіе выговоры. Панна Ядвига сначала все отмалчивалась, но наконецъ это ей надоѣло, и она отвѣчала своей матери однажды — навсегда, что Динца ея лучшая подруга въ городѣ и что нисколько не стыдно дружиться съ доброю и честною еврейскою дѣвушкой, такъ какъ это непротивно религіи. Послѣ такого рѣшительнаго отвѣта, старуха какъ будто образумилась и угомонилась; однако въ сердцѣ она порѣшила другое. Польскія женщины, особенно старыя, очень любятъ религіозные подвиги; а можетъ ли быть больше религіозный подвигъ, какъ обратить еврейскую душу въ католичество? Въ первый разъ, когда старуха Забрудовская узнала о дружбѣ своей дочери съ Динцей, ей запала въ голову эта счастливая мысль, и съ того времени никогда ее не покидала. Старуха ею постоянно была занята, и уже заранѣе представляла себѣ то золотое кресло, которое достанется ей на небѣ въ награду за такую великую услугу въ пользу католицизма. Впослѣдствіи, когда она очень хорошо узнала Динцу, къ ея религіозному стремленію присоединилась еще и другая— второстепенная цѣль, именно: она сама очень полюбила еврейскую дѣвушку и, просто, заботилась о доставленіи ея душѣ царства небеснаго, да и польское сердце Забрудовской, никакъ немогло помирить такого близкаго знакомства съ дѣвушкой другаго вѣроисповѣданія. Какъ бы то ни было, только панна Забрудовская рѣшилась во чтобы то ни стало достигнуть своей цѣли. При такомъ положеніи дѣла, старуха старалась улучить время и случай—приступить къ началу, но въ присутствіи своей вѣротерпимой дочери

она рѣшительно боялась заговорить съ Динцей о своемъ дѣлѣ. Наконецъ она дождалась вожделѣнной минуты: дочери не было дома, а Динца какъ бы нарочно пришла. Старуха принялась бесѣдовать съ дѣвушкой о томъ, какъ чиста и свята католическая вѣра, какъ счастливъ въ настоящей, временной и будущей, вѣчной жизни тотъ, кто ее исповѣдуетъ, какъ несчастливъ еврей, а особенно еврейская женщина, которая всю жизнь свою носитъ постыдныя цѣпи рабства. Сначала молодая дѣвушка ее не понимала. Слова польки проходили у нея сквозь уши, не производя на нее никакого вліянія. Но потомъ, когда старуха начала яснѣе говорить о своемъ намѣреніи, прямо уговаривала ее отрѣшиться отъ своего народа и своей религіи, которые были ей очень дороги, испуганная и встревоженная дѣвица побѣжала домой, а на другой день съ горькими слезами на глазахъ разсказала своей подругѣ обовсемъ и прибавила, что, если такая исторія повторится, то она, волей-неволей, должна будетъ оставить ихъ домъ и навсегда разлучиться съ своего лучшею подругою. Панна Ядвига была внѣ себя отъ гнѣва и собиралась крупно переговорить съ своею старою матерью, но тотчасъ же остановилась, понимая, что этимъ она только уморитъ свою связь съ Динцей; она старалась успокоить себя и Динцу, утѣшала ее, совѣтовала ей не обращать вниманія на слова старухи, всячески стараться избѣгать бесѣды съ нею на единѣ и обѣщала ей, что такая исторія никогда уже не повторится. Дѣйствительно, съ того времени старуха прекратила свою миссію, Динца обо всемъ почти совершенно забыла, все опять было благополучно, и такое невозмутимое спокойствіе въ дружбѣ молодыхъ дѣвушекъ продолжалось довольно долгое время.

У насъ евреевъ, существуетъ очень забавная и ловкая выходка: «погребальные носилки упираются на двухъ ножкахъ, а вѣнчальный балдахинъ на четырехъ потому, что на первыхъ хоронятъ обыкновенно только по одному человѣку, а подъ послѣднимъ хоронятъ у евреевъ обыкновенно двухъ сразу»... Эта довольно удачная выходка показываетъ, что сами евреи очень хорошо понимаютъ сходство своихъ браковъ съ похоронами. Еслиже они это понимаютъ, то зачѣмъ же они добровольно хоронятъ своихъ дѣтей на-

выми?.. Но у евреевъ на этотъ вопросъ готовъ отвѣтъ очень простой, а именно: «ихъ дѣды похоронили живыми ихъ отцовъ, ихъ отцы похоронили ихъ самихъ, они за то и хоронятъ своихъ дѣтей, а ихъ дѣти, когда Богъ дастъ, похоронятъ своихъ дѣтей. Выходитъ, что похороны подъ вѣнчальнымъ балдахиномъ, действительно, есть дѣло еврейское, какъ выразился ребъ Залманъ Оштксесъ. Но зачѣмъ же это еврейское дѣло? Зачѣмъ только у насъ евреевъ, должно быть такъ, а не какъ у другихъ образованныхъ народовъ? Чѣмъ согрѣшила бѣдная еврейская невѣста, что ей не показываютъ жениха до того дня, когда надо идти подъ вѣнецъ, или даже до самой той минуты, когда оба молодые стоятъ уже подъ вѣнчальнымъ болдахиномъ, когда лице невѣсты уже завѣшено толстой скатертью, такъ что она вокругъ себя ничего не видитъ? Зачѣмъ это такъ дѣлается?? Но объ этомъ ни одна еврейская дѣвушка не осмѣлится спросить, а если спроситъ то отвѣтъ ей будетъ тотъ же самый: «Наши прапрадѣды такъ дѣлали, а ты, пожалуста, не умничай!» Это отвѣтъ, рѣшительно, на все. Слѣдовательно при еврейской свадьбѣ не женихъ женится на своей невѣстѣ, а его родители на родителяхъ невѣстиныхъ, и все, слава Богу, благополучно... Несчастная невѣста, жалкій женихъ, варварскій обычай, преступное бракосочетаніе, безсердые и безмозгіе родители!... Полюбопытствуйте спросить еврейскую дѣвушку - невѣсту, нравится ли ей женихъ, любитъ ли она его, или что либо тому подобное, она вытаращитъ на васъ пару безсмысленно-пытливыхъ глазъ, какъ бы спрашивая: съ ума онъ спятилъ, что ли? О чемъ это онъ меня спрашиваетъ? Мое ли это дѣло?...

Такъ мыслитъ еще о бракѣ значительная часть еврейскихъ талмудистовъ; но наша Динца была уже не такова: она принадлежала уже къ тому немногочисленному классу еврейскихъ дѣвушекъ, которыя, благодаря тѣмъ, или другимъ обстоятельствамъ, успѣли уже кое что узнать изъ того, какъ водится на свѣтѣ. Благодаря паннѣ Ядвигѣ, наша Динца немного читала, видала, слыхала. Она, между прочимъ, видѣла, что, когда сватались за ея подругу, панну Ядвигу, то прежде всего обращались къ ней самой. Динца, наконецъ, пришла въ сознаніе, что для человѣка существуютъ такія права, которыхъ никакая сила въ свѣтѣ не можетъ уничтожить. Она давно уже поняла, что произволъ ребъ Залмана

Ошкеса еще очень мало значитъ тамъ, гдѣ сердце его жертвы протестуетъ противъ его притязаній; она знала, что насиліе въ дѣлѣ брака равносильно жертвоприношенію. Все это она очень хорошо понимала, но понимала къ своему величайшему несчастію, ибо она была твердо убѣждена въ томъ, что ея реакція, ея протестъ были бы напрасны, что не передѣлать ей своихъ родителей, увлекаемыхъ общимъ изувѣрствомъ и невѣжествомъ толпы. Она чувствовала, что слишкомъ много любитъ своихъ родителей для того, чтобы позволить себѣ огорчить ихъ своимъ протестомъ. Всѣ ея надежды, милыя, блестящія надежды на свое будущее, надежды, которыя такъ долго лелѣяли ея дѣвическое воображеніе, представились ей теперь дымомъ, который отъ легкаго дуновенія вѣтра разлетается по воздуху и исчезаетъ. Въ ея головѣ мелькали одинъ за другимъ ребъ Залманы Ошкесы, вѣнчальный балдохинъ, чужой, невѣдомый ея сердцу бахуръ—женихъ и проч. и проч... Утѣшеніемъ въ ея горѣ оставались однѣ слезы и слезы. Хотя Динца очень хорошо знала, что ей не перестроить своего народа, не образумить его; хотя она была убѣждена, что то жесамое покрывало, которое ослѣпляло глаза тысячамъ ея сестеръ—невѣстъ, стоявшихъ подъ брачнымъ балдахиномъ, ослѣпитъ глаза и ей; но до того страшнаго дня, когда она услыхала свой роковой приговоръ отъ ребъ Залмана Ошкеса, она, сама не зная почему, все надѣялась, что съ нею будетъ поступлено какъ-то немного иначе. Всякій разъ, когда Динца видѣла ребъ Залмана Ошкеса, входящаго къ ея отцу, у нея трепетало сердце, наполнялось грустными предчувствіями; но не надолго: «скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается» думала она; пусть себѣ Залманъ Ошкесъ говоритъ, пусть суетится, хлопочетъ,—до дѣла еще далеко, *теперь* я свободна—а послѣ... ну, послѣ... какъ ужъ тамъ ни случится..., кто знаетъ, что будетъ послѣ!... можетъ быть отецъ.... Такіе воздушные замки строила наша бѣдная дѣвушка, такими пустыми мечтами она себя утѣшала и какъ будто оставалась довольною и спокойною насчетъ своего положенія. Можно себѣ представить какъ надорвалось ея юное сердце, какъ оно облилось кровью въ ту минуту, когда она услышала отъ ребъ Залмана Ошкеса, на котораго она смотрѣла, какъ на торгующаго человѣческимъ мясомъ: «поздравляю тебя, невѣста!»... Чуть живая дотащилась она до своей комнаты и бросилась на постель въ совер-

женномъ изнеможеніи. Слова: «поздравляю тебя, невѣста, какъ смертный приговоръ звучали въ ея ушахъ и обдавали ея тѣло предсмертнымъ холодомъ. Долго она лежала, какъ оглушенная громовымъ ударомъ; она дрожала какъ въ лихорадкѣ; не могла подняться съ мѣста. Вдругъ скрыпнула дверь,—въ ея комнату вошелъ отецъ. Тихо онъ подошелъ къ ея постели, взялъ ее за руку и спросилъ: «что съ тобою, душа моя? Ты вся дрожишь.... покройся, моя милая,.... не печалься, Богъ дастъ, и мы будемъ радоваться,—вѣрь, что самъ Богъ того хочетъ, онъ самъ устроиетъ эту партію»....

— «Борухъ! раздался вдругъ голосъ жены изъ другой комнаты,—что ты тамъ болтаешься? Ребъ Залманъ хочетъ съ тобою почмокаться—ступай скорѣе».

Ребъ Борухъ съ грустью поцѣловалъ руку своей дочери, украдкою вытеръ крупныя слезы, повиснувшія надъ его морщинистыми щеками и поплелся изъ комнаты...

— «Богъ того хочетъ, повторила Динца, опять оставаясь на единѣ, и немножко пришедши въ себя, Богъ того хочетъ! Богъ хочетъ, чтобы еврейская дѣвушка была продана на зарѣзъ..... Богъ хочетъ, чтобы родители съ жестокимъ хладнокровіемъ продавали счастье и жизнь своихъ дочерей, не предваривъ ихъ о томъ, не спросивъ даже согласія на эту спекуляцію ихъ... Богъ того хочетъ, а ребъ Залманъ Ошкесъ Его посланникъ, его исполнительная власть!.. Ребъ Залманъ Ошкесъ, по желанію Бога продаетъ меня несчастную какъ вещь! жалкіе люди! и все уже готово!.. завтра будутъ ломать тарелки, послѣ завтра подъ вѣнецъ!.. и Залманъ Ошкесъ побѣдитель!.. но кто меня неволитъ?.. Проговорила опять Динца, послѣ отчаяннаго молчанія, какъ бы снова живая... кто меня неволитъ? Силой подъ вѣнецъ не потащутъ.... я не хочу.... я скажу это громогласно, предъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ Богомъ!... Да, я это сдѣлаю.. Но что отъ этого выйдетъ?.. Отецъ съ горя заболѣетъ, мать будетъ ворчать и проклинать меня, а цѣлый свѣтъ будетъ указывать на меня пальцами... Нѣтъ!.. пусть страдаю я одна, пусть будетъ, что будетъ! Чѣмъ я дороже всѣхъ своихъ сверстницъ? Пусть лучше пойду по торному пути, чѣмъ уязвить сердце старому и любящему отцу!» Долго она еще лежала, мучимая борьбою своихъ черныхъ мыслей, пока, наконецъ, сонъ не успокоилъ ее. Проснувшись поутру,

она поспѣшно отдѣлась и съ заплаканными глазами побѣжала къ своей подругѣ.

ГЛАВА IV.

Рекрутскій наборъ.

Ребъ Залманъ Ошкесъ недаромъ храбрился предъ Сореле, это не было пустое хвастовство: онъ дѣйствительно поставилъ на своемъ. Въ субботу вечеромъ въ домѣ ребъ Боруха Киновера праздновалась помолвка его единственной дочери, Динцы съ сыномъ ребъ Зораха сборщика. Помолвка была роскошная и пышняя; тарелки, стаканы и горшки безъ счету летали по воздуху, всѣ веселились, а свадьбу отложили съиграть чрезъ два мѣсяца. Динца вдоволь наплакалась въ ту ночь, о которой мы говорили въ предидущей главѣ и очень рано утромъ побѣжала къ своей милой Ядвигѣ. Послѣдняя утѣшала свою подругу, сколько было въ ея силахъ, хотя сама очень хорошо чувствовала, что поступокъ ея родителей— вопіющая жестокость. Между тѣмъ въ комнату вошла старая панна. Увидѣвъ Динцу съ распухшими отъ слезъ глазами, она спросила о причинѣ ея горести; панна Ядвига ей обо всемъ разсказала. Выслушавъ всю эту исторію старуха съ какою то улыбкою посмотрѣла на Динцу и сказала: «такъ дѣлаютъ у васъ евреевъ, но будь ты католичка, съ тобой этого не случилось бы.»... Услыхавъ эти слова, Динца опрометью бросилась изъ комнаты. «Боже мой!» говорила она самой себѣ, бѣжа домой,—Боже мой, какъ страшно, какъ глубоко мое паденіе? Изъ за меня, изъ за меня, ничтожной дѣвчонки, изъ за того, что я хочу быть умнѣе всѣхъ, старая полька издѣвается надъ нашей религіей, надъ всѣмъ еврейскимъ народомъ!» Съ этой минуты Динца рѣшилась слѣпо повиноваться своимъ родителямъ. Слѣдствіемъ этой рѣшимости была ея помолвка, которою она была почти такъ довольна, какъ ея родители.

Зима въ городѣ М. протекла безъ всякихъ рѣзкихъ особенностей. Снѣга, морозы, оттепели, темные, грязные вечера, оглашаемые крикомъ и гамомъ, возвращающихся изъ хедеровъ, мальчиковъ, и т. д. и т. д. Все, кажется, было благополучно и не вос-

минно спокойно. Только за двѣ недѣли около праздника *Пуримъ* 1) на весь городъ напала вдругъ страшная паника. И на небѣ и на землѣ появились зловѣщія знаменія. Ребъ Зорахъ сборщикъ пріѣхалъ изъ губерніи и что то очень часто началъ шушукаться съ членами кагала 2). Жена *Ице-ловца* 3) набрала себѣ новое платье, а на небѣ появилась, какъ говорятъ старыя женщины, *Красчая розга* (комета). Старички взялись истолковывать значеніе кометы, а старухи, сами не понимая почему, стали чаще посматривать на своихъ взрослыхъ сыновей, молодые жены на своихъ молодыхъ мужей и, смотря на нихъ, заливаться слезами. Но зима уходила, а бѣда не приходила. Наконецъ общія предчувствія оправдались: ровно чрезъ двѣ недѣли,—въ самый день праздника, пуримъ, когда и старые, и молодые забыли свою грусть и радовались, воспоминая избавленіе отъ истребленія народа еврейскаго, кагалъ получилъ предписаніе о рекрутскомъ наборѣ... Новый рекрутскій наборъ!.. Холодный потъ обдаетъ-бывало все тѣло еврея при воспоминаніи о рекрутскомъ наборѣ, и слезы радости текутъ изъ глазъ при сравненіи его съ настоящимъ наборомъ. Тяжело одно вспоминаніе о страшномъ прошедшемъ! Кто не помнитъ той ужасной эпохи, когда еврейскіе мальчики, какъ мелькій скотъ были ловимы и запираемы на замокъ своими же братьями-евреями, которые, вопреки волѣ правительства, не знали мѣры своей жестокости и, какъ хищные звѣри терзали и высасивали кровь младенцевъ-страдальцевъ... Да, не веселое это было время!—и не легкое положеніе ожидало тогда еврейскаго солдата! Служить 25 лѣтъ безъ всякой надежды, безъ всякой цѣли переносить такъ

---

1) Праздникъ въ память избавленія еврейскаго народа отъ совершеннаго истребленія вслѣдствіе клеветъ, возведенныхъ на него Гаманомъ предъ Персидскимъ царемъ, извѣстнымъ въ Библіи подъ именемъ Ахашвероша.

2) Собраніе еврейскихъ депутатовъ и другихъ важныхъ вліятельныхъ лицъ, завѣдывающихъ общественными дѣлами.

3) У Евреевъ рѣдко берутъ въ рекруты того, кто состоитъ на очереди, а по большей части бѣдныхъ беззащитныхъ сиротъ нисколько не подлежащихъ рекрутской обязанности. Поэтому у евреевъ рекруты не являются сами по вытребованію начальства, какъ это дѣлается у народовъ христіанскихъ; за ними охотятся, какъ за хищными звѣрьми. Охотниковъ за рекрутами евреи называютъ ловцами—*хаперами* (отъ слова *хапнуть*).

много трудностей!... Но, за то Боже мой, какія ужасающія дѣла тогда совершались! Еврейскіе города и мѣстечка оставались пустыми! Всѣ молодые люди, отъ десятилѣтняго до тридцати лѣтняго возраста, бросали родителей, братьевъ, сестеръ, женъ и дѣтей и скрывались въ лѣсахъ, погребахъ, ямахъ, колодцахъ, баняхъ и мельницахъ! Другіе добровольно увѣчили себѣ глаза, руки, ноги, добровольно дѣлали изъ себя калѣкъ, уродовъ, чтобы только избавиться отъ службы... Но это дѣлали не тѣ, которыхъ обязанность очереди звала на государственную службу! Нѣтъ, они, за рѣдкимъ исключеніемъ, смиренно покорялись государственному закону! Дѣлали же это, по большей части единственные сыновья родителей, бѣдные, беззащитные, которые еще въ предъидущемъ наборѣ отдавали члена своего семейства, или продавали все до последней подушки и поставляли на мѣсто себя наемщиковъ... такіе, именно, горемыки должны были скитаться, бѣгать отъ корыстолюбія ребъ Зоруховъ и тысячъ подобныхъ имъ сборщиковъ-кровопійцъ!

Въ самомъ концѣ города М. стоитъ низкая полуразвалившаяся хижинка, крытая гнилою соломою. Маленькія ея окошка до половины погружены въ землю, стекла почти всѣ разбиты и заклеены бумагою или заставлены грязнымъ тряпьемъ, лохмотьями. Внутри холодъ и нищета непрыкрытая, вода со стѣнъ и съ потолка течетъ ведрами. На очагѣ чуть-чуть теплятся нѣсколько измокшихъ, подобранныхъ на улицѣ щепокъ, которыя производятъ на всю комнату удушливый дымъ и смрадъ. У огня стоитъ сгорбленная старушка-еврейка и грѣетъ свои озябшія руки. Дымъ входитъ ей въ потускнѣвшіе отъ слезъ и старости глаза. Эта страдалица извѣстна во всемъ городѣ подъ именемъ *Хайцы—вдовы*. Посмотрѣвъ на Хайцу-вдову, каждый, съ перваго взгляда подумалъ бы, что она влачила бѣдственную жизнь съ самого своего появленія на свѣтъ Божій до своей несчастной старости; но стоило только спросить объ ней перваго встрѣчнаго мальчика, и вы убѣдились бы въ противномъ. Въ городѣ всѣ отъ мала до велика знаютъ очень хорошо исторію Хайцы—вдовы, знаютъ, что когда-то ей жилось далеко лучше. Странные капризы фортуны!.. Когда слѣпая судьба сдѣлаетъ изъ батрака вельможу, врожденная ему природою

и прежнею жизнью грубость, не покидаетъ его, никогда и нигдѣ. Неотесанныя и угловатыя манеры до самой его смерти проглядываютъ у него изъ подъ внѣшняго лоска и богатства. Въ немъ видятъ не родоваго вельможу, какимъ онъ хочетъ казаться, а счастливаго батрака, и ничего больше. Но брось судьба какого нибудь счастливца въ бѣду и нищету и онъ переродится такъ скоро, что въ немъ и не узнаете прежняго человѣка. Видно, несчастіе далеко превосходитъ счастье въ силѣ и въ искуствѣ переработывать человѣка!... Лѣтъ за тридцать до нашего разсказа въ городѣ М. жилъ нѣкто ребъ Рувимъ-шинкарь. Онъ былъ еврей честный и добрый. Богъ благословилъ его изобиліемъ и добрымъ, сострадательнымъ сердцемъ. Первое и самое щедрое пожертвованіе обыкновенно выходило изъ дому ребъ Рувима-шинкаря. Каждую субботу, каждый праздникъ за его столомъ обѣдало человѣкъ десять и болѣе бѣдныхъ. Жена его, Хайца, не уступала своему мужу въ благотворительности: всѣ бѣдные, больные, калѣки шли къ Хайцѣ, съ надеждой на помощь, и она съ материнскою заботливостью за всякимъ ухаживала, всѣхъ снабжала, чѣмъ могла, помогала страдальцамъ изъ своего кармана, или собирала пожертвованія между другими набожными женщинами; бѣднымъ невѣстамъ давала гардеробъ, приданное и свадебные расходы, словомъ, наша Хайца въ городѣ М. была, что мать въ многочисленномъ семействѣ. Но эта добрая чета долгое время оставалась бездѣтною. Ребъ Рувимъ шинкарь сначала долго разъѣзжалъ по цадикамъ, расточалъ имъ значительныя суммы, цадики ему обѣщали дѣтей, но только обѣщали. Наконецъ ребъ Рувимъ потерялъ вѣру въ цадиковъ и рѣшился на свой счетъ соорудить новую синагогу. «Можетъ быть сжалится надъ нами Господь» сказалъ онъ Хайцѣ. Весь остальной капиталъ его, нажитый честнымъ трудомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, обращенъ былъ ребъ Рувимомъ на постройку синагоги. Онъ ничего не жалѣлъ для того, чтобы вымолить у Бога наслѣдника того добра, котораго уже у него не было: когда надобно было окрасить крышу синагоги, у ребъ Рувима уже не стало нужныхъ для того денегъ, и онъ долженъ былъ заложить женины субботніе наряды и украшенія, чтобы заплатить работникамъ. Онъ почувствовалъ, что настаютъ тяжкіе дни, но не сокрушался, тѣмъ болѣе, что желаніе его исполнилось: жена его родила ему наслѣдника его круглой бѣдности и ребъ

Рувинъ былъ на седмомъ небѣ отъ восторга, считая рожденіе сына прямою наградою за постройку синагоги. Когда синагога была совсѣмъ кончена, между ребъ Рувиномъ и остальными хасидами въ городѣ начался споръ. Дѣло было вотъ въ чемъ: на восточной стѣнѣ синагоги ребъ Рувинъ прибилъ деревянную доску съ надписью: «*Рувинъ и жена его Хайца.*» Это служило указаніемъ, что синагога сооружена на ихъ счетъ. Но завистливые хасиды не хотѣли допустить этого, сняли доску и сожгли ее. Мало того, они требовали, чтобы синагога называлась ихъ общимъименемъ: «*М—ская синагога хасидовъ.*» Ребъ Рувинъ въ то время былъ уже первостатейный бѣднякъ, чувствовалъ, что ему не подъ силу продолжать тяжбу съ обществомъ и смирился. Прошло еще нѣсколько времени и ребъ Рувинъ до того обѣднѣлъ, что обрадовался новой должности, которую хасиды возложили на него за самую скудную плату: его наняли *шамешомъ* (синагогальнымъ служителемъ) въ немъ же выстроенной синагогѣ, за что получалъ онъ шесть рублей въ мѣсяцъ и для квартиры маленькую тѣсненькую комнатку въ сѣняхъ синагоги. Наконецъ хасиды прогнали его и оттуда. Его семейство начало терпѣть недостатокъ въ насущномъ хлѣбѣ. Но тутъ Богъ послалъ ребъ Рувину новое утѣшеніе: появилась холера и прекратила его страданія. Послѣ кончины своего мужа, Хайца пошла въ услуженіе и тяжкими трудами доставляла себѣ и младенцу самое скудное пропитаніе пока не выбилась изъ силъ. Мойсей (такъ звали наслѣдника ребъ Рувина) подросъ и сдѣлался бегельферомъ, терпѣлъ всякую нужду, пока, наконецъ, выучился порядочно писать по-русски и сдѣлался переписчикомъ у одного чиновника, а за получаемые деньги пропитывалъ себя и свою старую мать.

О новомъ рекрутскомъ наборѣ никто въ городѣ не зналъ, кромѣ ребъ Зораха съ его товарищами, которымъ первый строго—на строго заказалъ хранить молчаніе. Это дѣлалось для того, чтобы въ одну ночь удобнѣе и вѣрнѣе напасть на беззащитныя жертвы, на не предчувствующихъ грозы бѣднягъ, похитить и увезти прежде чѣмъ они успѣютъ принять какія нибудь мѣры къ своей защитѣ. И такъ, о новомъ рекрутскомъ наборѣ не зналъ рѣшительно никто. Мойсей развѣдалъ о немъ у своего чиновника и немедленно извѣстилъ о томъ свою мать. Когда старуха узнала о наборѣ, на сердцѣ у нея словно мыши заскребли. Хотя она

очень хорошо знала, что только насиліе и беззаконный произволъ могутъ разлучить ее съ ея единственнымъ сыномъ, но материнское сердце все-таки чуяло и твердило ей, что сынъ ея въ несомнѣнной опасности. Съ того времени Хайца вздрагивала при всякомъ звукѣ на улицѣ, при всякомъ шорохѣ ночью и со слезами на глазахъ умоляла сына скрыться куда-нибудь до окончанія набора. Сначала Моисей рѣшительно отказывался исполнить ея желаніе и категорически объявилъ, что отнюдь не оставитъ своей матери-старухи на произволъ судьбы, хотя-бы это стоило ему жизни. Но когда мать крѣпче стала приступать къ нему, безпрестанно плакать надъ нимъ, онъ, наконецъ, уступилъ ея слезамъ и на другой день, еще до разсвѣта, простился съ своего матерью и ушелъ въ сосѣднюю деревню, къ одному знакомому крестьянину. Опасенія Хайцы сбылись: на третью ночь послѣ этого ловцы гурьбой напали на ея хижинку, сломали дверь, начали обыскивать, обшаривать хижинку, вскарабкались на чердакъ, искали въ погребѣ, во всѣхъ уголкахъ и, конечно, мучились напрасно. Тутъ Ице-Ловецъ, мущина толстый и плечистый, съ рыжею, густою бородою, съ краснымъ лицомъ и такимъ же затылкомъ, подбѣжалъ къ бѣдной женщинѣ и немилосердно началъ осыпать ее кулачными ударами, требуя отъ нея выдачи сына, но напрасно. Старуха мужественно выдержала побои, даже не крикнула, не заплакала и не отвѣчала ни полслова. Разбойники съ ожесточеніемъ заскрежетали зубами и отправились домой. Можно себѣ представить пораженіе ребъ Зораха-сборщика, когда онъ услышалъ объ этой неудачной ловлѣ! Онъ рвалъ на себѣ волосы, метался какъ бѣшенный, проклиналъ ловцовъ, скрежеталъ зубами, словомъ, чуть не лопнулъ отъ злости.... Десятки пословъ и отставныхъ солдатъ были разосланы по всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ отыскивать несчастнаго бѣглеца; но поиски остались безполезны. Взялись опять за бѣдную вдову, ее мучили и допрашивали, три дня держали за рѣшеткой, морили голодомъ, но все таки ничего не узнали и выпустили на волю.

Отчасти отъ испуга въ ту ночь, когда на нее напали ловцы, отчасти и отъ вынесенныхъ побоевъ, и изнуренія Хайца опасно заболѣла. Одна въ темной, нетопленой и мокрой лачугѣ лежала больная и стонала; ея стоны слыхалъ одинъ только Богъ, но онъ обѣщу то не посылалъ невинной страдалицѣ облегченія ея участи.

Съ того времени, какъ скрылся ея сынъ, къ бѣдной вдовѣ почти каждый день приходила старая крестьянка, жена того крестьянина, у котораго жилъ Мойсей, и передавала ей отъ него поклоны и небольшую помощь. Заболѣвши, Хайца строго-на-строго запретила своей посѣтительницѣ ничего не говорить о ея положеніи сыну. Хайца очень хорошо знала, что изъ любви и состраданія къ своей матери, Мойсей добровольно подвергнетъ себя опасности, чтобы только взглянуть на нее. Крестьянка обѣщала ей сохранять тайну, но не удержалась и чрезъ нѣсколько дней проболталась предъ Мойсеемъ. На другой день, во время вечерныхъ сумерокъ нѣсколько человѣкъ видѣли, какъ въ городокъ вошелъ слѣпой-нищій, котораго водилъ оборванный крестьянскій мальчишка. Когда хорошо стемнѣло, слѣпой вмѣстѣ съ мальчикомъ направились къ хижинѣ Хайцы-вдовы; нищій тихо подошелъ къ окошку и, прислонившись къ нему, сказалъ: «маминька, отопри»!

— «Мейшуню»! простонала больная слабымъ голосомъ, узнавъ голосъ своего сына. Она собрала остатки своихъ силъ добрела до двери и отперла ее. Но въ ту же самую минуту на нищаго напали ловцы.... Больная вскрикнула и бросилась бѣжать за нимъ, но Ице-ловецъ толкнулъ ее кулакомъ въ грудь, и она безъ чувствъ упала на землю, Мойсея потащили въ казарму, а бѣдная старуха въ безпамятствѣ осталась на порогѣ......

К. Скурховичъ.

(Продолж. въ слѣд. книжкѣ).

ЗАПАДЪ И ВОСТОКЪ ВЪ АВСТРІИ.

Западъ относится къ Востоку враждебно. Если есть вообще какая нибудь солидарность между западными народами, то она существуетъ именно въ ихъ отношеніи къ Востоку. Какъ два противоположные полюсы, такъ двѣ противныя стихіи стоятъ западъ противъ востока въ грозномъ отношеніи другъ противъ друга—какъ бы въ ожиданіи неминуемаго столкновенія... И чѣмъ же объяснить себѣ эту неистовую вражду, гдѣ искать причинъ этого взаимнаго недоброжелательства?

Не скрывая этой вражды, представители запада указываютъ на двѣ причины: «во первыхъ», говорятъ, «востокъ—варварскій,

а западъ цивилизованный; а такъ какъ цивилизація не можетъ мириться съ варварствомъ, то и очень понятно, что и цивилизованный западъ не можетъ примириться съ варварскимъ востокомъ; во вторыхъ», говорятъ представители запада, «свой совершенно отдѣльный характеръ и другія начала жизни восточныхъ народовъ мѣшаютъ сближенію съ западными народами».

Вотъ двѣ главныя причины, которыми оправдываетъ западъ свое враждебное отношеніе къ восточнымъ своимъ сосѣдямъ, но къ славянамъ.

Исторія и факты, совершающіеся на нашихъ глазахъ, доказываютъ, однако, что господа представители запада по просту лгутъ, и что приводимыя ими «благородныя причины» выдуманы ими просто для того, чтобъ обмануть массы и успокоить совѣсть какого нибудь западнаго христіанина, желающаго руководиться въ отношеніи къ ближнимъ «главною заповѣдью» Христовою. Если бы два упомянутыя обстоятельства составляли дѣйствительно главную причину враждебнаго отношенія запада къ востоку, въ такомъ случаѣ ужъ давно не было бы турокъ въ Европѣ, такъ какъ ихъ «характеръ и начала жизни» ужъ навѣрно большій составляютъ контрастъ въ отношеніи къ характеру и началамъ романцовъ и германцовъ, чѣмъ н. пр. характеръ и нравы чеховъ или грековъ; а и на счетъ «варварства» надо отдать справедливость туркамъ и, во всякомъ случаѣ, признать имъ первенство предъ славянами. Несмотря на контрастъ въ характерахъ и нравахъ общества магометанскаго и западно-европейскаго, несмотря на извѣстное варварство, ежедневно доказываемое мусульманами на восточныхъ христіанахъ, мы однако видимъ, что турки благоденствуютъ въ Европѣ, и что всѣ эти контрасты и варварство не мѣшаютъ западно-европейскому обществу дѣлать даже оваціи представителямъ противоположностей и негаціи его нравовъ и цивилизаціи. Съ другой стороны мы увидимъ, что почти онѣмеченные чехи, не представляющіе собою относительно культуры и характера ни малѣйшей противоположности къ западу, не пользуются и сотою долею этого сочувствія въ западной Европѣ, какою пользуются турки—а не пользуются потому толь-

ко, что по своему славянскому нарѣчію причисляются къ славянскому племени.

И гдѣ же причины вражды и ненависти запада къ востоку? Не въ вѣроисповѣданіи-ли? Но вѣдь чехи и кроаты — католики, а впрочемъ цивилизація западной Европы уже перестала руководиться религіозными побужденіями и доказываетъ это на жидахъ и магомеданахъ. Ну, такъ гдѣ же причина нерасположенія запада къ востоку? Гдѣ причина пропаганды ненависти запада къ славянству?? Нѣкоторые полагаютъ, что Европа потому не можетъ любить славянъ, что видитъ въ нихъ представителей демократическаго начала. Быть можетъ, что аристократическіе элементы Европы имѣютъ поводъ ненавидить славянъ для ихъ демократическаго начала, но вѣдь западная цивилизація написала же на своемъ знамени тоже «демократію»?...

Нѣтъ, ни то, ни другое питаетъ въ сердцѣ запада вражду и ненависть противъ славянскаго востока — а вотъ что: егоизмъ, опасеніе потерять свое привилигированное положеніе въ отношеніи къ другимъ неразвитымъ народамъ, жажда вѣчно эксплоатировать ихъ и жить выгодно на ихъ счетъ; наконецъ завистъ и глупое желаніе отличаться и блестѣть предъ другими младшими народами. Вотъ побудительныя причины, производящія безпрестанное недоброжелательство и нерасположеніе къ востоку. Всѣ эти мотивы, конечно, низки, глупы и недостойны человѣчества, какъ низко и неблагородно и то чувство, которое ими производится. Съ большимъ недоброжелательствомъ относится западъ именно къ славянству, потому что видитъ въ немъ наиболѣе силы и задатковъ могущества; онъ ненавидитъ его какъ новаго кандидата, съ энергіей стремящагося къ полной и совершенной эманципаціи. Западъ съ такимъ чувствомъ относится теперь къ славянамъ, съ какимъ, н. пр. крупный помѣщикъ относится къ крестьянамъ, стремящимся освободиться отъ крѣпостства и желающимъ работать только про себя.

Болѣе менѣе относится западъ ко всѣмъ славянскимъ племенамъ одинаково, если они только остаются вѣрными своему славянскому началу — если они только продолжаютъ быть славянами.

Одно это обстоятельство ясно уже доказываетъ, что въ отношеніи къ себѣ видитъ западъ въ славянахъ одну цѣлость, одно нераздѣльное общество—одинъ народъ. *Хотя, повидимому, западъ и порицаетъ «панславизмъ», но тѣмъ менѣе онъ мимовольно признаетъ его негативнымъ образомъ тѣмъ, что противоставитъ себя всѣмъ славянскимъ племенамъ.* Такого рода отношеніе запада къ славянамъ даетъ, конечно, тѣмъ послѣднимъ право, противоставить себя, въ отношеніи къ западу, тоже какъ одну органическую цѣлость, какъ одинъ народъ, и стремиться всѣми силами къ объединенію и къ созданію изъ себя единой и плотной цѣлости, чтобъ по возможности привести свою силу въ равновѣсіе съ напоромъ запада, и такимъ образомъ обезпечить свое существованіе. Напрасно и несправедливо приписываетъ Европа «панславизму» характеръ наступательный, котораго онъ уже потому не можетъ имѣть, что славяне не добились еще до равновѣсія и равноправности съ прочими народами; наступательнымъ можно его назвать развѣ въ такомъ смыслѣ, что славяне, стремясь къ равноправности, конечно, вытѣсняютъ западъ изъ привилегированнаго положенія.

При такомъ отношеніи запада къ славянскому востоку, для насъ понятно, что и Австрія, причисляющаяся къ системѣ запада, относилась всегда недоброжелательно къ своимъ славянамъ. Въ отношеніи къ славянамъ, видитъ себя Австрія представительницею запада и защитницею его интересовъ. Въ какой формѣ и объявлялась, по разнымъ временамъ, политика Австріи. Въ сущности была она всегда одною и тою же—антиславянскою.

Ни въ чемъ не была Австрія такъ послѣдовательною, какъ именно въ своемъ отношеніи къ славянской стихіи: въ Чехіи она поддерживаетъ нѣмецкій элементъ противъ славянскаго, хотя онъ для нея вовсе неблагонадежный; въ Венгріи опирается Австрія на меньшинство мадьярское; а и въ Далмаціи, гдѣ именно слѣдовало бы въ видахъ государственнаго интереса вытѣснить слабый элементъ италіянскій, чтобъ обезпечить для себя единственное побережье—Австрія неменѣе послѣдовательна: вѣрная своимъ преданіямъ она поддерживаетъ и здѣсь ненадежныхъ италіянцовъ

противъ славянъ, а поддерживаетъ съ такимъ усиліемъ, что 10% италіянцовъ имѣетъ въ далматинскомъ сеймѣ больше представителей чѣмъ 90% славянъ-далматинцовъ! Нечего сказать — въ своей государственной политикѣ Австрія наблюдаетъ строгую последовательность, хотя бы отъ этой послѣдовательности страдалъ ея государственный интересъ!.. Здѣсь, однако, нечему удивляться: здѣсь невиноваты ея государственные люди, а вся бѣда происходитъ отъ ея несчастнаго положенія между востокомъ и западомъ. Въ Австріи сталкивается западъ съ востокомъ и отсюда она получаетъ двойственный характеръ, который едва-ли можетъ имѣть «государство». Желая принять одинъ какой нибудь характеръ, Австрія должна по неволѣ принять одинъ, а уничтожить другой, то есть, поднять одну свою половину на ноги, а другую свалить съ ногъ—что опять трудно, потому что ни одна другая половина не желаетъ добровольно пожертвовать своею жизнью въ пользу другой. Австрійская государственная власть приклонялась до сихъ поръ на сторону запада и подняла противъ себя свою восточную часть. Еслибъ удалось ей совершенно одолѣть надъ нею—то вышлобъ еще не дурно; но мыслимо ли это? Мыслимо-ли, что государственная власть, опираясь на 7-ми милліонахъ нѣмцовъ и 4-хъ милліонахъ мадьяръ, успѣетъ уничтожить славянскую народность, къ которой причисляется 17 милліоновъ славянъ? Да, конечно, это было бы ужъ возможно, еслибъ эти славяне съ своей стороны придерживались въ своей борьбѣ противъ запада такой тактики, какую наблюдали до сихъ поръ, а именно съ 1848 года, т. е. что каждое племя боролось особнякомъ, каждое изъ своего особаго лагера и изъ своей точки зрѣнія, такъ что иногда пришлось славянину побивать славянина *). Въ такомъ случаѣ дѣйствительно одолѣли бы нѣмцы и мадьяры надъ сильнѣйшими числомъ славянами — и въ такомъ случаѣ имѣла бы дѣйствительно австрійская государственная политика свой смыслъ и свои шансы. Но умно-ли расчитывать на

*) Какъ это и теперь еще случилось съ полявами, русскими галичанами и словѣнцами, которые пришли въ вѣнскій рейхератъ, чтобъ станутъ въ ряду съ нѣмцами противъ чеховъ и moравянъ.

то, что австрійскіе славяне на столько тупы, чтобъ наконецъ не понять, что единственная возможность отстоять свою славянскую народность, представляется только въ ихъ народномъ объединеніи? Умно ли полагать, что чувство самосохраненія, этотъ высшій законъ, которому подчиняется все живущее, не одолѣетъ надъ всякимъ другимъ чувствомъ? Новѣйшія событія въ средѣ австрійскихъ славянъ говорятъ, впрочемъ, довольно громко противъ всѣхъ этихъ предположеній австрійской государственной власти...

Нѣтъ, не такимъ путемъ должна Австрія стремиться къ рѣшенію своего государственнаго вопроса. *Политикою насильственной ассимиляціи не добьется она никакихъ результатовъ*. Такая политика годится для каждаго другого государства, только не для Австріи. Россія н. пр. можетъ наблюдать политику ассимиляціи, чтобъ уничтожить всякую двойственность своего состава и упрочить такимъ образомъ свое государство, но для Австріи нѣтъ возможности послѣдовать такому примѣру. *Австріи суждено или не существовать, или примирить западъ съ востокомъ, которые столкнулись въ ея предѣлахъ. Отъ примиренія запада съ востокомъ зависитъ существованіе и благоденствіе Австріи.*

Но какъ же примирить западъ съ востокомъ.—Какъ примирить нѣмцовъ и мадьяръ съ одной стороны, съ славянами съ другой стороны? Этихъ противниковъ, конечно, не примиритъ никакой австрійскій дипломъ и никакая государственная форма, ихъ не примиритъ ни абсолютизмъ ни парламентаризмъ—*а помирить ихъ можетъ только возстановленіе естественнаго равновѣсія*. Пока не будетъ возстановлено равновѣсіе силъ между обѣими сторонами, то вѣчно полѣзетъ одна сторона на другую и борьба не устанетъ. Но когда будетъ возстановлено равновѣсіе и каждая сторона убѣдится въ невозможности супремаціи, когда каждый народъ будетъ принужденъ довольствоваться предѣлами назначенными ему провидѣніемъ, тогда, и только тогда, прекратятся стремленія къ игемоніи и тогда согласятся всѣ народы Австріи на федерацію съ однимъ центральнымъ правитель-

ствомъ. Средство же возстановить желаемое равновѣсіе между востокомъ и западомъ представляется единственно въ «панславизмѣ»—потому что только панславизмъ, т. е. народное культурное объединеніе всѣхъ славянъ, можетъ обезпечить востокъ предъ посягательствами запада, и только панславизмъ можетъ эманципировать славянство изъ духовнаго рабства. *Панславизмъ—это условіе благоденствія славянъ, существованія Австріи и спокойствія Европы*—да, панславизмъ—споспѣшествователь гуманности и цивилизаціи, ибо отнимаетъ западнымъ народамъ возможность играть роль варваровъ и тирановъ въ отношеніи къ славянамъ, въ отношеніи къ востоку.

О. Н. Ливчакъ.

СЛѢДУЕТЪ ЛИ БЫТЬ МАЛОРУССКОМУ ВОПРОСУ?

Кажется очень непонятно, чтобы въ настоящую пору, когда мыслящіе люди почти всѣхъ славянскихъ племенъ убѣдились во вредныхъ послѣдствіяхъ національнаго раздробленія славянъ, могли находиться еще и такіе славяне, которые были бы готовы сознательно содѣйствовать въ процессѣ дальнѣйшаго раздробленія. Не смотря на то, все таки приходится намъ встрѣтиться съ подобнымъ фактомъ. Именно на нашей галицкой Руси всегда еще находятся люди, которые, желая сдѣлать добро своему южнорусскому племени, думаютъ достигнуть этой цѣли такимъ путемъ, что вызовутъ національный южнорусскій вопросъ, въ рѣшеніи котораго, будто бы, главную роль сыграть должна наша бѣдственная Галиція.

Конечно, мы дѣлаемъ разницу между людьми, слѣдующими этому направленію съ чистою совѣстью, желая—какъ выше сказано—добра своему племени, а людьми, дѣйствующими, можетъ быть, просто по наущенію отъявленныхъ враговъ русскаго народа и всего славянства. Къ этимъ послѣднимъ наша рѣчь направленна быть не можетъ, потому что это значило бы бросать горохъ въ стѣну; мы обратимся съ нею только къ тѣмъ первымъ, которые могутъ быть виноваты въ сознательномъ фактѣ даль-

нѣйшаго національнаго раздробленія славянъ, ничуть не сознавая при томъ вреда, наносимаго ими своимъ дѣйствіемъ славянскому дѣлу вообще, своему же племени въ особенности. Предполагая въ этихъ людяхъ горячую—и даже слишкомъ горячую— любовь къ своему южнорусскому племени, мы, естественнымъ образомъ, никакъ не можемъ допустить, чтобъ они предмету любви своей могли наносить вредъ по злоумышленію; они могутъ это дѣлать развѣ только по поводу ложныхъ воззрѣній. Если же оно подлинно такъ, что здѣсь имѣется дѣло съ ложными воззрѣніями, то мы не сомнѣваемся въ томъ, что они, не выдержавъ строгаго приговора логики, должны уступить мѣсто другимъ.

Увѣрены въ точности нашихъ предположеній, мы попробуемъ высказать здѣсь нѣсколько мыслей, способныхъ, по нашему мнѣнію, если не убѣдить, то по крайней мѣрѣ послужить руководительствомъ или точками опоры для тѣхъ, которые, относительно назначенія и будущности южнорусскаго племени, исповѣдывая противное нашему убѣжденіе, готовы подчинить дѣло новому критическому разсмотрѣнію и отдать долгъ истинѣ, на чьей сторонѣ она бы ни была,—ибо мы также увѣрены и въ томъ, что убѣжденія бываютъ только тогда крѣпки и прочны, когда они не переходятъ отъ лица къ лицу какъ нѣчто уже совершенно готовое, но, такъ сказать, на ново создаются собственною духовною дѣятельностью человѣка.

Посмотрѣвъ на этнографическую карту славянскаго міра, невольно спрашиваешь: не хорошо ли было бы, если бы всѣ эти разноименныя, по единокровныя и потому, по языку и нравственнымъ убѣжденіямъ, столь близки другъ другу племена славянскія, соединились посредствомъ одного литературнаго органа и составили бы одну великую культурную націю? — Да, это было бы очень хорошо и для славянъ и для всего человѣчества! Таковъ отвѣтъ случалось намъ слышать отъ самихъ пристрастныхъ защитниковъ племеннаго индивидуализма; это было бы очень хорошо, говорятъ, но—прибавляютъ—оно имѣетъ тоже и свои неудобства.

Мы констатируемъ, прежде всего, первую половину этого от-

вѣта, именно, что *огромная польза національнаго объединенія славянъ сознается даже его рѣшительными, но притомъ и мыслящими, противниками.*

Съ другой стороны, сообразивъ всѣ невыгоды, происходящія отъ недостатка въ таковомъ національномъ объединенія, особенно же то обстоятельство, что славяне, основываясь на незначительномъ племенномъ различіи, принуждены бываютъ ограничиться образованіемъ многихъ, но большею частью маленькихъ націй, которыя, вслѣдствіе разрозненія и взаимнаго столкновенія своихъ интересовъ, попадаютъ въ опасность потерять не только племенную индивидуальность, но даже славянскую народность въ пользу могущественныхъ народовъ германско-романскаго запада,—защитники племеннаго индивидуализма сами сознаютъ, что въ защищаемомъ ими началѣ кроется большой вредъ для всего славянства, но сейчасъ же прибавляютъ, что оно имѣетъ также и свою пользу.

Опять констатируемъ, прежде всего, этотъ фактъ, что *в стремленіи къ возведенію племеннаго индивидуализма на степень національнаго значенія кроется большой вредъ для всего славянства.*

Взвѣсивъ обѣ эти истины, именно, огромную пользу, происходящую отъ національнаго объединенія славянъ, и большой вредъ, происходящій отъ недостатка въ такомъ объединенія, выходитъ, что они—конечно, въ противоположномъ направленія—равновѣсны. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы пришло къ сознательному выбору, едва ли кто избралъ бы зло вмѣсто добра; согласно тому, всякій разумный человѣкъ будетъ готовъ принять то начало, изъ котораго происходитъ добро. Это, кажется, ясно.

Теперь слѣдуетъ разобрать еще и тѣ замѣчанія, что національное объединеніе имѣетъ также свои неудобства, племенная же особность имѣетъ также и свою пользу. Конечно, за тѣми замѣчаніями нельзя тоже не признать своей правды; это истины, съ которыми, такимъ образомъ, тоже разчислиться нужно.

Чтобъ опредѣлить настоящее значеніе тѣхъ истинъ, слѣдуетъ только противопоставить равныя по свойству, т. е. пользу пле-

меннаго индивидуализма—пользѣ національнаго объединенія, неудобства же перваго — вредности послѣдняго. Сообразивъ одно съ другимъ и оцѣнивъ все по достоинству, покажется, что значеніе разбираемыхъ истинъ почти ничтожное противъ истинъ разобранныхъ выше; слѣдовательно отношеніе первыхъ къ другимъ будетъ второстепенное, а можетъ быть еще и меньшее.

Стало быть, *никто изъ разумно мыслящихъ людей, ради второстепенной пользы, не одобритъ начало, производящее первостепенный вредъ.* Это, кажется, тоже совсѣмъ ясно.

Если бы, положимъ, національное развитіе славянъ началось только съ настоящей поры, когда такъ ясно опредѣляются послѣдствія племеннаго объединенія и племенной розни, то оно, безъ сомнѣнія, было бы основано на томъ первомъ началѣ; но такъ какъ это развитіе началось въ далекой древности, и такъ сказать—*безсознательно*, то и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что оно, вслѣдствіе неблагопріятствующихъ историческихъ обстоятельствъ, послѣдовало на основаніи племенной особенности. Это начало имѣетъ впрочемъ знаменитую заслугу въ исторіи славянъ, ибо, не бывъ національнаго развитія славянъ на этомъ основаніи, они давно уже сдѣлались бы жертвою чужихъ народовъ, и сегодня не могло бы быть и рѣчи объ ихъ національномъ объединеніи. Но потому что въ настоящую пору это начало показалось не только недостаточно, но и вредно, то слѣдуетъ его замѣнить другимъ; и эта замѣна послѣдуетъ непремѣнно, такъ какъ всѣ мыслящіе славяне начали убѣждаться въ томъ, что она не лежитъ внѣ предѣловъ человѣческой возможности, если только къ той цѣли направлены будутъ стремленія образованной среды каждаго племени и употреблены будутъ соотвѣтственныя средства. Покамѣсть это вѣрно, что развитіе индивидуальнаго национализма у западныхъ и южныхъ славянъ послѣдовало давно и вслѣдствіе исторической необходимости. Объ южнорусскомъ національнизмѣ этого сказать не можно. Время его рожденія очень близко, а рождающая причина—сознательное подражаніе западнымъ и южнымъ племенамъ славянскимъ, слѣдовательно—не историческая необходимость, а племенный эгоизмъ.—Объяснимся.

Основаніемъ племеннаго различія славянъ считается, прежде всего, различіе рѣчи. У каждаго племени есть своя собственная рѣчь, отличающаяся одна отъ другой менѣе или болѣе значительнымъ количествомъ примѣтъ, которыя вовсе не исключаютъ еще ихъ значительной взаимной близости. Такое различіе замѣтно также въ рѣчахъ, сѣвернаго и южнаго, племенъ русскихъ; оно весьма похоже н. п. на различіе между говоромъ поляковъ и чеховъ; но между тѣмъ какъ поляки и чехи имѣютъ свои особыя литературы и на томъ основаніи словутъ особыми народами, оба племена русскія, участвуя въ одной, считаются также однимъ народомъ. Нельзя не сознать, что литературная русская рѣчь имѣетъ главнымъ основаніемъ живую рѣчь сѣверно-русскаго племени, слѣдовательно это племя и его рѣчь кажутся какъ будто господствующими. Образованные южнорусы въ Русской Имперіи, помня, сколь великія заслуги пріобрѣло себѣ ихъ племя въ исторіи русскаго міра, сочли это господство, или лучше сказать превосходство, сѣвернаго племени какъ будто униженіемъ своего собственнаго. Они начали заявлять уваженіе къ исторіи, обычаямъ, поэзіи и рѣчи южнорусскаго племени и стали даже серьозно думать о созданіи собственной, хотя и не ученой, но по крайней мѣрѣ беллетристической и популярной литературы, никакъ не вознамѣрываясь этимъ дѣятельнымъ, и впрочимъ весьма естественнымъ, уваженіемъ къ своему племени, нарушать національно-политической связи русскаго народа. *Это фактъ, что для подобнаго сепаратизма въ предѣлахъ Русской Имперіи равно не было, какъ возможности и необходимости, такъ и намѣренія южно-русскаго племени.*

Теорія южно-русскаго націонализма развилась очень недавно, въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ. Она развилась въ Галиціи, въ образованной средѣ той вѣтви южно-русскаго племени, для которой національное объединеніе сѣверной и южной Руси какъ будто не существовало, или было такъ сказать, внѣшнимъ явленіемъ. Депутація, хлопотавшая въ 1848 году о національной равноправности галицко-русскаго народа (именуемаго по нѣмецки Ruthenen), сейчасъ же вопрошена была губернаторомъ

Эстадіономъ: не тождественны ли рутены съ русскими? Опасаясь не сладить съ австрійскимъ правительствомъ, галичане отреклись тогда національной связи съ русскимъ народомъ, и, признаваясь только къ связи съ южнорусскимъ племенемъ, возвели его такимъ образомъ на степень особой національности. Эта большая ошибка имѣла самыя жалкія послѣдствія. Для русскихъ галичанъ, въ новомъ положеніи, показалась жгучая потребность въ собственной литературѣ, а такъ какъ южнорусской литературы не было—потому что малороссійская литература состояла только изъ немногихъ повѣстей и стихотвореній, и не имѣла претензіи на ученость—то слѣдовало еще создавать ее. Изъ соединенныхъ усилій галичанъ вышла письменная рѣчь очень похожа на литературный языкъ русскій и, не смотря на то, была принята публикою. Это осмѣлило нѣкоторыхъ писателей, желавшихъ исправить ошибку сдѣланую въ 1848 году, и они начали болѣе приближаться къ общерусской литературной рѣчи; но это новое направленіе встрѣтилось съ препятствіями не только со стороны правительства, но и со стороны тѣхъ русскихъ людей, которые въ продолженіи времени успѣли усвоить себѣ идею особой южнорусской національности. Раздражающая полемика довела дѣло къ совершенному раздору, столь вредно дѣйствующему на положеніе нашего народа въ австрійскомъ государствѣ. Сформировались два противоположные лагера: въ одномъ стоитъ рѣшительное большинство образованной среды галицко-русскаго народа, которое стремится, соотвѣтственно историческому результату, къ принятію литературнаго русскаго языка, имѣющаго для русскихъ племенъ значеніе національнаго объединенія; въ другомъ же остальная часть образованной среды, состоящая большею частью изъ молодежи, которая, подражая западнымъ и южнымъ славянамъ, образовавшимъ изъ себя нѣсколько особыхъ народностей въ слѣдствіе исторической необходимости, готова, основываясь на незначительныхъ отличительныхъ свойствахъ южно-русскаго нарѣчія, вызвать въ теперешнюю пору, когда нѣтъ для того ни настоящей надобности, ни условій возможности, національный вопросъ южнорусскій.

Такое состояніе продолжаться не можетъ; скорѣе или позднѣе должна уступить одна или другая сторона. Почему же, спрашиваемъ, это уступленіе предоставлять необходимости, если оно можетъ послѣдовать сознательно? Почему же не сдѣлать это теперь, когда всѣ частные славянскіе вопросы, въ видахъ собственной пользы, готовы уступить мѣсто одному обще-славянскому? Почему, наконецъ, противодѣйствовать тому направленію, которое для несравненнаго большинства южно-русскаго племени есть уже давно рѣшеннымъ фактомъ, да и для меньшинства имѣетъ всѣ возможныя шансы неминуемой побѣды?

Такъ какъ самое рожденіе національнаго южно-русскаго вопроса было результатомъ сознательнаго дѣйствія, то предметомъ подобнаго дѣйствія можетъ быть и его рѣшеніе. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что послѣдователи національнаго южно-русскаго направленія, подчинивъ его безпристрастному разсужденію аналитическимъ выше указаннымъ образомъ, придутъ къ тому, а не иному заключенію, что *поддерживаніе національнаго южно-русскаго вопроса не только безполезно, но и вредно, для всего славянскаго міра вообще, для галицiйской же вѣтви южно-русскаго племени въ особенности.*

Согласно умственному заключенію должны быть направлены и дѣйствія всякого разумнаго человѣка; слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ разумные, всему славянству добра желающіе и свое племя искренно любящіе люди перестанутъ увлекаться утопіями мелкаго племеннаго егоизма и, бросивъ безнравственное начало домашней распри, соединятся въ одно цѣлое съ прочею братіею, стремящеюся къ цѣли національнаго объединенія остальной части южно-русскаго племени съ великимъ русскимъ народомъ.

И что же сдѣлается тогда съ нашей южно-русской литературой?—Спросятъ нѣкоторые; не ужели бросить намъ совсѣмъ начатую литературную разработку нашей прекрасной рѣчи, и предать эти дорогоцѣнные начатки совершенному забвенію?

На то отвѣчаемъ такъ: литература—это нравственная представительница народа, слѣдовательно особая литература предпола-

гаетъ особый народъ. Что польза приносимая литературою, основанною на племенномъ нарѣчіи, почти ничтожная противъ вреда, происходящаго отъ національнаго раздробленія, это не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Между тѣмъ вѣрно и то, что существованіе особыхъ литературъ составляетъ почти главное неудобство, препятствующее покамѣсть скорому національному объединенію всего славянскаго міра. Не смотря на то, это объединеніе неизбѣжно. Почему же, спрашиваемъ, замедлять намъ историческій ходъ такого объединенія намѣреннымъ созиданіемъ еще одной новой славянской литературы?

Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса непремѣнно должно сообразить три слѣдующіе факты:

1) Южно-русской литературы, въ полномъ значеніи этого слова, т. е. соотвѣтствующей всѣмъ потребностямъ національной жизни, въ настоящую пору не имѣется.

2) Будущее созданіе такой литературы не имѣетъ самыхъ жизненныхъ условій, т. е. необходимости и возможности.

3) Настоящая русская литература создана была общими усиліями всѣхъ племенъ русскихъ, и большая часть южно-русскаго племени участвуетъ въ ней дѣйствительно съ самого ея начала до настоящаго дня и даже, главнымъ образомъ, содѣйствовала къ образованію и развитію обще-русской литературы, получившей начало своего развитія изъ Кіева, преисполненная древними русскими сочиненіями пера южно-русскихъ писателей, сочиненіями, положительно содѣйствовавшими къ образованію настоящей обще-русской, такъ богатой и образованной литературы.

Мы прежде всего должны исполнять задачу времени. Эта задача заключается теперь для славянъ въ принятіи одного всеславянскаго языка, которымъ они готовы признать литаратурный языкъ русскій; а для галицкой вѣтви южнорусскаго племени несравненно легче это сдѣлать, чѣмъ для другихъ племенъ. Какое мѣсто, въ слѣдствіе такого національнаго объединенія славянъ, должны занять прочія литературы славянскія? Будутъ ли онѣ продолжать свое существованіе, или нѣтъ? Нужно ли будетъ образованіе популярной южно-русской литературы? — Это вопросы,

рѣшеніе которыхъ будетъ составлять задачу грядущихъ поколѣній; *въ настоющее же время для насъ русскихъ галичанъ должна стоять на первомъ планѣ одна литература обще-русская, такъ богатая и образованная несравненно болѣе чѣмъ всѣ славянскія литературы, не исключая и польской, далеко уступающей русской въ одномъ и другомъ сказанныхъ отношеніяхъ.*

К. Г. Климовичъ.

ОБОЗРѢНІЕ СЛАВЯНЪ.

Австрійскій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Тафе, бывшій недавно въ Прагѣ, какъ говорятъ, съ цѣлью, чтобъ убѣдиться, возможно ли будетъ правительству барона Бейста сломать чешскую оппозицію, особенно же оппозицію аристократіи и духовенства, разрѣшилъ наконецъ постройку чешскаго національнаго театра. Полагаютъ также, что бургомистръ Бѣльскій, подавшій прошеніе объ отставкѣ въ слѣдствіе столкновенія съ намѣстникомъ, возьметъ назадъ это прошеніе и останется бургомистромъ. Ходятъ даже слухи, что правительство хочетъ наконецъ дѣлать уже уступки національной партіи.— Дополнительные выборы въ пражскій общинный совѣтъ имѣли блистательный успѣхъ, доказавшій на дѣлѣ, что Прага—чешскій городъ. Изъ числа избранныхъ 34 лицъ; 31 принадлежитъ къ чешской партіи, и только трое къ нѣмецкой.— Чешское духовенство воспользовалось вознамѣреннымъ со стороны нѣмецкихъ рейхсратовыхъ либераловъ уничтоженіемъ конкордата, чтобъ заявить энергическую оппозицію, которая дѣлаетъ правительству много затрудненій. Депутація, состоящая изъ 7 лицъ, принадлежащихъ разнымъ мірскимъ сословіямъ, между прочими изъ князя Сальма и графа Эгберта Белькреди, вручила императору адресъ съ 217,635 подписями отъ жителей края Моравіи, въ которомъ просятъ о сохраненіи конкордата. — Чехи хотятъ соорудить памятникъ знаменитому Юнгману, и одинъ патріотъ, не желающій быть наименованнымъ, пожертвовалъ къ этой цѣли 5000 гульденовъ, и прислалъ ихъ въ общество чешскихъ литераторовъ „Сватоборъ," въ Прагѣ. Изъ этого видно, что

чехи не ограничиваютъ свою національную дѣятельность однимъ только противудѣйствіемъ нынѣшней правительственной системѣ, въ прочность которой никто изъ славянъ не вѣруетъ.

Говоря—никто изъ славянъ, мы имѣемъ въ виду также и галиційскихъ поляковъ, которые сами виноваты въ томъ, что вслѣдствіе ихъ антиславянской политики, многіе почти отвыкли считать ихъ славянами. Поляки до сихъ поръ такъ усердно поддерживавшіе систему, съ ея извѣстною паролью: „прижать славянъ къ стѣнѣ," начинаютъ уже колебаться. Они кажется, приходятъ уже къ познанію, что для нихъ назначалось только временное господство въ Галиціи, и потому теперь ходятъ слухи, что ихъ депутаты, подъ давленіемъ польскаго общественнаго мнѣнія, готовы теперь не шутя оставить имперскую думу.— Органы польской партіи при обсужденіи римскаго вопроса не выказали той преданности къ папѣ и его интересамъ, какой по настоящему слѣдовало бы ожидать отъ нихъ. Хотя они и не выступаютъ открытыми противниками свѣтской власти папы, однако выказываютъ мало наклонности къ ея поддержанію. Большая часть польскихъ газетъ стараются стать въ римскомъ вопросѣ на объективную точку зрѣнія. Единственное исключеніе представляетъ газета „Часъ," которая неоднократно доказывала необходимость поддержанія свѣтской власти папъ и выразила полное сочувствіе свое французскому вмѣшательству.— Одна изъ польскихъ газетъ, именно, Dziennik Lwowski, уяснивъ себѣ эту фактическую истину, что южнорусскій народъ рѣшительно не можетъ имѣть никакихъ симпатій для политическаго польскаго идеала—возстановленія польскаго государства, совѣтуетъ полякамъ примириться искренно съ галицкими русскими и удовлетворить вполнѣ ихъ національнымъ требованіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтуетъ также возбуждать въ южнорусскомъ народѣ ненависть противъ Россіи. Удивительные люди! они забываютъ о томъ, что южно-русскій народъ не имѣетъ политическаго идеала, похожаго на польскій, и хотя бы онъ когда либо сталъ требовать для себя автономіи для удовлетворенія жизненнымъ интересамъ своего племени, то ему вовсе не нужно для достиженія этой цѣли вступать на тотъ путь, который, если поляки заранѣе не оставлятъ его окончательно погубитъ ихъ племя.

Несмотря на тѣ благочестивыя желанія польской газеты, русскій народъ въ Галиціи продолжаетъ страдать отъ польскаго гнета. Кажется, умами русскихъ галичанъ овладѣла было совершенная апатія, если сообразимъ тотъ фактъ, что они промедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ заявить свою жизненность въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда можно было постараться о томъ, чтобы въ каждомъ училищѣ нашлось условленное закономъ число учениковъ, требующихъ преподаваній на русскомъ языкѣ. Теперь наши соотечественники начинають понемножку оправляться. За иниціативой, вышедшею отъ русскихъ студентовъ въ вѣнскомъ университетѣ, на руки единственнаго образованнаго русскаго депутата въ имперской думѣ, г. Гушалевича, приходятъ уже многія прошенія отъ галицко-русскихъ общинъ, съ требованіемъ введенія преподаваній на русскомъ языкѣ въ народныхъ и среднихъ училищахъ восточной Галиціи. Какой успѣхъ будутъ имѣть эти прошенія, это другое дѣло; но во всякомъ случаѣ онѣ служатъ доказательствомъ, что галицко-русскій народъ отнюдь не думаетъ отказаться отъ своихъ правъ.— Русская перемышльская консисторія разослала недавно по своей епархій окружное посланіе, назначающее официальнымъ языкомъ по духовному вѣдомству краевый языкъ русскій, и определяющее при томъ; что на будущее время никто не будетъ допущенъ до священническаго сана въ этой епархіи, кто не прошелъ съ добрымъ успѣхомъ весь гимназическій курсъ по русскому языку. Вѣдь пора бы уже и львовской консисторій послѣдовать этому примѣру!— Императоръ высочайшимъ рѣшеніемъ 6-го ноября соизволилъ устроить проектированное галицко-русскимъ митрополитомъ д-ромъ Литвиновичемъ вмѣстѣ съ княземъ Карломъ Яблоновскимъ, баронами Николаемъ и Августомъ Ромашканами, совѣтникомъ верховнаго земскаго суда Юліаномъ Лавровскимъ и д-ромъ правъ Иваномъ Фридомъ „и к. привилигированное кредитное заведеніе для галицкихъ поселянъ.“ Можетъ быть, съ помощью этого заведенія нашъ бѣдный народъ когда-то освободится изъ еврейской неволи.

Угорская Русь не думаетъ оставаться свади галицкой. Ея представители, собравшись въ Севлюшѣ, въ Угочанскомъ комитетѣ, составили програму, по которой желанія народа за-

ключаются въ слѣдующихъ главнѣйшихъ чертахъ. Относительно церкви требуется свобода самоуправленія ея при участіи гражданъ, возведеніе епископства мукачевскаго въ митрополію, учрежденіе для православныхъ мадьяръ особой епископіи, возстановленіе русскаго епископства мармарошскаго, учрежденіе при пештскомъ всеучилищѣ русской церкви и русскаго катехизическаго класса. Относительно комитатовъ: организація комитатовъ по народностямъ, для избѣжанія памятныхъ всѣмъ смутъ, отнятіе у членовъ администраціи права голоса въ комитатахъ и предоставленіе избирательной коммиссіи собирать голоса по деревнямъ. Относительно народности: „Да имѣетъ нашъ пресвѣтлѣйшій король и его престоло-наслѣдникъ, яко то было въ древнѣйшихъ временахъ, и теперь титулъ oz orosz ok vezére (русскій воевода). Народность русская да будетъ признана равноправною политическою народностью въ Угорщинѣ, и кромѣ угорскаго знамени да будетъ намъ свободно употреблять и наше, желто-синее. Въ русскихъ комитатахъ да будетъ русскій языкъ офиціальнымъ и да будетъ возможно писать на немъ повсюду, даже до всесвѣтлѣйшаго короля." Такой же равноправности требуютъ представители народа и въ судахъ и въ войскахъ, гдѣ должны быть учреждены русскіе полки съ русскими священниками. Относительно народнаго просвѣщенія заявляется желаніе самоуправленія подъ контролемъ правительства, введенія русскаго языка органомъ преподаванія, съ одновременнымъ учрежденіемъ каѳедры русскаго языка и литературы въ пештскомъ университетѣ, разрѣшенія организовать собранія народныя по дѣламъ просвѣщенія и народности во всякое время. Въ заключеніе выражается надежда на постепенное прекращеніе различныхъ остатковъ феодализма и панщины, регалій, десятинъ и т. д. Постановленіе это разослано по всѣмъ русскимъ комитатамъ для соглашенія ихъ къ одной программѣ дѣйствій, и вездѣ собираются подписи. Оно напоминаетъ намъ программу угорской Руси изъ 1849 года и служитъ доказательствомъ этой исторической истины, что справедливыя требованія никогда не забываются народомъ и что удобное время къ заявленію таковыхъ можетъ представиться сверхъ чаянія.

Заявленіе національныхъ требованій полмилліонной угор-

ской Руси само по себѣ, кажется, не столь важно; но притомъ надо не забывать, что въ Угорщинѣ есть еще и другіе, болѣе жизненные славянскіе народы, именно словаки и сербы; есть еще и румыны, коихъ исконная страна, Седмиградія, имѣетъ несомнѣнное историческое право автономіи, уничтоженной только въ послѣдное время; есть наконецъ славяне-хорваты съ несомнѣннымъ историческимъ правомъ на свое тріединое королевство, которые никогда не откажутся отъ этого права, хотя бы даже изъ урны настоящихъ сеймовыхъ выборовъ вышелъ результатъ, способный рѣшить судьбу хорватскаго народа на нѣсколько времени въ пользу мадьяровъ. Сообразивъ все это, неменѣе какъ и то обстоятельство, что въ средѣ самого мадьярскаго народа находится язвительное жало, именно многочисленная и едва ли не самая сильнѣйшая партія лѣвой стороны угорскаго сейма, представляется настоящее и ближайшее будущее Транслейтаніи при ея нынѣшней политикѣ, конечно, не въ очень розовомъ свѣтѣ. Мадьяры ходатайствуютъ объ устройствѣ національной арміи. Къ чему же это? Если они не покончатъ мирно съ прочими угорскими народами, удовлетворивъ ихъ справедливымъ требованіямъ, то мы увѣрены, что оружіе ихъ гонведовъ можетъ только ускорить паденіе мадьярскаго господства, которое впрочемъ и безъ того не слишкомъ продлится. *„Славянская Заря.“*

ЗАГРЕБЪ И ХОРВАТЫ.

Въ 221 № „Варшавскаго Дневника“, за 1867 г., помѣщена статья о югославянской академіи французскаго литератора г. Людвика Лежера, знакомаго съ славянскими землями и изучающаго литературы славянскихъ народовъ. Потомъ, въ 1868 г. въ 16-мъ нум. Дневника напечатана была другая интересная статья того же автора: „Сужденіе француза объ изученіи русскаго языка,“ которую наши читатели, вѣроятно, замѣтили съ удовольствіемъ. Недавно г. Лежеръ, въ журналѣ „Revue Moderne“ напечаталъ свои очерки: „Загребъ и Хорваты,“ которые въ настоящее время переводятся въ хорватской газетѣ Novi Pozor, одобряющей ихъ достоинство. Считая знакомство съ славянскими землями для насъ важнымъ, мы дѣлаемъ слѣдующее любопытное извлеченіе изъ этихъ очерковъ.

„Загребъ (нѣм. Аграмъ), говоритъ г. Лежеръ, не только главный городъ Хорватіи, но и Тріединаго королевства, подъ именемъ котораго разумѣется Хорватія, Славонія и Далмація, вмѣстѣ съ военною Границею. Господствующій народъ въ этихъ трехъ королевствахъ вездѣ славянскій. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, всѣхъ хорватовъ считается 1,913.942, сверхъ-того 27,000 нѣмцевъ и 20,000 итальянцевъ въ Далмаціи. Слѣдуетъ, однако, принимать съ осторожностію итальянскія имена, которыя встрѣчаются въ офиціальныхъ извѣстіяхъ Далмаціи. Обыкновенно имена переводятся по итальянски, и такимъ образомъ хотятъ увѣрить, что въ Далмаціи живутъ только итальянцы. Такъ *Рѣка* извѣстна подъ именемъ Fiume, *Рагузою* называютъ *Дубровникъ*. Итальянскій языкъ, не допуская чужихъ словъ, переводитъ ихъ такъ, что онѣ теряютъ корень. Кто бы узналъ, что Monaco—München? Когда мы слышимъ слово: Montenegro, какъ не подумать, что это итальянская колонія въ самомъ сердцѣ сербской народности? Если итальянцамъ позволительно переводить „Црнагора“ (то есть Черная Гора, Черногорье), или по турецки „Кара-Дагъ,“ словомъ: Montenegro, то и мы свободно можемъ говорить: „la Montagne-Noire.“— Но обратимся къ Тріединому королевству. Неблагопріятныя обстоятельства расторгли Тріединое королевство такъ, что теперь оно существуетъ болѣе въ воспоминаніи, въ чаяніи, нежели въ политической дѣйствительности. Далмацію, которая долгое время была соединена съ Хорватіею, мало-по-малу присвоили себѣ венеціянцы, пока наконецъ вѣнскій конгресъ не передалъ ее, вмѣстѣ съ процвѣтавшею дубровицкою республикою, во власть Австріи, которая эти земли непосредственно подчинила Вѣнѣ. Впрочемъ, нынѣшній императоръ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, призналъ союзъ Далмаціи съ Хорватіею, въ своемъ дипломѣ 1861 года. Но этотъ союзъ, котораго домогались всѣ загребскіе сеймы, еще и до сихъ поръ не осуществился. Съ одной стороны королевскій намѣстникъ въ Задрѣ (Zara) считается намѣстникомъ хорватскаго бана; съ другой—Далмація имѣетъ свой сеймъ и посылаетъ представителей въ вѣнскій парламентъ. Впрочемъ видно, что австрійское правительство теперь всего менѣе желаетъ уступить Далмацію Тріединому королевству; это значило бы отдать мадьярамъ все приморье и Адріатическое море. Съ другой стороны — Хорватія и Славонія теряютъ много изъ своихъ земель чрезъ учрежденіе военной гра-

ницы, гдѣ находится 700.000 хорватовъ, подчиненныхъ военному управленію, которое гораздо строже нашего. Хорватія постоянно имѣетъ виды на эту землю. Военная граница, въ свое время, была полезна, когда турки угрожали Пешту и Вѣнѣ, но теперь нечего опасаться умирающей Турціи.— „Граница," вопреки всѣмъ протестамъ и напоминаніямъ съ хорватской стороны, еще и до сихъ поръ существуетъ, именно пототу, что вѣнское министерство не такъ-то легко выпуститъ изъ своихъ рукъ этотъ родной край, имъ созданный. Тѣмъ не менѣе единство Тріединаго королевства все-таки существуетъ, и далматы и граничары смотрятъ на Загребъ, какъ на свой истинный, главный городъ. У этого города нельзя отнять важнаго значенія; это городъ, который управляетъ двумя миліонами людей безъ всякихъ политическихъ насилій; это городъ, котораго первенство признаютъ всѣ юго-славяне. Въ группѣ королевствъ, составляющихъ австрійское государство, Загребъ играетъ большую роль, нежели Штутгардъ или Дрезденъ въ прежнемъ нѣмецкомъ союзѣ. Хорватское королевство—не простое канцелярское названіе: съ VII по XII столѣтіе оно пользовалось независимымъ положеніемъ, и послѣ уже присоединилось къ Венгріи, но только персонально, какъ напр. Люксембургъ соединился съ Голландіею. Оно съ своимъ сеймомъ всегда составляло рѣшающую сторону въ дѣлахъ, въ которыхъ и Венгрія имѣла свой голосъ. Хорватскій сеймъ, въ 1527 г., избралъ королемъ Фердинанда изъ Габсбургскаго дома; въ 1712 г. онъ призналъ прагматическую санкцію, прежде нежели признала ее Венгрія. Всѣ грамоты, которыя составляютъ хорватскій „corpus juris publici" подтверждаютъ такую независимость: хорватское королевство во главѣ своей имѣло бана, высшаго сановника въ королевствѣ, въ родѣ вице-короля, жившаго въ Загребѣ, пользовавшагося величайшей властію и имѣвшаго право созывать сеймъ. Банъ могъ быть избираемъ только высшимъ дворянскимъ сословіемъ королевства. Хорватія имѣла свое знамя и свою печать, и когда было нужно, то посылала депутатовъ въ Вѣну ad hoc. До революціи 1848 г., мадьяры мечтали о великомъ венгерскомъ королевствѣ и многими своими дѣйствіями обнаружили, что они хотятъ Хорватію уничтожить и поглотить въ своемъ государствѣ. Вотъ причины, по которымъ хорватскій сеймъ 1848 г. объявилъ независимость страны и Елачичь, будучи единогласно избранъ въ баны, перешелъ Дра-

ву.. Остальное извѣстно. Когда революція была усмирена, побѣдоносная реакція оставила и мадьяръ и хорватовъ. Послѣ Садовой, мадьяры добыли себѣ самостоятельность, но опытъ ничему ихъ не научилъ. Въ соглашеніи съ вѣнскимъ кабинетомъ, они хотятъ и рѣшительно требуютъ, чтобы хорваты отреклись отъ своей самостоятельности. Мадьяры забываютъ, что между 14 миліонами, принадлежащими венгерскому королевству, они составляютъ едва—едва 5 миліоновъ. Они и не воображаютъ, что имѣютъ дѣло съ такимъ оживленнымъ народомъ, который стоялъ крѣпкою христіанскою стѣною противъ турокъ....“

(Варш. Дн.)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ М. ВАСИЛИШКАХЪ 23 МАРТА.

I.

Было чудное весеннее утро. Солнце во всемъ своемъ блескѣ одно царило на лазури неба. Въ воздухѣ вѣяло и свѣжестью, и миромъ. На крошечномъ уголкѣ необъятной Руси, на 30-ти-верстномъ разстояніи между Лидою и мѣстечкомъ Василишками, русскій путешественникъ, стремившійся къ этому мѣстечку въ это утро, мысленно благодарилъ это солнце, сіявшее надъ нимъ за его яркій блескъ, ибо и этотъ блескъ, и эти теплотворные лучи, и эта чистая лазурь, и этотъ миръ, и эта свѣжесть, разносившіе по воздуху прелесть чего-то благодатнаго, все это общее достояніе цѣлаго міра казались ему въ эти минуты его собственностью, казались ему улыбкою привѣта Неба, говорившаго русскому страннику «добрый путь», таинственнымъ, но полнымъ отвѣтомъ на то, что душа его испытывала, мыслила и съ волненіемъ ожидала.—По дорогѣ отъ времени до времени встрѣчался онъ то съ вереницею незамысловатыхъ крестьянскихъ повозокъ, у которыхъ лошади послѣднія сбирали силенки, чтобы поспѣть во время въ Василишки, то съ цѣлыми семьями крестьянъ пѣшеходовъ; и у крестьянина изъ за бѣлаго полушубка выглядывавшій чистый во-

ротникъ бѣлой рубахи, и у крестьянки платочекъ на головѣ и новое платье показывали, что нарядившись они спѣшили на праздникъ.

На какой праздникъ шли и ѣхали въ это утро крестьяне этихъ мѣстъ и пишущій эти строки, русскій путешественникъ? На освященіе православной церкви въ мѣстечкѣ Василишкахъ.

«Много ужъ поѣхало туда, сказалъ съ веселымъ видомъ *русскій* смотритель, проѣзжему на послѣдней станціи: »вчера губернаторъ виленскій, третьяго дня преосвященный Іосифъ съ своею свитою; проѣдетъ, говорятъ, и попечитель учебнаго округа—видно большое будетъ торжество»". Отчего же подчеркиваемъ мы слово русскій, говоря о станціонномъ смотрителѣ? Оттого, что прежде бывалъ здѣсь и не русскій, про проѣздъ преосвященнаго не только не говорившій весело и почтительно, но замедлявшій этотъ проѣздъ увѣреніемъ, что нѣтъ лошадей.

Но вотъ увидѣли мы издали большое селеніе; невольно взоръ, вглядываясь въ картину раскинутыхъ домиковъ, жадно искалъ то зданіе, которое его воображенье, не зная исторической тайны каждой здѣшней мѣстности, рисовало себѣ, еще задолго до свиданья, въ томъ видѣ, въ какомъ оно съ ранняго дѣтства привыкло представлять православную церковь на Руси. Но тамъ, не отыскивалъ взоръ ни высокаго строенія, ни зеленой крыши колокольни, ни блестящихъ куполовъ; что-то сѣрое выдѣлялось вдали, и на вопросъ чувства «это ли русская церковь», мысль шептала въ отвѣтъ: «нѣтъ, это костелъ».

Около 10-ти часовъ утра подъѣхали мы къ мѣстечку Василишкамъ. «Начался ужъ благовѣстъ» сказали намъ, «преосвященный скоро пойдетъ въ церковь». Мы прислушались, и дѣйствительно скромный звукъ роднаго благовѣста, ударъ за ударомъ, звалъ въ церковь на великое торжество ея освященія.

Сквозь множество телѣгъ и несмѣтныя толпы крестьянъ пробрались мы до этой церкви. На площади, въ оградѣ, увидѣли мы каменный костелъ, довольно большой; снаружи не прикоснулась къ нему рука новаго зодчаго; вблизи былъ большой домъ, домъ ксендза когда-то, есть 6-ть лѣтъ назадъ, а теперь домъ

молодаго русскаго священника,—откуда народъ ожидалъ выхода въ церковь православнаго архіерея. Въ ожиданіи шествія, мы заговорились на площади о прошедшемъ этого храма. Онъ простоялъ закрытымъ съ 1863 года—5 лѣтъ, потомъ, когда рѣшено было его обратить въ православную церковь, стараніями предсѣдателя лидскаго мироваго съѣзда Островидова и мировыхъ посредниковъ того же уѣзда, внутренность этого костела была настолько передѣлана, чтобы служить храмомъ православной молитвы для окрестныхъ селеній въ особенности, такъ какъ мѣстное населеніе Василищекъ было католическое.

Костелъ этотъ былъ дорогъ для мѣстной польской шляхты, но увы, не потому, что онъ былъ жилищемъ Бога мира и любви, но потому, что здѣсь въ 1863 году собрались инсургенты подъ сѣнь алтаря, и, пріемля въ руки кинжалы и ружья, съ проклятіями ненависти къ русскимъ и молитвами къ Богу приносили обѣтъ служенія жонду и, на призывъ Нарбута исполнивши долгъ клятвопреступленія, бѣжали изъ церкви въ лѣсъ стать подъ знамена этой ужасной шайки и этого ужаснаго имени ея полководца. Подобало ли такому храму быть святыней въ долготу дней, пусть рѣшитъ совѣсть каждаго, кому дорого видѣть въ церкви, какой бы націи и вѣры она ни была, мирный пріютъ любвеобильной молитвы? Но тѣхъ, у которыхъ кромѣ совѣсти, кромѣ яснаго сознанія справедливости или несправедливости, есть еще одно чувство, въ видѣ постоянной заботы что скажутъ про то французскія газеты, мы поспѣшимъ успокоить тѣмъ, что католическое населеніе, лишившись этого храма потому, чтобы не имѣть повода связывать съ нимъ фанатизирующее воспоминаніе свѣжаго преданія безумнаго подвига, имѣетъ вблизи этого мѣстечка достаточное количество костеловъ для молитвы, до которыхъ ему доходить несравненно меньше надо времени, чѣмъ до нынѣшняго дня православному на то, чтобы изъ разныхъ селъ стекаться въ одну церковь.

Таково было значеніе нѣнышняго торжества въ этомъ мѣстечкѣ. Оно было радостнымъ событіемъ для множества русскихъ крестьянъ, разбросанныхъ по деревнямъ на разстояніи 20 и болѣе верстъ,

но въ тоже время ненавистнымъ для разбросанныхъ по мѣстечку шляхтичей, изъ которыхъ, какъ мы узнали, немало еще наканунѣ покинули свои жилища и отправились прожить эти дни гдѣ нибудь въ отдаленіи.

Въ 10 часовъ епископъ ковенскій Іосифъ вступилъ въ храмъ; послѣ облаченія, соборнѣ съ 10-ю священниками, приступилъ къ освященію престола, алтаря и церкви. На правомъ и лѣвомъ клиросахъ стояли хоры пѣвчихъ; на лѣвомъ изъ однихъ крестьянскихъ мальчиковъ, пѣвшихъ подъ управленіемъ своего учителя въ два голоса; на правомъ стройный и прекрасно составленный хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ нѣсколькихъ училищъ, подъ руководствомъ мироваго посредника, князя Трубецкаго. Въ составѣ этого хора всѣ мальчики—католики: родители отдали ихъ на попеченіе посреднику для этого дѣла съ любовію, и приходятъ въ церковь слушать пѣніе дѣтей своихъ. И есть что слушать: безъ преувеличенія мы должны сказать, что вполнѣ наслаждались каждымъ аккордомъ этого маленькаго хора, начиная отъ «Господи помилуй» и кончая весьма нелегкимъ прелестнымъ концертомъ «Тебѣ поемъ», Дамаскина. Церковь полна была народа; при осмотрѣ ея мы убѣдились, что въ ея передѣлкѣ сдѣлано было только крайне необходимое: такъ сохранено было положеніе алтаря, оставлены были лѣпныя украшенія; лишь скромный иконостасъ означалъ, что храмъ этотъ былъ нашъ родной.

Но несмотря на всю скромную и даже бѣдную обстановку этого храма, торжество, коего мы были свидѣтелями богато и очень богато было чудными минутами. Каждая изъ такихъ минутъ была ощущеніемъ глубоко умилительнаго впечатлѣнія: описывать его трудно, ибо оно изъ тѣхъ, которыя наполняя душу впечатляютъ, столько же своею новизною, сколько таинственною своею внутреннею прелестью, врѣзываютъ въ нее слѣдъ, призванный къ жизни, пока есть жизнь. Таково было впечатлѣніе, съ которымъ мы смотрѣли на старика крестьянина, стоявшаго съ молитвенникомъ въ рукѣ и жадно слѣдившаго за каждымъ звукомъ богослуженія; таково было впечатлѣніе, когда кругомъ насъ мы слышали, какъ внятно и громко каждый изъ молодыхъ крестьянъ повторялъ въ

слѣдъ епископу, или діакону или хору, слова главнѣйшихъ молитвъ во время литургіи; таково было впечатлѣніе, когда въ минуты выхода епископа для причащенія святыхъ таинъ, столько лицъ просіяло, столько крестьянъ и крестьянокъ съ такимъ восторженнымъ порывомъ устремились къ амвону, и когда столько голосовъ повторяли вслѣдъ за архипастыремъ «вѣрую, Господи, и исповѣдую». Такъ и виднѣлось на лицахъ глядѣвшихъ на нихъ—отцевъ, братьевъ, матерей—что дождались они подъ сѣнью этого храма того, чего такъ долго ожидали—утѣшенія и радости отъ своей вѣры. Таково было впечатлѣніе, когда передъ началомъ обѣдни, крестный ходъ совершался кругомъ этого храма при благоговѣйномъ молчаніи сотень народа и чудномъ пѣніи обоихъ хоровъ крестьянскихъ мальчиковъ. Таково, наконецъ, было впечатлѣніе всякій разъ, когда при взглядѣ на это торжественное служеніе, соединившее у подножія епископскаго сѣдалища столькихъ священниковъ, отдѣлныхъ бойцовъ, каждый въ своемъ приходѣ, не за вѣру одну, но за русскую народность, мысль вспоминала ихъ недавнія тяжелыя скорби и сравнивала ихъ съ чувствами, съ которыми они молились соборомъ сегодня. По радости на лицахъ они казались братьями и тѣхъ народныхъ учителей, стоявшихъ въ главѣ своихъ хоровъ и своихъ собранныхъ учениковъ, и тѣхъ мировыхъ посредниковъ, доблестныхъ дѣятелей земли русской, которые на это торжество церкви могли смотрѣть, какъ на дѣло имъ родное, на дѣло, коего и они были бойцы и сподвижники!

По окончаніи литургіи преосвященный Іосифъ, окруженный духовенствомъ, вышелъ на амвонъ и голосомъ, гдѣ слышалось вдохновеніе, испытываемое каждымъ изъ стоявшихъ въ храмѣ, онъ обратился къ народу съ словами проповѣди, простой, но прекрасной простотою и глубокой чувствами.

Затѣмъ совершено было благодарственное молебствіе, къ коему присоединилось еще нѣсколько успѣвшихъ прибыть священниковъ, заключенное торжественнымъ многолѣтіемъ за возлюбленнаго Государя: вся церковь, то есть хоръ всѣхъ молившихся пѣлъ въ отвѣтъ возгласу діакона, многія лѣта; затѣмъ провозглашены были

тѣже молитвы о Государынѣ Императрицѣ, Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, Цесаревнѣ и ихъ Сынѣ, о святѣйшемъ синодѣ, архіепископѣ Макаріѣ и епископѣ Іосифѣ, о всемъ христолюбивомъ россійскомъ воинствѣ, о благовѣрномъ синклитѣ и всѣхъ начальникахъ, о споспѣшествовавшихъ строителяхъ храма сего, и о всѣхъ православныхъ христіанахъ.

По окончаніи молебствія, преосвященный раздавалъ въ церкви народу молитвенники, иконы и кресты. Затѣмъ въ сопровожденіи виленскаго губернатора, попечителя учебнаго округа, духовенства, мировыхъ посредниковъ и толпы народа и предшествуемый двумя хорами пѣвчихъ, оглашавшихъ воздухъ молитвеннымъ пѣніемъ во все время шествія, епископъ вышелъ изъ храма и отправился на большую площадь передъ церковью, гдѣ стояли мѣстныя войска, тысячи крестьянъ, тысячи евреевъ, и посреди которой на столахъ приготовлены были вино и закуски для солдатъ и для народа.

Замолкли звуки колокольнаго трезвона, замолкло молитвенное пѣніе, замолкли всѣ голоса; губернаторъ подалъ епископу чарку вина, другую взялъ въ руку и, обратившись къ народу, громкимъ голосомъ, разносившимъ каждое слово по всей площади, привѣтствовалъ его отъ русскаго теплаго сердца, слѣдующими словами: «поздравляю васъ, ребята, съ новою церковью; враги ваши, въ безуміи своей ненависти, когда-то дерзали называть вашу вѣру хлопскою вѣрою. Вѣра эта добрая, русская вѣра! она учитъ не ненависти, а любви, она учитъ прощать обиды и протягивать руку всякому иновѣрцу, но съ однимъ условіемъ, чтобы тотъ, кому протянете вы руку, былъ бы вѣрнымъ, а не лицемѣрнымъ сыномъ нашей святой Руси и нашего возлюбленнаго Царя.

Вѣра эта царская вѣра, вѣра Того, Кто изъ любви къ вамъ осчастливилъ васъ столькими великими благодѣяніями и милостями, далъ вамъ свободу и самое слово хлопъ навѣки вычеркнулъ изъ жизни русскаго народа! За здоровье возлюбленнаго нашего Царя и славу Россіи! «ура!»

Пока эти слова одно за другимъ разлетались по воздуху, мы видѣли, какъ многіе изъ крестьянъ стариковъ, изъ крестьянъ мальчиковъ вытирали на глазахъ своихъ слезы; когда послѣднее

слово «ура» раздалось, и вмѣстѣ съ губернаторомъ поднялъ чарку вверхъ преосвященный, мы услышали какъ изъ тысячи грудей, изъ тысячи устъ вырвались крики ура, послѣ которыхъ оба хора пѣвчихъ три раза пропѣли «Боже, Царя храни.»

Такъ кончился праздникъ церкви и народа въ мѣстечкѣ Василишкахъ. Солнце продолжало разливать свой яркій блескъ и свое свѣтлое веселье. Многіе взглянули еще разъ на церковь, вчера бывшую костеломъ и подумали: и такъ русская сила навсегда тебя сдѣлала храмомъ своей вѣры, но сдѣлала не потому, что вѣра католическая въ здѣшнемъ мѣстечкѣ была слабѣе ея, нѣтъ! но потому, чтобы отъ сего дня и во вѣки, никто изъ сыновъ твоихъ не могъ съ именемъ Христа связывать въ мысляхъ позорное воспоминаніе крамолы, ненависти и злодѣйства измѣны.

Кн. Владиміръ Мещерскій.

2.

ОСВЯЩЕНІЕ ВЕРЕЙКОВСКАГО КОСТЕЛА ВЪ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ.

Преосвященный Игнатій епископъ Брестскій, викарій Литовской епархіи въ представленіи отъ 25 августа 1868 г. за № 419, донесъ его высокопреосвященству, что, вслѣдствіе ходатайства верейковскаго приходскаго попечительства Волковыскаго уѣзда о разрѣшеніи на освященіе архіерейскимъ священнодѣйствіемъ, передѣланной изъ закрытаго каменнаго костела приходской верейковской церкви, резолюціею его высокопреосвященства отъ 6 мая 1868 г. за № 621, записанной на представленіи его преосвященства отъ 1-го того же мая за № 267, послѣдовало архипастырское соизволеніе на освященіе. По полученіи увѣдомленія о томъ, что все уже готово къ освященію сей церкви, и что торжественное освященіе ея имѣетъ совершиться въ воскресный день 18-го августа, его преосвященство прибылъ наканунѣ сего дня, въ Верейки ко времени всенощнаго богослуженія и къ встрѣчѣ совершаемаго изъ г. Волковыска крестнаго хода съ Всемилостивѣйше пожалованною для верейковской церкви богатою иконою Спасителя. Въ слѣ-

дующій воскресный день послѣ ранней обѣдни въ прежней кузмицкой церкви и собранія народа съ крестнымъ ходомъ стекавшагося изъ сосѣднихъ приходовъ, за совершеніемъ водосвятнаго молебна, послѣдовало торжественное его преосвященствомъ освященіе церкви, и за симъ Божественная литургія, въ сослуженіи 6-ти священниковъ и 4-хъ діаконовъ, въ концѣ которой произнесено было священникомъ зельванской церкви Августомъ Куцевичемъ приличное случаю назидательное поученіе, напечатанное въ 22 № Епар. Лит. Вѣд. за 1868 г. Такъ совершилось давно ожидаемое торжество освященія верейковской церкви, въ присутствіи г. гродненскаго губернатора князя Кропоткина, губернскаго предводителя дворянства, многихъ чиновниковъ изъ Гродна и Волковыска, и при стеченіи множества народа изъ мѣстнаго и окрестныхъ приходовъ собравшагося, которому въ ознаменованіе сего радостнаго и достопамятнаго событія, раздаваемы были металлическіе крестики, такіе же образочки св. виленскихъ мучениковъ и разныя священныя изображенія на бумагѣ, а къ вечеру роздана была, назначенная по завѣщанію владѣльца, для бѣдныхъ православнаго исповѣданія денежная милостыня, въ количествѣ 600 руб. серебромъ 1).

(Лит. Еп. Вѣд.)

ПРАЗДНОВАНІЕ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ ПАМЯТИ СВ. КИРИЛЛА ВЪ МОСКВѢ.

Москва, которую представители славянъ на московскомъ съѣздѣ 1867 года именовали столицею славянства, 14 февраля почтила тысячелѣтнюю память св. Кирилла, просвѣтителя славянскаго—торжествомъ церковнымъ, благотворительнымъ, художественнымъ. Это празднованіе было скромно, но полно смысла и значенія: идея самобытности православно-славянской жизни такъ ясно предносилась общественному сознанію и распространяла отъ себя такой руководительный смыслъ, что каждый сознавалъ и чувствовалъ, что празднованіе это—не праздное дѣло.

---

1) Смот. Лит. Еп. вѣд. 22 № 1868 г.

Въ Чудовѣ монастырѣ 14 февраля Божественная литургія совершена была преосвященнымъ Игнатіемъ, епископомъ можайскимъ. Въ приходскихъ церквахъ столицы богослуженіе въ этотъ день большею частію отправлено праздничное. Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ также совершена была литургія съ молебствіемъ св. Кириллу.

Особенно торжественно праздновалъ тысячелѣтнюю годовщину памяти славянскаго первоучителя московскій университетъ. Въ университетской церкви литургію и молебствіе отправлялъ преосвященный Леонидъ, епископъ дмитровскій. Кромѣ членовъ университета и славянскаго комитета, здѣсь присутствовали студенты университета и воспитанники VII класса всѣхъ московскихъ гимназій.

Мы предлагаемъ вниманію читателей *Православнаго Обозрѣнія* три *Слова*, произнесенныя членами московскаго духовенства 14 февраля на тысячелѣтнюю память св. Кирилла. Не обинуясь можемъ сказать, что дѣло просвѣтителей и первонаставниковъ славянства въ этихъ *словахъ* сознано глубоко и твердо, и въ силу этого живаго сознанія — устами проповѣдниковъ православія высказаны такія теплыя и назидательныя благожеланія, къ которымъ православные русскіе люди едва ли должны оставаться равнодушными.*

Послѣ литургіи въ университетской церкви, происходило открытое собраніе *Славянскаго благотворительнаго комитета* въ старомъ зданіи университета, въ читальной залѣ библіотеки. Предсѣдатель комитета М. П. Погодинъ произнесъ рѣчь, въ которой поставилъ на видъ обширное и плодотворное значеніе того благодѣянія, какое оказали св. братья Кириллъ и Меѳодій всему славянскому міру введеніемъ православнаго богослуженія на родномъ языкѣ. Считаемъ нелишнимъ познакомить нашихъ читателей съ этою, дышавшею искренностью, рѣчью знатока славянской исторіи.

Говоря о значеніи для народной жизни богослуженія на родномъ языкѣ, М. П. Погодинъ привелъ правдивый отзывъ извѣстнаго историка Шлецера, который, въ заключеніе своихъ изслѣдо-

ваній о трудахъ свв. Кирилла и Меѳодія, привѣтствовалъ свв. братьевъ, какъ безсмертныхъ изобрѣтателей славянской грамоты и такъ объяснялъ дѣло славянскихъ просвѣтителей: «Римскій проповѣдникъ говорилъ *вѣрь своему священнику;* греческій, то-есть славянскій, говоритъ: *вѣрь Слову Божію, возвѣщаемому тебѣ твоимъ священникомъ; но точно ли его онъ возвѣщаетъ, смотри самъ, вотъ онò на твоемъ языкѣ.* Этого мало: переводъ свой начинаютъ Кириллъ и Меѳодій Новымъ завѣтомъ, содержащимъ въ себѣ такое только нравоученіе и исторію, которыя понятны для всякаго мыслящаго человѣка при первомъ его выходѣ изъ грубаго состоянія. Изъ Ветхаго же завѣта выдаютъ они на первой разъ только Псалтырь, книгу полезную для возбужденія благоговѣнія народнаго. Дальше Шлецеръ объясняетъ, каково было положеніе всего Запада въ отношеніи къ принятому христіанству, сравнительно съ міромъ славянскимъ. «Вы понимаете», говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ читателямъ, «что должны были учители религіи, учители народа или священники наставлять грубыхъ невѣждъ, исправлять порочныхъ, утѣшать больныхъ, пріуготовлять умирающихъ; нѣтъ, эти римско-католическіе священники не могутъ говорить съ ними, даже наружные обряды религіи должны отправлять на языкѣ непонятномъ для народа! Не возмущаетъ ли это человѣческаго разсудка? Однако это стерпѣлъ тупой нѣмецъ, германскій вендъ, полякъ, датчанинъ, шведъ; но не моравскій, богемскій и паннонскій славянинъ» прибавимъ: болгарскій, сербскій, русскій,—замѣтилъ предсѣдатель,—продолжалъ: Богослуженіе на родномъ общевразумительномъ языкѣ есть краеугольный камень нашего нравственнаго состоянія, залогъ нашего будущаго развитія и преуспѣянія, и вмѣстѣ условіе до сихъ поръ нашего политическаго значенія. Если русскій народъ не совершенно загрубѣлъ, одичалъ, не лишился человѣческаго образа ни вслѣдствіе двух-сотлѣтнихъ княжескихъ междуусобій, ни вслѣдствіе почти трехсотлѣтняго монгольскаго ига, ни вслѣдствіе многихъ враждебныхъ событій, если не погасла въ насъ, несмотря на какія бури и вихри, внѣшніе и внутренніе, искра святаго огня, способная въ счастливое время воспылать, пролить свѣтъ и теплоту

хоту на пространства неизмѣримыя, то этимъ счастіемъ обязаны мы богослуженію на родномъ языкѣ, учрежденному Свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Нѣтъ цѣны, нѣтъ мѣры, нѣтъ вѣсу для этого ихъ вѣковѣчнаго благодѣянія, Здѣсь все нравственное, сердечное, умственное до сихъ поръ сокровище русскаго народа — говорю о большинствѣ.—«*Господи помилуй*» «*Отче нашъ*»,—вотъ гдѣ вся его мудрость, вотъ гдѣ его насущный благодатный хлѣбъ, которымъ онъ тысячу лѣтъ питается изъ рукъ Свв. Кирилла и Меѳодія, и который спасаетъ отъ голодной смерти его тѣло и его душу. Здѣсь вся его теологія, философія, мораль, поэзія, медицина.» Обращаясь къ важнѣйшимъ событіямъ русской исторіи въ цѣломъ ея ходѣ, предсѣдатель сказалъ, что «между этими великими событіями богослуженіе на своемъ языкѣ занимаетъ первое мѣсто, рядомъ со введеніемъ христіанской вѣры при Св. Владимірѣ, — относительно благодѣтельнаго дѣйствія на совокупность всего русскаго народа, въ продолженіе истекшаго тысячелѣтія.... А несчастные болгары и несчастные сербы, стонущіе вѣка подъ игомъ варваровъ? Чѣмъ поддерживается ихъ убогая жизнь, чѣмъ питаются ихъ надежды, чѣмъ облегчается ихъ несносное бремя? Славянскимъ Кирилловскимъ богослуженіемъ, кромѣ котораго у нихъ нѣтъ уже совершенно ничего. Говоря о будущности славянства, г. Погодинъ выразилъ увѣренность, что Кириллъ и Меѳодій—первые и до сихъ поръ послѣдніе истинные панслависты—должны быть символомъ общаго обновленія. Славянскій церковный языкъ, языкъ Священнаго Писанія, ихъ наслѣдіе, долженъ сдѣлаться средоточіемъ связей всѣхъ славянскихъ племенъ, основаніемъ ихъ единства, условіемъ ихъ своеобразнаго развитія, средствомъ возбужденія къ новой жизни... При началѣ славянской исторіи, по какому то таинственному предопредѣленію, однѣмъ и тѣмъ же рукамъ досталось разсыпать однѣ и тѣ же святыя сѣмена по всѣмъ странамъ славянскимъ. О если бы теперь, исполняющемуся тысячелѣтію, эти сѣмена, прозябшія въ продолженіе многихъ вѣковъ, въ родной почвѣ, дали свой плодъ, еслибъ вездѣ раздались вѣщіе звуки, и встрепенулось одинаково сердце у всѣхъ разноименныхъ братьевъ! О если бы возродились они всѣ въ единомъ

любовномъ чувствѣ, и сознали себя единымъ родственнымъ семействомъ, единымъ народомъ! Вотъ была бы достойная награда нашимъ безсмертнымъ учителямъ, вотъ на что бы они откликнулись, кажется, съ высокаго неба, и низпослали бы намъ долу отеческое благословеніе.» Помянувъ слезами сочувствія и признательности славянскихъ и русскихъ ревнителей общеславянскаго единства, не имѣвшихъ утѣшенія видѣть исполненія своихъ надеждъ, председатель комитета заключилъ свою рѣчь приглашеніемъ — молиться молитвами Свв. Кирилла и Меѳодія, молиться едиными усты и единымъ сердцемъ, да будетъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ—*нравственно и духовно*—едино стадо и единъ Пастырь.

После рѣчи председателя, секретарь славянскаго комитета, Н. А. Поповъ предложилъ вниманію собранія обозрѣніе благотворительной дѣятельности комитета. Свято чтя высокій примѣръ первыхъ просвѣтителей славянъ, московскій славянскій комитетъ, существующій 11 лѣтъ, имѣлъ своею задачею: поддерживать православіе между угнетенными славянскими племенами Балканскаго полуострова, содѣйствовать ихъ духовному пробужденію и развитію воспитаніемъ молодыхъ болгаръ и сербовъ въ русскихъ среднихъ и высшихъ училищахъ, снабжать православныя церкви на Востокѣ предметами богослуженія, а народныя школы—матеріальными и учебными пособіями, поддерживать недостаточную молодежь учащуюся въ галицкихъ и угорскихъ русскихъ школахъ и въ вѣнскомъ университетѣ, снабжать ученыя общества, общественныя библіотеки и народныя школы во всѣхъ славянскихъ земляхъ сочиненіями русскихъ писателей и русскими учебниками, помогать тѣмъ изъ западныхъ и южныхъ славянъ, которые заботятся о распространеніи русскаго языка между своими соотечественниками, и наконецъ отзываться на всякое предпріятіе, въ какой бы славянской землѣ оно ни возникло, лишь бы оно носило на себѣ характеръ общеполезнаго для всего славянства дѣла. Подробныя свѣдѣнія о дѣятельности славянскаго комитета желающіе могутъ найти въ самомъ отчетѣ, напечатанномъ въ *Моск. Вѣд.* (№ 39). Не можемъ не помянуть также о дѣятельности *петербургскаго от-*

дѣла славянскаго комитета. Петербургскіе благотворители также имѣли своихъ стипендіатовъ въ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ, давали единовременное пособіе нуждавшимся славянамъ и посылали книги въ славянскія земли. Къ числу самостоятельныхъ предпріятій петербургскаго отдѣла должно отнести, между прочимъ, собираніе пожертвованій на сооруженіе иконы свв. Кирилла и Меѳодія, которая въ настоящее время уже отправлена въ Велеградъ, гдѣ впервые раздалась проповѣдь славянскихъ просвѣтителей среди моравскаго народа. Наконецъ, въ ознаменованіе тысячелѣтней памяти св. Кирилла, петербургскій отдѣлъ положилъ учредить, и 14-го февраля 1869 года объявить, премію подъ именемъ *Кирилловской*, на которую назначается 500 р., съ раздѣленіемъ на двѣ премія въ 300 р. и 200 р. Темою для сочиненія, срокъ представленія котораго 1 октября 1870 г., положено назначить: «Историческій разсказъ о первыхъ трехъ попыткахъ государственнаго объединенія западныхъ славянъ (850—1025 гг.): Великая Моравія при Ростиславѣ и Святополкѣ, Чехія при Болеславѣ I и II и Польша при Болеславѣ Храбромъ». При этомъ должно быть обращено вниманіе на значеніе проповѣди вселенскаго христіанства между западными славянами Кирилломъ и Меѳодіемъ и переворота въ пользу латинской церкви, произведеннаго проповѣдническою дѣятельностью Войтѣха Пражскаго.

Собраніе московскаго комитета заключилось заявленіями разныхъ лицъ, сочувственно соотвѣтствовавшими значенію дня. Прочитаны были письма въ комитетъ; 1) члена, директора московскихъ публичныхъ музеевъ *В. А. Дашкова*, который извѣщалъ, что въ память славянскихъ первоучителей Свв. Кирилла и Меѳодія будетъ устроена при музеѣ церковь въ стилѣ X вѣка во имя сихъ святыхъ, съ придѣломъ во имя Равноапостольнаго князя Св. Владиміра, 2) члена *И. И. Четверикова*, извѣщавшаго, что ко дню тысячелѣтней памяти о Св. Кириллѣ онъ приноситъ отъ имени московскихъ гражданъ для боснійскихъ и герцеговинскихъ церквей восемь полныхъ облаченій, церковные сосуды и книги, а также четыре иконы въ кіотахъ и драгоцѣнныхъ ризахъ для часовни устроиваемой въ Бѣлградѣ въ память о убіенномъ князѣ

Михаилѣ III; 3) члена *Н. М. Аласина* съ просьбой переслать, на память о семъ днѣ, въ Славянскую Бесѣду въ Вѣнѣ альбомъ видовъ Кремля и окрестностей Москвы; 4) *г. Микуцкаго*—о необходимости ввести кириллицу въ письменность литвы, латышей и мазуровъ.

По окончаніи засѣданія присутствовавшіе долго разсматривали пожертвованныя въ славянскія земли отъ московскихъ гражданъ церковныя вещи, которыя были выставлены въ самой залѣ засѣданія.

Вечеромъ, въ большой залѣ дворянскаго собранія, хоромъ синодальныхъ пѣвчихъ исполненъ былъ духовный концертъ, устроенный славянскимъ комитетомъ въ пользу славянъ. Хоръ, въ полномъ составѣ, отчетливо исполнилъ нѣсколько молитвъ и псалмовъ православнаго богослуженія, положенныхъ для пѣнія извѣстными сочинителями—Бортнянскимъ, Львовымъ, Ламакинымъ и Турчаниновымъ. Впечатлѣніе, испытанное слушателями, принадлежавшими къ разнообразнымъ классамъ общества, вполнѣ отвѣчало священному характеру дня.

Славянскій комитетъ, 14 февраля и въ послѣдующіе дни, получилъ нѣсколько привѣтственныхъ телеграммъ—изъ Рязани отъ духовной семинаріи, отъ жителей Кронштадта, изъ Вильны и др. мѣстъ. Приводимъ послѣднюю телеграмму, присланную на имя предсѣдателя комитета:

«Послѣ божественной литургіи и молебна Святому Кириллу о благоденствіи славянъ, всѣ виленскія ученыя и учебныя заведенія, духовныя и свѣтскія просятъ васъ передать Славянскому комитету сердечный привѣтъ и поздравленіе со всеславянскимъ торжествомъ тысячелѣтней памяти перваго просвѣтителя славянъ.

Епископъ Іосифъ. Попечитель Батюшковъ.»

Отъ славянскаго комитета было послано нѣсколько телеграммъ въ разныя славянскія земли.

СЛОВО

въ день тысячелѣтія памяти Св. Кирилла, первоучителя славянъ, сказанное въ церкви московскаго университета профессоромъ богословія, протоіереемъ Н. А. Сергіевскимъ.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Евр. XIII 7.

Сія апостольская заповѣдь о достойномъ воспоминаніи св. наставниковъ напоминаетъ мнѣ нынѣ еще другое апостольское внушеніе, что и св. наставники не всѣ равны въ своемъ достоинствѣ; и слѣдственно воспоминаніе или *память* о нихъ, память отъ памяти, какъ наставникъ отъ наставника, праведно разнствуютъ въ силѣ и славѣ. *Аще и многи имате пѣстуны о Христѣ*, внушаетъ апостолъ Павелъ коринѳскимъ христіанамъ, *но не многи отцы: о Христѣ бо Іисусѣ благовѣтствованіемъ азъ вы родихъ* (I Кор. IV, 15).

И у насъ нынѣ день *памяти наставника нашего о Христѣ*, не изъ числа многихъ, но наставника отца, какихъ немного, перваго отъ двухъ равноапостольныхъ *отцевъ*, *благовѣствованіемъ Христовымъ родившимъ* древле родъ нашъ.

Притомъ настоящій день имѣетъ еще ту знаменательность, что есть день тысячелѣтія сей святой и священнѣйшей отчей памяти.

И такъ, общая заповѣдь о почитаніи памяти христіанскихъ наставниковъ на *сей святъ день* какъ бы преднаписуется намъ въ нѣкоторомъ особенномъ образѣ и съ особенною силою.

Поминайте наставники ваша, тѣмъ паче—первонаставники ваша. Начало заповѣди, кажется, не трудно къ исполненію; и мы уже близь сего исполненія, совершая съ особенною еще торжественностію память богомудраго отца нашего Кирилла. Однако признаемъ со смиреніемъ, что и этого легкаго начала святой заповѣди исполнителями мы являемся съ очень недавняго времени.

въ отношеніи къ нашимъ великимъ первоучителямъ. Возблагодаримъ вѣчно-бодрствующій надъ нами промыслъ, хотя внѣшними знаменіями временъ и лѣтъ возбудившій и возбуждающій въ насъ священную для насъ память, внутренно-было забытую *на болѣе времена*. Что если бы настоящій благознаменитый день св. Кирилла застигъ насъ *яко тать въ нощи!*...

Сей день—великъ день для всего рода славянскаго, и достойно торжествуется всѣми отраслями его, сознающими свое всеславянское естественное братство и въ святомъ имени Кирилла всеславянское духовное отчество!

Впрочемъ и то мы говоримъ не безъ смиренія. Ибо мы знаемъ что не всѣ отрасли нашего рода остались вѣрны вѣрѣ своего св. отца; ибо мы знаемъ, что среди нѣкоторыхъ изъ нихъ великая память славится иначе, не въ истинномъ ея духѣ. Но сіи мысли да не въ конецъ смущаютъ наше всеродное торжество отчей памяти! *нѣсть ученикъ надъ учителемъ*, и апостолъ и равноапостолъ надъ Христомъ Господомъ. О немъ самомъ Св. Павелъ не смущаясь говоритъ: *нѣцыи убо по зависти и рвенію, друзіи же и за благоволеніе Христа проповѣдаютъ; ови убо отъ рвенія Христа возвѣщаютъ нечисто, ови же отъ любве. Что убо? обаче всячѣмъ образомъ, аще виною, аще истиною, Христосъ проповѣдаемъ есть: и о семъ радуюся, и возрадуюся. Вѣмъ бо, яко сіе сбудется мнѣ во спасеніе* (Фил. 1, 15—19). Посему недерзновенно сказать и намъ: пусть бы ни поминалась память великаго равноапостола славянскаго, лишь бы поминалась ненарушимо, лишь бы всѣ отрасли великаго рода неотступно стояли по св. лику своего отца въ вѣрѣ, какъ образъ ихъ спасительнаго единенія: и *о семъ радуемся и будемъ радоватися*, вѣруя, что во время Господомъ опредѣленное *сбудется* и совершится сіе единеніе *во спасеніи всѣмъ*.—*Поминайте первонаставники ваша!*

Завѣщаніе апостольское само, кажется, руководствуетъ насъ какъ бы по ступенямъ къ достойному почитанію памяти наставниковъ. Завѣщаетъ сначала просто не забывать наставниковъ; далѣе проситъ, какъ бы пристально всматриваться въ ихъ жизнь и дѣла, и далѣе

зрѣть къ нимъ умными очами. *Поминайте наставники ваша, ихже взирающе на скончаніе жительства.* Думается, что это значитъ взирать не только на конецъ ихъ жизни, но— на совершеніе всего ихъ жизненнаго, поучающаго подвига. Въ настоящемъ случаѣ, конечно, не легко такое полное созерцаніе жизни нашего первоучителя — изъ-за тысячи протекшихъ лѣтъ, и, по естественному порядку, бросающихъ отъ себя не малую тѣнь, кромѣ преднамѣреннаго затемненія великаго образа рвеніемъ и завистію нѣкоторыхъ. Впрочемъ, главное, существенное къ созерцанію и *во тмѣ свѣтится*, и въ девятомъ-на-десять вѣкѣ видно, какъ во очію поражало въ вѣкѣ девятомъ. Первое: подвигъ жизни Св. Кирилла есть подвигъ евангельской проповѣди роду славянскому на славянскомъ нарѣчіи, и—даже до смерти борьбе противу враговъ сей свободы слова о Богѣ Словѣ, какъ враговъ свободнаго разумѣнія истины Христовой. Второе подобно первому: Св. Кириллъ есть основатель самобытнаго славянскаго просвѣщенія,—первохудожникъ не только письмени, но и письменности славянъ, изначала возвышеннѣйшей, ибо священной письменности. И что еще примѣчательно,—то и другое было принесено Св. Кирилломъ славянамъ въ самомъ началѣ ихъ исторической жизни. Вотъ какою дверію введенъ родъ нашъ въ историческую жизнь: дверію Христовою, отверзтою ключемъ разумѣнія писаній. Но не ложно слово; *Азъ есмь дверь; Мною аще кто внидетъ, спасется, и внидетъ и изыдетъ, и пажить обрящетъ.*—Вотъ какое сѣмя всѣяно изначала на полѣ нашего развитія: святое сѣмя слова истины и жизни, какъ нетлѣнный залогъ нашего вѣковѣчнаго стоянія и противустоянія силамъ противодѣйствующимъ. *Сѣмя свято—стояніе* наше. По всему этому Кириллъ есть не только священнодѣйствитель своего настоящаго, но и порядокъ будущаго нашему роду. Отъ того-то съ пробужденіемъ славянскаго самосознанія, славянской самостоятельности и возрожденія,—съ особенною силою выступаетъ у славянъ и память о Св. Кириллѣ, равно какъ и о сподвижникѣ его и братѣ по плоти и по духу, блаженномъ Меѳодіѣ.

Это чувство кровной самобытности и единства не есть чувство

отъ міра сего,—чего боятся наши враги, но есть чувство высшаго, христіанскаго міра, что, можетъ-быть, до времени не совсѣмъ ясно примѣчаютъ и сами други наши. Но *ничтоже покровено есть, еже не откроется, и тайно, еже не уразумѣется* (Лук. XII, 2). Само начало вселенскаго христіанства, послѣ дня Пятидесятницы, когда *народу вѣровавшему бѣ сердце и душа* и усты *едины* (Дѣян. IV, 32), было напоминаніемъ о началѣ человѣчества, еще бѣдстіемъ нераздѣленнаго, и вмѣстѣ залогомъ конца путей Божіихъ: залогомъ созданія единаго семейства Божія изъ всего человѣчества, созданія святой любви, которая снимаетъ всѣ раздѣленія. — И начало православнаго христіанства у славянъ, даровавшее имъ какъ бы даръ Пятидесятницы, не *разные языки*, но общее всѣмъ имъ разумное слово Святыни и единую премудрость, *яже свыше,*—не было ли это начало благодатнымъ увѣряющимъ залогомъ конца Божіихъ путей ихъ жизни,—единаго для всѣхъ спасенія и спасительнаго всѣхъ единенія?

Съ вѣрою, любовію и надеждою да взираемъ къ *жительству* св. отца нашего!

Но конецъ и вершина заповѣди: *поминайте наставники ваша,—подражайте вѣрѣ ихъ.* Подвигъ всей жизни Св. Кирилла ясно даетъ уразумѣть, въ чемъ состояла отличительная черта его вѣры. Несомнѣнно, она состояла въ томъ, что единое истинное просвѣтительное и спасительное начало жизни есть св. православная Христова вѣра. А изъ этого начала, въ ходѣ правильнаго развитія, должны проистекать: государство,—не языческое, безбожное, но христіанское, видящее идеалъ своего законоположенія въ законѣ Евангельскомъ; наука,—не язычествующая, противоборствующая вѣрѣ, но наука ищущая вѣры, какъ сама вѣра идетъ и ведетъ къ свѣту разумѣнія. Но не достало бы намъ времени исчислять всѣ стороны жизни человѣчества, долженствующія проникаться духомъ вѣры, имѣющей все проникнуть и все обновить и обновленному дать жизнь неувядающую.

Св. Кириллъ есть великій носитель *жизни вѣры*, имя его само по себѣ есть только символъ. По сему славянскому самосозна-

нію и единенію въ будущемъ предстоитъ взойдти на высшую и последнюю ступень, отъ символа, отъ знамени—къ знаменуемому. И тогда истинно настанетъ для него *время благопріятно* и возсіяетъ *день спасенія*.

Не вдругъ обнаруживается то, что господственно управляетъ подвигающимся развитіемъ жизни народовъ въ качествѣ таинственнаго образовательнаго и совершительнаго начала; или иначе и проще — не вдругъ открываются пути царства Божія. Но нынѣ не довольно ли ясно уже проявляется, *имѣющимъ очи видѣти*, что господственное начало есть и будетъ святое православіе? Что просвѣщеніе, не основанное на вѣрѣ, не можетъ и, кажется, сознаетъ свое безсиліе — благоустроить жизнь народовъ? Что просвѣщеніе желающее, но не могущее устроиться въ союзъ съ вѣрованіемъ, потому сего не можетъ, что не знаетъ истинной вѣры? Что хотя немногіе, но увидѣвшіе наконецъ истинный свѣтъ съ Востока, идутъ къ сему свѣту отъ Запада и, можетъ быть приведутъ съ собою многихъ? Сей свѣтъ есть свѣтъ православной вѣры. *Ей, братія, приближися царствіе Божіе*. Поревнуемъ о нашемъ сокровищѣ, которымъ мы богаты, которымъ можемъ обогатить и другихъ, и которымъ мы сами — едвали всѣ — дорожимъ какъ должно, наслѣдовавъ его безъ труда отъ великихъ отцовъ и первоучителей нашихъ. *Поминайте наставники ваша, подражайте вѣрѣ ихъ.*

Вы же, св. наставники и отцы наши, Св. Кириллъ купно съ блаженнымъ Меѳодіемъ, въ земномъ житіи вашемъ видимо бодрствовавшіе о душахъ отцевъ нашихъ, и въ небесномъ вашемъ житіи, не преставайте присно бодрствовать надъ нашими душами, невидимою силой вашихъ молитвъ, направляя насъ въ духѣ вашей вѣры и возращая и укрѣпляя вѣру въ насъ, истинную вѣру, имѣющую обѣтованіе живота настоящаго и грядущаго. Аминь.

(Прав. Обоз.)

ОТВѢТЪ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ

на апостольское посланіе папы Пія IX.

Пій IX, епископъ города Рима, не пренебрегъ обратиться къ намъ съ посланіемъ 1) и заявить отеческое попеченіе о спасеніи нашихъ душъ. Это не могло не быть для насъ весьма пріятнымъ.

Сколько и какія благодѣянія въ изобиліи получила наша Англія отъ Италіи,—это мы едва можемъ обнять мыслію, а тѣмъ болѣе выразить словами. Не говоря уже о тѣхъ обильнѣйшихъ плодахъ, которые мы собираемъ въ писаніяхъ знаменитыхъ мужей, именами которыхъ блистаютъ какъ древніе, такъ и новѣйшіе календари Италіи, и не считая нужнымъ исчислять славнѣйшіе памятники архитектуры, скульптуры и живописи, которые привлекаютъ насъ въ города Италіи и въ особенности въ Римъ для созерцанія и подражанія,—и теперь еще есть много другихъ, болѣе важныхъ предметовъ, которые съ Италіей и съ самимъ Римомъ не только соединяютъ насъ пріятнѣйшимъ общеніемъ, но сближаютъ и связываютъ также священнѣйшимъ союзомъ благочестія.

Истинно апостольскія посланія св. Петра, вмѣстѣ съ святымъ Павломъ, основавшаго римскую церковь, постоянно читаются въ нашихъ церквахъ и находятся у насъ во всеобщемъ употребленіи. Древнѣйшій и даже единственный кодексъ истинно апостольскихъ посланій святаго Климента, епископа римскаго, близкаго къ святому Павлу, съ благоговѣніемъ хранится у насъ въ Лондонѣ и онъ не только отпечатанъ и переданъ въ англійскомъ переводѣ, который бы дѣлалъ его извѣстнымъ для самыхъ многочисленныхъ читателей, но и представленъ со всею точностію, до малѣйшихъ подробностей способомъ, какъ говорятъ, фотографическимъ, такъ чтобы, не смотря ни на какое теченіе времени, память о святомъ Клименте не обветшала и слова его не умолкли. Имя и писанія святаго Амвросія, епископа медіоланскаго, пользуются у насъ большою славою. Мы чтимъ слова и посланія святаго Льва Великаго, римскаго первосвященника. Съ благодарностію вспоминаемъ о святомъ Григоріи 1-мъ, епископѣ римскомъ, не только за его сочиненія поистинѣ апостольскія, но и за то,

что онъ относился къ намъ въ духѣ апостольскомъ, выказалъ апостольскую любовь и исполнилъ апостольскій долгъ: онъ послалъ къ намъ съ евангельскою проповѣдію святаго Августина, которому преемствуютъ, въ постоянномъ и никогда не прерывающемся порядкѣ, наши кентерберійскіе архіепископы, хотя всякому почти извѣстно, что церковь Христова въ Британіи процвѣтала за много лѣтъ раньше Августина, даже со времени самыхъ апостоловъ,—и что епископы британскіе участвовали въ первыхъ церковныхъ соборахъ.

Не упоминая о другомъ, — символъ апостольскій, который во всемъ почти согласенъ съ древнимъ символомъ римскимъ, каждодневно читается въ нашихъ церквахъ и мы крещаемся въ это исповѣданіе вѣры. Въ формѣ никео—константинопольскаго символа, который всегда читается у насъ при совершеніи святѣйшаго таинства тѣла и крови Христовой, мы совершенно согласны съ римскою церковію, такъ что именно своимъ согласіемъ съ нею мы наиболѣе возбудили противъ себя нерасположеніе восточныхъ. Символъ Аѳанасія, который, какъ доказано нашими богословами, ведетъ начало отъ латинской церкви, поется въ нашихъ церквахъ.

Такъ-какъ это яснѣе полуденнаго свѣта, то, полагаемъ, довольно явствуетъ, что мы, какъ и должно, съ великимъ уваженіемъ чтемъ имя Италіи и съ высочайшею почтительностію готовы привѣтствовать истинно апостольское посланіе, присланное къ намъ изъ Рима, и съ сильнѣйшею ревностію стремимся, питаемъ самыя пламенныя желанія и усердно молимъ всеблагаго и верховнаго Бога, да соединимся съ народомъ и съ церковію италіянскою еще болѣе тѣснымъ единеніемъ во Христѣ Господѣ нашемъ, верховномъ Главѣ церкви и душъ нашихъ пастырѣ и архіереѣ.

Поэтому, говоря откровенно, мы не малою были поражены скорбію и возмутились духомъ, когда взяли въ руки и просмотрѣли глазами, присланное къ намъ въ самое недавнее время и уже обнародованное по всей вселенной, апостольское посланіе папы Пія IX.

„Апостольское посланіе;“ значитъ, справедливо заключали мы, оно должно быть проникнуто духомъ апостольскимъ. Въ апостольскомъ посланіи со всею ясностію обнаружатся любовь,

справедливость и смиреніе. Мы предполагали найти это; но ожиданія наши не сбылись. Съ какою суровостію Пій, первосвященникъ римскій, нападаетъ на насъ и на (все) наше, какъ несправедливо судитъ о насъ, какъ жестоко и оскорбительно задѣваетъ насъ, преслѣдуетъ и издѣвается надъ нами, мы Бога призываемъ въ свидѣтели. За лучшее сочли бы мы Его непогрѣшимому суду ввѣрить все наше дѣло и обойти молчаніемъ взносимыя на насъ хулы, если бы, въ дѣлахъ о неправой вѣрѣ, равнодушіе къ тому, что говорится публично, хотя бы то была совершенная ложь, не было дѣломъ людей безпечныхъ, которые нечестиво и небрежно смежаютъ очи свои, когда предъ ними оскорбляютъ имя Божіе.

Приступимъ къ дѣлу.

Въ этомъ-то апостольскомъ посланіи первосвященникъ Пій провозглашаетъ, что онъ созвалъ со всей вселенной *всѣхъ* епископовъ на вселенскій соборъ, который торжественно откроется въ будущемъ году, въ Римѣ. Говоря, что имъ созваны *всѣ* епископы, онъ довольно ясно показываетъ, что тѣ, которые имъ не созваны, по его суду, не епископы. Такое мнѣніе онъ произноситъ о нашихъ епископахъ; но съ какою благосклонностію, съ какою кротостію, съ какою справедливостію, пусть это онъ самъ увидитъ.

Но вы, „еретики и схизматики.“ Пусть будетъ такъ. Если онъ по истинѣ апостольскій мужъ, то долженъ былъ отразить ересь истиною и уврачевать схизму любовію. Епископы истинно апостольскіе, Великій Аѳанасій и Августинъ положили созвать на соборъ, первый—еретическихъ епископовъ аріанскихъ, второй—раскольничьихъ епископовъ—донатистовъ. Прекрасно и мудро сдѣлано. Для чего? Именно для того, чтобы, при помощи Божіей, положить конецъ ихъ ереси и расколу. И Богъ истины и мира споспѣшествовалъ ихъ желаніямъ. Но „святѣйшій господинъ нашъ папа Пій IX“ (этотъ истинно величественный и почти божественный титулъ онъ усвояетъ себѣ) вступаетъ на путь совершенно противоположный. Въ своемъ апостольскомъ посланіи, онъ полагалъ, что всѣхъ епископовъ англиканской церкви, въ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, и всѣхъ состоящихъ въ общеніи съ англиканскою церковію епископовъ въ Америкѣ и британскихъ колоніяхъ, разсѣян-

ыхъ по всему свѣту, онъ тогда примиритъ съ собою, когда ie признаетъ ихъ епископами.

Перейдемъ къ другому. Пій, первосвященникъ римскій, ъ своемъ апостольскомъ посланіи, рисуетъ всюду разсѣянную англиканскую церковь въ такихъ краскахъ: „По случаю будущаго собора мы не могли не обратиться съ апостольскими и отеческими нашими словами ко всѣмъ, которые, хотя и признаютъ единаго Христа Іисуса Искупителемъ и носятъ имя христіанъ, однако *истинной вѣры Христовой не исповѣдуютъ и общенію каѳолической церкви не слѣдуютъ.*"

Истинно апостольскія и отеческія слова, какъ нельзя лучше принаровленныя къ преуспѣянію христіанской любви и мира! Такъ въ самомъ дѣлѣ мы „не исповѣдуемъ истинной вѣры Христовой," но должны быть тотчасъ причислены къ язычникамъ и мытарямъ,—мы, которые, выражаясь словами святаго апостола Іуды, *преданную вѣру святымъ единою* (ст. 3) сохраняемъ и распространяемъ? Такъ мы не исповѣдуемъ истинной вѣры Христовой, — мы, которые (выражаясь словами болѣе чѣмъ 70 епископовъ нашихъ, недавно собравшихся въ Лондонѣ) принимаемъ и почитаемъ всѣ каноническія писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ твердое слово Божіе, и предаемъ и внушаемъ, съ благоговѣйною молитвою къ Богу, всѣмъ читать ихъ? Такъ дѣйствительно не исповѣдуемъ истинной вѣры Христовой мы, читающіе въ своихъ церквахъ три символа: апостольскій, никейскій, аѳанасіевъ, и предлагающіе ихъ своимъ проповѣдникамъ, какъ наилучшую и вѣрнѣйшую норму при истолкованіи писанія, въ дѣлахъ, касающихся вѣры? Итакъ не исповѣдуемъ истинной вѣры Христовой мы, возрождающіеся и обновляющіеся животворными таинствами Христовыми? И такъ не исповѣдуемъ истинной вѣры Христовой мы, каждодневно воздвигающіе новыя церковныя зданія, возстановляющіе и расширяющіе древнія, въ которыхъ открыто читается и проповѣдуется чистое слово Божіе, и правильно совершаются таинства Христовы, и каждодневно возсылаются къ Богу, во имя Іисуса Христа Господа нашего, молитвы, псалмы, гимны и пѣсни духовныя? Не говоримъ о школахъ, въ ближайшіе предъ симъ годы возникшихъ у насъ въ безчисленномъ множествѣ, въ которыхъ наше юношество напаяется ученіемъ Хри-

стовымъ. Опускаемъ евангельскія миссіи къ иностраннымъ народамъ вселенной и весьма многія епископскія каѳедры, основанныя въ нашихъ колоніяхъ англиканскою церковію. Такъ подлинно не исповѣдуемъ истинной вѣры Христовой мы, всею душею принимающіе и почитающіе все, что соборами всей церкви, истинно вселенскими и всеобщими, въ членахъ христіанскаго ученія, утверждено, обнародовано и принято каѳолическою церковію? Если находиться въ общеніи со Христомъ, съ апостолами, съ апостольскими мужами, которые процвѣтали въ древнѣйшія и чистѣйшія вѣка церкви и во Христѣ мирно почили,—не значитъ исповѣдывать истинную вѣру Христову, то право мы хотѣли бы спросить: чтожъ это за истинная вѣра Христова, которую познать предлагаетъ намъ папа Пій IX? Не явилась ли послѣ Христа какая нибудь новая вѣра Христова? Не придумалъ ли человѣческій умъ какой - либо вѣры Христовой? Не произвелъ ли первосвященникъ римскій какой либо вѣры Христовой отъ собственнаго чрева?

Святый Павелъ, въ своемъ истинно апостольскомъ посланіи къ галатамъ 1) и другимъ вѣрующимъ всѣхъ мѣстъ и временъ, такъ говоритъ: *аще ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ, паче еже благовѣстихомъ вамъ, паче еже пріясте, анаѳема да будетъ!* И такъ, что, въ дѣлахъ вѣры, не извѣстно было первенствующей церкви, то хотя бы ангелъ благовѣствовалъ намъ, должно быть отвергаемо нами, если не хотимъ быть поражены анаѳемою апостольскою. Все, что святый Павелъ и прочіе апостолы благовѣстили, мы принимаемъ; а чего, въ дѣлахъ вѣры, Павелъ и прочіе апостолы не проповѣдывали и что не принято апостольскими церквами, то мы отвергаемъ. Въ томъ и другомъ мы соглашаемся съ Павломъ. Но Пій IX, папа римскій, утверждаетъ, что мы не истинную вѣру Христову исповѣдуемъ. Кому вѣрить, Пію папѣ, или Павлу апостолу? Кому вѣрить, Пію папѣ, или Святому Духу, говорившему устами Павла? На римскій соборъ мы не приглашены, но мы призываемъ судъ Божій.

Однакожъ, говоритъ Пій первосвященникъ, „вы не слѣдуете общенію каѳолической церкви.“ Обвиненіе, по истинѣ,

1) Посл. къ галат. 1, 8. 9.

весьма тяжкое. Мы сами собою признаемъ, что расколъ есть самое гнусное преступленіе и даже великое святотатство. Грѣхъ раскола, говорили святые епископы Игнатій и Кипріанъ, не омывается и кровію мученичества. Но англиканская церковь не признаетъ себя виновною въ этомъ грѣхѣ. Отъ каѳолической церкви мы никогда не отдѣлялись и даже отъ римской церкви добровольно не отлучали себя. Расколъ, возникшій между нами и Римомъ, не отъ насъ произошелъ; онъ вышелъ изъ того источника, что римская церковь не хотѣла имѣть общеніе съ нами, если мы не будемъ участвовать въ ея заблужденіяхъ; а это мы могли допустить не иначе, какъ отдѣлившись отъ Христа, который есть истина, и отъ апостоловъ Его, которые Имъ были поставлены учителями истины и просвѣщены Святымъ Духомъ. И такъ дѣло клонилось къ тому, что мы должны были сдѣлать выборъ между римскимъ первосвященникомъ и Христомъ Іисусомъ. Мы предпочли Христа.

Что въ англиканской церкви можно найти пятна, — этого мы не отвергаемъ. Мы искренно признаемъ, что въ нашей церкви есть не мало такого, за что мы умоляемъ Бога отвратить Свой гнѣвъ и, ради заслугъ Христа, смиренно и со слезами просимъ Его милосердія. Мы не скрываемъ заблужденій и расколовъ нѣсколькихъ лицъ, занимающихъ въ англиканской церкви не послѣднее мѣсто. Между апостолами былъ Іуда. Самъ Христосъ показалъ, что на полѣ Господнемъ вмѣстѣ съ добрымъ сѣменемъ сѣются плевелы, что на гумнѣ Его къ зернамъ примѣшивается мякина, что худыя рыбы попадаютъ въ сѣть евангельскую вмѣстѣ съ хорошими. Таково условіе церкви, странствующей на землѣ, какъ на чужбинѣ. Со скорбію и воздыханіемъ ей необходимо перенести многое, что укрѣпляетъ ея терпѣніе, надежду и любовь. И такъ, безпристрастные судьи должны изслѣдовать и справедливые цѣнители взвѣшивать не то, что отъ кого нибудь происходитъ въ англиканской церкви, а то, что сама церковь сдѣлала и дѣлаетъ.

Реформаторы англиканской церкви не думали основать какую-либо новую церковь, въ чемъ нѣкоторые по невѣдѣнію и по зложелательству обвиняютъ насъ; но хотѣли только возстановить въ самомъ лучшемъ, т. е. въ первоначальномъ

видѣ то, что съ теченіемъ времени было искажено. Итакъ, по какому праву Пій первосвященникъ взводитъ на насъ обвиненіе въ расколѣ? На основаніи какихъ свидѣтельствъ и доказательствъ? Вы, говоритъ, отлучаете себя отъ общенія каѳолическаго тѣмъ, что въ самомъ Піи, папѣ римскомъ, не видите преемника святаго Петра и полнаго наслѣдника преимуществъ этого апостола—и тѣмъ, что первосвященника римскаго не признаете судіей христіанской вѣры, всеобщимъ священникомъ и верховнымъ владыкою вселенской церкви Христовой на землѣ. Отъ каѳолическаго общенія, по суду Пія, мы отдѣляемъ себя тѣмъ, что, искренно и вполнѣ признавая Петра апостоломъ и открыто проповѣдуя, что онъ былъ живымъ камнемъ (lapidem) церкви 1),—мы однакожъ утверждаемъ, что не Петръ, а Христосъ есть камень (Petra), т. е., твердое и непоколебимое основаніе церкви.

Если мы ошибаемся въ этомъ, то ошибаемся съ апостольскими мужами, съ апостолами и (да простятъ намъ за выраженіе) съ Самимъ Христомъ, Который есть путь, истина и животъ 2). Христосъ завѣщалъ Своимъ апостоламъ, чтобы никто изъ нихъ не считалъ себя выше прочихъ 3). Если кто вникнетъ съ надлежащимъ вниманіемъ въ слова Христовы о Петрѣ, которыя римскіе первосвященники постоянно повторяютъ и толкуютъ намъ,—*на семъ камени созижду церковь Мою* 4), —если кто обратитъ вниманіе на цѣль, съ какою Христосъ сказалъ эти слова, извлекая изъ устъ апостоловъ отвѣтъ не о Петрѣ, а о Своемъ собственномъ лицѣ и Своей должности, и если для объясненія этихъ словъ снесетъ ихъ съ другими мѣстами писанія; то, по нашему мнѣнію, ясно пойметъ, что эти слова относятся не къ Петру, а ко Христу. *На семъ камени*, т. е. Мнѣ Самомъ, котораго ты, Петръ, исповѣдалъ, *созижду церковь Мою.* Ибо Христосъ какъ въ иномъ мѣстѣ называетъ Себя *симъ* камнемъ 5), въ иномъ—*сею* церковію 6),

1) Іоан. 1, 42.
2) Іоан. 14, 6.
3) Матѳ. 20, 25. 26; 23, 8—11.
4) Матѳ. 16, 18.
5) Матѳ. 21, 44.
6) Іоан. 2. 19.

въ иномъ—*симъ* хлѣбомъ 1); такъ и въ настоящемъ именуетъ Себя *симъ* камнемъ. Поэтому, мы не сомнѣваемся вмѣстѣ съ святымъ Августиномъ сказать: „камень есть Христосъ, котораго исповѣдалъ Петръ 2)."

Но къ чему останавливаться на Августинѣ? Послушаемъ, что Святый Духъ говоритъ устами Павла: *основанія иного никтоже можетъ положити, паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* 3). И Онъ говоритъ, что не на *одномъ* какомъ либо апостолѣ зиждется церковь, но *на основаніи апостолъ* и пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу 4). Святый Духъ устами апостола Іоанна возвѣщаетъ, что церковь Христова „имѣетъ *дванадесять основаній* (θεμελίας) и на этихъ *дванадесяти* основаніяхъ имена дванадесяти апостоловъ Агнчихъ 5). Чего яснѣе? Что лучше можетъ подтвердить изслѣдываемый предметъ? Если ты выдѣлишь имя апостола Петра изъ именъ прочихъ одинадцати апостоловъ и Петра, одного изъ апостоловъ, возьмешь за единственное основаніе, то Петръ выпадетъ изъ своего мѣста, число основныхъ камней разстроится и зданіе рушится.

Смотри, какой безпорядокъ вносятъ въ церковь признающіе Петра единымъ основаніемъ (ея).

Петру *въ лице противосталъ* апостолъ Павелъ, *яко зазоренъ бѣ*, и потому, что іудеи пристали къ его лицемѣрію, и потому, что онъ *не право* ходилъ 6). И такъ, ужели поколебалась вся церковь Христова, когда колебался Петръ? Ужели Павелъ, возставая противъ Петра, противосталъ въ лице церкви Христовой? Ужели вся церковь впадала въ заблужденіе, когда Петръ не прямо поступалъ? Напротивъ, Самъ Христосъ обѣщалъ церкви, что врата адова не одолѣютъ ее 7), потому что она основана на Немъ—истинномъ камнѣ. И такъ видите, какое оскорбленіе Пій, первосвященникъ римскій, наноситъ таинственному тѣлу Христа

1) Іоан. 6, 51 58.
2) Рѣчь 76. 149. Тракт. На Іоан. 118, 124. Ср. Пер. 1, 21,
3) 1. Кор. 3, 11.
4) Еф. 2, 20.
5) Апок. 21, 14.
6) Галат, 2, 2—13.
7) Матѳ. 16, 18.

и даже—Самому Христу и Святому Духу, поставляя всю церковь въ зависимость отъ одного человѣка, даже отъ апостола, а тѣмъ болѣе отъ папы римскаго. Каждый человѣкъ въ церкви, каждая честная церковь можетъ погрѣшать и имѣть недостатки. Потому-то въ апокалипсисѣ Христосъ угрожаетъ, что Онъ подвигнетъ съ своихъ мѣстъ свѣтильники даже церквей апостольскихъ, если не покаются 1).

Но вселенская церковь Христова не можетъ погрѣшать и оскудѣвать такъ, чтобы въ ней совершенно изсякла истина Христова, хотя Христосъ и предсказалъ, что, особенно въ послѣднія времена, она будетъ покрыта мракомъ заблужденій такъ, что, когда Онъ опять придетъ, съ трудомъ можно будетъ найти истинную вѣру 2). Противъ папы Виктора возсталъ святый Ириней, епископъ ліонскій; противъ папъ Зефирина и Каллиста возсталъ святый Ипполитъ, епископъ портунскій; противъ папы Стефана возсталъ святый Кипріанъ; противъ Зосима папы возсталъ святый Августинъ. На нашей памяти, въ 1848 году, всѣ патріархи восточной церкви и почти 30 епископовъ возстали противъ папы Пія IX, какъ покровителя еретическихъ догматовъ, хотѣвшаго ввести въ церковь тираннію. Святый папа Григорій I такъ сказалъ: „я смѣло говорю, что всякій, называющій себя или желающій, чтобы другіе называли его вселенскимъ священникомъ, по своей надменности есть предшественникъ антихриста 3)“. Сами первосвященники римскіе гнушались ереси папы Гонорія и ясно подвергали ее анаѳемѣ въ торжественной формулѣ, подъ которою подписывались, восходя на папскій престолъ. Итакъ, ужели необходимо было для спасенія находиться въ общеніи съ папою Гоноріемъ? Не скорѣе ли находившіеся съ нимъ въ общеніи подвергались опасности погибнуть? Духъ Святый повелѣваетъ народу своему изыти изъ Вавилона, *да не причастятся грѣхомъ и отъ язвъ его да не вредятся* 4). Отцы согласно утверждаютъ, что Вавилонъ есть городъ Римъ. Сами паписты, кардиналы и епископы—и именно Беллярминъ, Бароній, Боссю-

1) Апок. 11, 5.
2) Лук. 18, 8.
3) Св. Григ. Письм. 7, 33.
4) Апок. 18 4.

ъ—не осмѣливаются отвергать этого и даже открыто въ томъ знаются. Что Вавилонъ есть церковь падшая, искаженная любодѣйная, это довольно ясно для большей части прилежно итающихъ апокалипсисъ. И такъ извѣстно, что Вавилонъ есть ерковь въ городѣ Римѣ, и изъ ней-то Святый Духъ повелѣваетъ намъ изыти.

Поэтому пусть не попрекаетъ насъ папа Пій IX тѣмъ, то мы „не слѣдуемъ общенію католической церкви"; потому то мы по праву и по—дѣломъ отвергли заблужденія римскаго авилона. Пусть онъ не привлекаетъ и не обманываетъ насъ устыми обѣщаніями, что мы возвратимся „къ единому овчему вору Христову", если пойдемъ на вредоносныя пастбища имской церкви, покинувъ сладкіе луга Христовы и источники истыхъ водъ. Пусть лучше самъ онъ возвратится ко Христу; пусть самъ сообразуется съ примѣромъ апостоловъ Петра и Павла; пусть самъ представитъ въ своей церкви достойный уваженія образъ церквей апостольскихъ. Тогда со всею готовностію мы соединимся съ нимъ въ вѣрѣ истинно евангельской, въ ученіи истинно апостольскомъ и въ любви истинно каѳолической. И такъ, да позволено намъ будетъ обратиться къ папѣ Пію. Свѣтлѣйшій первосвященникъ! Ты обвинилъ насъ въ легкомысліи, безразсудствѣ и непостоянствѣ въ дѣлахъ вѣры, и это обвиненіе ты обнародовалъ публично, по всей Европѣ, чтобы оно всѣми было читано. Ты, достопочтеннѣйшій преосвященникъ, открыто обличилъ насъ въ заблужденіи, незнаніи и невѣжествѣ, какъ будто бы мы покрыты киммерійскимъ мракомъ, тогда какъ ты ходишь въ полуденномъ свѣтѣ и проливаешь свѣтъ на всю вселенную. Пусть будетъ позволено выписать твои слова изъ твоего посланія. Церковь римская, по твоему суду, есть та самая „церковь, въ которой истина должна пребывать всегда твердою, не подвергаясь никогда и никакому измѣненію, какъ залогъ, врученный этой церкви для храненія во всей цѣлости, и что въ ней только сохраняется чистое ученіе Христово".

Слова дѣйствительно блестящія! Но посмотримъ на самое дѣло.

Святый Духъ, сшедшій на апостоловъ въ день пятидеся-

тницы 1), возсѣлъ на нихъ въ видѣ раздѣлившихся языковъ и сообщилъ имъ даръ говорить на языкахъ различныхъ народовъ, явственно обозначая этимъ, что, когда не будетъ болѣе этого чрезвычайнаго дара, слово Божіе должно быть распространено на всѣхъ языкахъ посредствомъ языка каждаго народа.

Святый Павелъ, въ своемъ посланіи къ Тимоѳею, называетъ его блаженнымъ за то, что онъ *изъ млада* зналъ *священная писанія* 2); поэтому апостолъ учитъ, чтобы даже дѣти знакомились съ писаніемъ и изучали его. Самъ Христосъ изображаетъ въ Апокалипсисѣ церкви подъ образомъ свѣтильниковъ, указывая намъ этимъ знакомъ, что главная обязанность христіанской церкви—имѣть въ рукахъ свѣтъ слова Божія и открывать его всѣмъ.

А что, въ силу этой обязанности, сдѣлала англиканская церковь и каждодневно дѣлаетъ, читая предъ народомъ священное писаніе на родномъ языкѣ и распространяя экземпляры священнаго писанія по всей вселенной, не на англійскомъ только языкѣ (не говоримъ уже объ изданіяхъ подлиннаго текста еврейскаго и греческаго, отпечатанныхъ у насъ), но на языкахъ всѣхъ почти націй,—предоставляемъ другимъ объ этомъ вспомнить.

Но такъ какъ первосвященникъ римскій обвиняетъ насъ и восхваляетъ себя и свою церковь, то пусть не оскорбится, если мы нѣсколько посмотримъ на то, что онъ, въ отношеніи къ этой обязанности, сдѣлалъ и дѣлаетъ до настоящаго времени.

Ты, святѣйшій господинъ нашъ, ты, верховный судія вѣры и рѣшитель всѣхъ споровъ, Ты, верховный глава церкви, ты свѣтъ народовъ, можешь ли показать хотя одинъ экземпляръ ветхозавѣтнаго еврейскаго текста, отпечатанный въ твоемъ городѣ, Римѣ, матери и наставницѣ всѣхъ церквей. Ни одного! Правда, спустя 400 лѣтъ послѣ изобрѣтенія типографскаго искуства, мы, послѣ долгихъ и томительныхъ ожиданій, съ благодарностію привѣтствовали единственную рецензію новаго греческаго завѣта, съ знаменитаго кодекса ватиканскаго. Но изданія или ветхаго или новаго завѣта на языкѣ отечественномъ народъ, ввѣренный твоему пастырскому попеченію, ожи-

1) Дѣян. 2, 3. 4.
2) 2 Тим. 3. 15.

етъ, кажется, и до настоящаго времени, отъ римской типографіи. Ты хвалишься, что Христосъ ввѣрилъ тебѣ всѣ народы, какіе только находятся по всей землѣ, и что они должны получить отъ тебя благовѣствованіе. Но какой экземпляръ священнаго писанія, какую книгу его они даже и теперь получили изъ твоихъ рукъ въ переводѣ на свой родной языкъ? Развѣ не скрывается у тебя *подъ спудомъ* Божественный свѣтъ священнаго писанія, который долженъ былъ стоять *на свѣщницѣ* 1)? Развѣ не заграждается у тебя, назначенный для питья всѣхъ, источникъ водъ живыхъ, который долженъ былъ течь свободно?

Но мы, имѣющіе въ своихъ рукахъ священное писаніе и всѣми силами сообщающіе его другимъ,—мы-то именно, шатаясь, жалко блуждаемъ во мракѣ египетскомъ, тогда какъ ты остаешся въ землѣ Гесемъ, наслаждаешся полуденнымъ свѣтомъ и этотъ свѣтъ подаешъ всей вселенной!

Посмотримъ и на другое преступленіе, въ которомъ ты насъ обвиняешь.

Мы, по твоему суду, всегда измѣнчивы, а ты всегда одинъ и тотъ же; мы, въ невѣдѣніи, волнуемся въ какомъ то проливѣ перемѣнчивыхъ догматовъ, а ты, утвердившись на священномъ якорѣ, непоколебимо стоишь въ тихой пристани вѣры.

Къ чему много говорить? Довольно будетъ и одного примѣра.

Назначенный тобою соборъ, имѣющій открыться въ Римѣ, въ базиликѣ ватиканской, въ слѣдующемъ году, долженъ начаться, какъ мы узнали изъ твоей буллы, въ 8-й день мѣсяца декабря, посвященный непорочному зачатію Богородицы Дѣвы Маріи.

Напоминаніе о такомъ днѣ тотчасъ приводитъ на мысль, съ какимъ постоянствомъ римская церковь защищаетъ вѣру Христову.

Догматическое опредѣленіе о непорочномъ зачатіи обнародовано тобою въ Римѣ, въ базиликѣ ватиканской, за 14 почти лѣтъ до настоящаго времени, въ 8-й день мѣсяца декабря, 1855 года.

---

1) Мате. 5, 15. Марк. 4, 21 Лук. 11. 33.

Если этотъ догматъ истиненъ и необходимъ для спасені почему же прежде онъ не объявленъ римскою церковію? Ужел той, которая хвастливо выдаетъ себя за источникъ Божес веннаго свѣта, прилично было отказывать вселенной въ этом сіяніи истины и впродолженіе 1850 лѣтъ не сообщать нар дамъ сполна истинной вѣры?

Но этотъ догматъ, скажешь, и прежде былъ извѣстенъ, и до сихъ поръ еще не былъ опредѣленъ римскимъ первосвя щенникомъ. Такъ-ли полно? Съ твоего позволенія, далек не такъ. Святый Григорій Великій, папа римскій, процвѣ тавшій въ концѣ 6-го вѣка по Рождествѣ Христовомъ, откры то противорѣчилъ этому догмату. Мы просимъ тебя, святлѣй шій первосвященникъ, вспомни на минуту слова ученѣйша твоего предшественника. Онъ ясно учитъ, что Христосъ только Онъ *одинъ* свободенъ отъ язвы первороднаго грѣх „Никто другой не былъ (слѣдовательно и Благословенная Блаженная Дѣва Марія), пишетъ онъ, который бы явился св боднымъ, отъ грѣха, чтобы ходатайствовать предъ Богомъ грѣшниковъ, потому что *на всѣхъ*, одинаково происшедши изъ той же плоти„ (слѣдовательно и на Божественной Дѣ Маріи)„ лежала одинаковая вина". „Поэтому пришелъ къ на Единородный (Сынъ) Отца и принялъ наше естество, но грѣхъ". И еще: „Такъ какъ не было никого, чьи заслу могли бы умилостивить Господа, то Единородный (Сынъ) От принявъ образъ нашей немощи, Единый праведный явис чтобы ходатайствовать за грѣшниковъ 1)".

Кому вѣрить: святому папѣ Григорію 1-му или папѣ П IX? Кому бы мы ни слѣдовали, довольно ясно, что Ри противорѣчитъ самому себѣ.

Но пойдемъ далѣе. Если этотъ догматъ о непорочно зачатіи былъ извѣстенъ церкви и принятъ ею даже въ 16 в по Рождествѣ Христовомъ, то почему же спорили о немъ от тридентскаго собора? Зачѣмъ между доминиканцами и франци сканцами происходили самые горячіе споры объ этомъ д тѣ? Ученѣйшій мужъ того столѣтія, Мелхіоръ Канъ,

---

1) Св. Григ. Вел. на книг. Іов. гл, 33., т. 1. стр. 702, Парижъ 1702 г.

скопъ и знаменитый у папъ учитель, такъ пишетъ объ этомъ догматѣ: *„всѣ святые*, которые касались этого предмета, *единогласно* утверждали, что блаженная Дѣва зачата въ первородномъ грѣхѣ 1)". Чтобы подтвердить свою мысль, онъ приводитъ свидѣтельства Амвросія, Августина, Златоуста, Ансельма, Бернарда, Бонавентуры, Аквината и другихъ, „съ которыми" говоритъ онъ, *„никто изъ святыхъ* не былъ не согласенъ; и въ другомъ мѣстѣ: „что Блаженная Дѣва была совершенно свободна отъ первороднаго грѣха, объ этомъ никогда не говорится въ священныхъ книгахъ, въ подлинномъ буквальномъ смыслѣ. Да и общій излагается въ нихъ законъ, которому, *безъ всякаго исключенія,* подлежатъ *всѣ* дѣти Адама, т. е., родившіяся посредствомъ плотскаго размноженія. И нельзя сказать, что этотъ догматъ перешолъ въ церковь чрезъ апостольское преданіе. Слѣдовательно онъ и не можетъ относиться къ вѣрѣ 2)".

Это слова Кана. Итакъ довольно ясно, что въ 16 вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ, этотъ догматъ не былъ принятъ римскою церковію. Но теперь появляется новый порядокъ вещей. По твоему опредѣленію (употребляемъ твои слова), всѣ должны уже вѣрить, что „Блаженнѣйшая Дѣва Марія была предохранена свободною отъ всей заразы первороднаго грѣха", и тѣ, которые помыслятъ въ сердцѣ своемъ что либо несогласное съ твоимъ опредѣленіемъ, должны знать и впредь пусть знаютъ, что они *потерпѣли крушеніе въ вѣрѣ и отъ единства вѣры отпали* 3)".

Такимъ образомъ, чего не проповѣдали апостолы, не приняли апостольскія церкви, не приняла каѳолическая церковь Христова въ продолженіе болѣе чѣмъ 1,800 лѣтъ, и что противно вѣрѣ вселенской церкви, учившей, что Христосъ *одинъ* свободенъ отъ язвы первороднаго грѣха, то теперь, по твоему опредѣленію, всѣ должны принять и сохранять, какъ необхо-

---

1) Melchior Canus, Episcopus Canariensis, primariae Cathedrae in Academia Salmatice si Praefectus: Opera p. 348, ed. Colon 1605.
2) Ibid. p. 356.
3) Pii papae IX. Litterae apostolicae de dogmatica definitione Immaculatae Conceptionis Virginis Deiparae: Romae, vi. id Decembies anno MDCCCLIV.

димое для вѣчнаго спасенія и, если кто иначе будетъ помыш
лять въ душѣ, тотъ *потерпѣлъ крушеніе въ вѣрѣ и отъ еди
ства вѣры отпалъ!*

Ужели насъ ты исключилъ этими словами изъ обществ
вѣрныхъ? Напротивъ, исключилъ ты себя самого. Мы, в
этомъ дѣлѣ, имѣемъ на своей сторонѣ Христа, апостолов
апостольскую и вселенскую церковь Христову. Ты сам
себя отторгъ отъ каѳолической церкви: себя удалилъ отъ о
щенія съ первыми вѣками, себя отлучилъ отъ своихъ пре
шественниковъ, отъ апостольскихъ церквей, отъ апостоловъ
отъ Іисуса Христа. Итакъ, тебѣ ли обличать насъ въ зл
комысліи? Тебѣ ли поносить насъ за непостоянство въ вѣрѣ
отпаденіе отъ церкви? Смотри, чтобы не пришлось отнес
старинную пословичу:

„Врачъ другихъ, исцѣлись самъ" (Ἄλλων ἰατρός αὐτὸς ἕλκεσι
βρύων).

Да дастъ Всеблагій и Всемогущій Богъ, *Отецъ свѣтовъ,
Него же нѣсть премѣненіе или преложенія стѣнь* 1),— что
всѣ мы, исповѣдующіе имя Христово, прогнавъ и разсѣя
мракъ заблужденій, оставивъ преданія человѣческія, отв
гнувъ нововведенія и ложныя мнѣнія, сохраняли въ цѣлост
неповрежденности *преданную вѣру святымъ единою*, ходили
пути истины и въ союзѣ мира!

Да дастъ Единородный, совѣчный Сынъ вѣчнаго От
Единый, родившійся безъ скверны грѣха въ нашей плоти
пострадавшій въ ней, искупившій насъ непорочною Сво
кровію, и *Единый Ходатай Бога и человѣковъ* 2),—чтобы
таинственномъ его тѣлѣ, которое есть церковь Бога жива
мы соединились братскою любовію!

Да дастъ Святый Духъ, глаголавшій чрезъ пророко
апостоловъ и евангелистовъ въ священномъ писаніи, си
котораго мы возраждаемся, ежедневно укрѣпляемся и об
вляемся,—чтобы мы, питаясь тѣмъ же Божественнымъ слово
и обновляясь таинствами, поддерживали другъ друга взаим
любовію, стараясь сохранять единство духа въ союзѣ мира,
чтобы какъ *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе* еди

1) Посл. св. Іак. 1. 17.
2) 1. Тим. 2, 5.

Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ 1); такъ по истинѣ было и одно стадо, былъ одинъ Пастырь, Святѣйшій нашъ Христосъ Іисусъ, истинный Богъ, истинный человѣкъ, которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ да будетъ слава, хвала и владычество, во вѣки. Аминь.

Данъ въ Лондонѣ, въ день праздника святыхъ апостоловъ Симона и Іуды, 1868 года.

Христіанское Чтеніе.

ПЕРЕЧЕНЬ ТЩЕТНЫХЪ УСИЛІЙ ПОЛЯКОВЪ О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ ПОЛЬШИ.

Въ поученіе полякамъ, всего ожидающимъ отъ внѣшней помощи и больше всего отъ помощи со стороны Франціи, приводимъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній. Послѣ третьяго раздѣла Польши многіе польскіе „патріоты" убѣжали въ Парижъ, Константинополь и Стокгольмъ, чтобы побудить эти кабинеты къ возстановленію разрушеннаго организма Польши. Насулили и наобѣщали имъ много, а, какъ извѣстно, не сдѣлали ничего. Базельскій миръ, заключенный между Франціею и Пруссіею, долженъ былъ бы разувѣрить поляковъ, потому что, несмотря на обѣщанія, французы ни слова не сказали здѣсь въ пользу поляковъ. На дѣлѣ вышло напротивъ. Эмиграція во Франціи еще больше усилилась. Въ 1796 г. явился въ Парижъ извѣстный генералъ Домбровскій, предложилъ директоріи планъ организаціи польскихъ легіоновъ и былъ отправленъ съ польскими отрядами въ Италію къ Бонапарту, хотя правительство, въ силу конституціи, не взяло на себя издержекъ на сформированіе ихъ. „Съ этого времени и до 1814 года продолжается трагическая исторія польскихъ легіоновъ, потерявшихъ кровь и имѣніе свое на рабскомъ служеніи эгоистическимъ намѣреніямъ французовъ и химерамъ Бонапарта", замѣчаетъ *Слово*. Домбровскій получилъ уже согласіе Бонапарта на свой проэктъ—ворваться въ Польшу чрезъ Хорватію, Седмиградію и Венгрію, какъ неожиданный для него миръ Франціи съ Австріею въ 1797 г. разрушилъ всѣ замыслы. Польскіе

---

1) Ефес. 4, 4.

отряды, дѣйствовавшіе въ Италіи и Швейцаріи противъ Суворова, были почти совсѣмъ уничтожены въ 1799 году послѣ битвъ при Требіи, Нови и особенно при Цюрихѣ.—Сдѣлавшись консуломъ, Бонапартъ помогъ Домбровскому сформировать новые восемь полковъ и столько же Князевичу, что составило ок. 15,000. Несмотря на нѣкоторыя заслуги ихъ, Наполеонъ въ 1802 г. отправилъ ихъ въ С. Доминго, гдѣ почти всѣ они и погибли отъ желтой лихорадки или попали въ рабство англичанамъ и переселены на Ямайку.—Въ послѣдствіи 8 полковъ, составленныхъ изъ новыхъ польскихъ эмигрантовъ, Наполеонъ отправилъ въ Испанію.—Правда, въ 1807 году онъ возстановилъ частицу Польши подъ именемъ Варшавскаго герцогства, но, во первыхъ, только частицу, а во вторыхъ, возстановилъ вовсе не для блага поляковъ, а какъ свой сторожевой постъ противъ Пруссіи и Россіи. Извѣстно, что и это было не на долго.—Послѣ Наполеона, хотя поляки постоянно умоляли французовъ о помощи, послѣдніе, однако, помогали имъ исключительно словами, а отнюдь не самымъ дѣломъ. Только въ 1863 году нынѣшній императоръ французскій рѣшился было на болѣе энергическую помощь, чѣмъ прежнія обнадеживанія. Но извѣстно, что дипломатическій походъ, объявленный имъ въ пользу поляковъ противъ Россіи, окончился такъ же жалко, какъ незадолго передъ тѣмъ бывшая мексиканская экспедиція.

(Веч. Газ.)

ПОЛЯКИ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Галиційскіе поляки въ нынѣшнемъ году, 12 августа, намѣрены праздновать трехсотлѣтній юбилей извѣстной *люблинской уніи* и при этомъ устроить какую-то политическую демонстрацію, начало которой отчасти уже положено въ чеканкѣ извѣстныхъ медалей, затѣянныхъ польскою эмиграціею въ честь этой уніи. Редакторы львовской русской газеты „Слово“, отстаивающей русскіе интересы въ Галиціи и постоянно полемизирующей съ польскою партіею въ томъ краѣ и съ ея органами, въ родѣ „Газеты Народовой“ и др.,—рѣшились съ своей стороны на очень оригинальное и въ тоже время разумное средство. „Понимая все значеніе этой (польской) демонстраціи, пишутъ

въ этой газетѣ, мы рѣшились почтить память люблинской уніи отпечатаніемъ статьи знаменитаго историка М. Кояловича. Въ этомъ-то и будетъ съ нашей русской стороны отвѣтъ на польско-уніатскія демонстраціи." Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же нумерѣ „Слова" напечатано начало изслѣдованій о люблинской уніи названнаго русскаго ученаго, извѣстнаго знатока по исторіи западно-русской и литовской, издавшаго уже нѣсколько сочиненій объ этихъ предметахъ. Нельзя не похвалить способа, какой избрали редакторы „Слова", для противодѣйствія польской пропагандѣ, потому что столь хорошій выборъ сочиненія для перепечатанія всего лучше и скорѣе приведетъ къ цѣли,—т. е. выяснитъ, насколько неестественно было это знаменитое соединеніе Литвы съ Польшею, и посредствомъ какой коварной политики и интригъ оно было достигнуто.

„Вообще, говоритъ „Слово", выходки львовскихъ полономановъ противъ „Москвы" бываютъ чрезвычайно дерзки. Такъ, извѣщаютъ изъ Жолковскаго предмѣстья, что тамъ въ публичной школѣ, при костелѣ св. Мартина, нѣкто панъ Киселевскій читалъ вступительную лекцію о *польской исторіи*; однако же, вмѣсто того, чтобы держаться своего предмета, панъ Киселевскій сталъ распространяться о *туранско-монгольскомъ* происхожденіи великороссовъ (конечно, по рецепту извѣстнаго Духинскаго и К°, съ примѣсью того, что можетъ произвести растроенная фантазія и возбужденное чувство), порицалъ *схизматическихъ* поповъ и пр. (все это въ лекціи о польской исторіи), и вообще всю вступительную лекцію наполнилъ не разсказомъ на заданное себѣ предложеніе—объ исторіи Польши, а о *варварскихъ москаляхъ*. Въ концѣ лекторъ заявилъ предъ своими, впрочемъ немногочисленными, слушателями, что на слѣдующей недѣлѣ онъ будетъ продолжать очеркъ новой эпохи исторіи польской, въ которой еще болѣе разительно выкажется *варварство Москвы*. Всѣ подобныя дикія выходки, конечно, не новость. У поляковъ все служитъ средствомъ для цѣли, по правилу іезуитовъ, ихъ воспитателей и развратителей: не только наука и искусство, но и религія—все годится и все можно употреблять для фантастическаго замысла—немыслимаго и, въ силу историческаго прогресса, невозможнаго возстановленія „Рѣчи Посполитой", этой уродливѣйшей государственной организаціи,

какая когда либо бывала въ Европѣ. Подобною профанаціею такихъ высокихъ для человѣка предметовъ, какъ религія, наука и искусство, поляки лишаютъ ихъ дѣйствительнаго содержанія, еще больше развращаютъ себя, и, слѣдовательно, дѣлаютъ свою „жизненную задачу“ все болѣе и болѣе неосуществимою и невозможною...

Изъ Холма сообщаютъ въ „Слово“ утѣшительную вѣсть, что всѣ незначительныя, но вредныя русскому дѣлу, недоразумѣнія которыя было возникли вскорѣ за прибытіемъ епископа Михаила Куземскаго въ Холмъ по поводу обрядовыхъ вопросовъ, нынѣ вполнѣ устранены и затѣмъ между русскими водворилось полное согласіе. Стремленіе лучшихъ силъ русскихъ, подъ указаніемъ самого епископа, обращается теперь болѣе къ реальнымъ цѣлямъ русско-народнымъ; такъ задумано въ Холмѣ учрежденіе благотворительнаго братства, которое, по образцу львовской Ставропигіи, займется преимущественно устроеніемъ бурсы, пріюта для убогихъ и русской печатни.

(Совр. Лист.)

Львовское «Слово», разсуждая о резолюціи, принятой на львовскомъ сеймѣ шляхетскимъ большинствомъ и клонящейся къ тому, чтобы ослабить контроль вѣнскаго министерства надъ автономіею Галиціи, и чтобы въ концѣ-концовъ всю эту страну отдать во власть поляковъ,—такъ обрисовываетъ будущіе результаты принятія Австріею этой резолюціи: «Забравши въ свои руки управленіе краемъ, партія Сапѣговъ и Землковскихъ тотчасъ же принялась бы за славный историческій проектъ подавленія Руси и выполняла бы его съ желѣзною послѣдовательностію, притѣсняя подъ предлогомъ вредной ей «московщины», русскихъ чиновниковъ учителей, священниковъ и вообще всѣхъ интеллигентныхъ людей действующихъ въ пользу своего отечества. На мѣсто ихъ пришли бы такъ называемые демократы и аристократы, бѣлые и красные «мѣрославчики и чарторыйщики,» ксендзы и эмигранты-повстанцы приверженцы «партіи злодѣевъ» и «шпіоновъ» (какъ называютъ другъ друга нѣкоторые органы ихъ въ Львовѣ). Было бы учреждено множество автономическихъ «радъ» и патріотическихъ заведеній, на содержаніе которыхъ были бы употреблены всѣ доходы

края и имѣнія русскихъ обществъ, и на простой народъ были бы возложены невыносимыя подати. Само собою разумѣется, что русскому человѣку не позволено было бы употребленіе своего языка ни въ школѣ, ни въ «урядѣ». О процессахъ поселянъ противъ пановъ, отнявшихъ у нихъ земли, не было бы и рѣчи, потому что *хлопъ-коммунистъ* сейчасъ былъ бы брошенъ въ тюрьму и пр. Между партіями начался бы споръ о начальствѣ въ походѣ и о предводительствѣ въ странѣ, именно поднялся бы споръ о томъ, которая изъ партій должна составлять «жондъ» народный и организовать «вѣшающихъ жандармовъ». Объ этомъ возникла бы междоусобная и ожесточенная борьба. «Слово» справедливо прибавляетъ, что «всегда смѣло можно предполагать такой исходъ дѣла, потому что такъ было во времена Рѣчи Посполитой и потому, что партія польско-шляхетская осталась вѣрною традиціямъ своихъ предковъ...»

СТАТИСТИЧЕСКОЕ СВѢДЕНІЕ О ВСѢХЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ ГОДУ У СЛАВЯНЪ.

Въ одной львовской газетѣ напечатаны слѣдующія интересныя статистическія вычисленія: «Всѣхъ *славянскихъ газетъ и журналовъ* въ текущемъ 1869 году выходитъ 394, а именно: 198 русскихъ, 77 чешскихъ, 69 польскихъ, 27 хорватско-сербскихъ, 11 словацкихъ, 6 словенскихъ, 3 лужицко-кашубскихъ и 3 болгарскихъ. Между ними *политическихъ* 149, а именно: русскихъ 89, польскихъ 19, чешскихъ 17, сербско-хорватскихъ 12, словацкихъ 4, словенскихъ 4, болгарскихъ 3 и лужицкая 1; *литературныхъ* журналовъ 59, а именно: 22 русскихъ, 16 польскихъ, 11 чешскихъ, 7 сербо-хорватскихъ, 1 словацкій, 1 словенскій и 1 кашубскій; всѣхъ *иллюстрированныхъ* между ними—36, а именно: русскихъ 8, польскихъ 3, чешская 1 и т. под. *Юмористическихъ* всѣхъ 13; между ними: русскихъ 5, чешскихъ 4, польскихъ 2, сербская 1, словацкая 1; *хозяйственныхъ* и промысловыхъ—27, а именно: русскихъ 8, польскихъ 8, чешскихъ 8, сербскихъ 2, словацкихъ 1; художественныхъ и *модныхъ* 13, а именно: русскихъ 9, польскихъ 2, чешскихъ 2; *техническихъ* 6, и то только русскихъ; *педаго-*

гическихъ и дѣтскихъ 17,—изъ этого числа русскихъ 9, чешскихъ 4, польскихъ 3, хорватскихъ 1; *по естественнымъ наукамъ и географіи*—9,—изъ нихъ русскихъ 8 и у чеховъ 1; *юридическихъ* 6, а именно: русскихъ 3, сербскихъ 2 и 1 чешская; *церковныхъ*—20, а именно: русскихъ 3 (составитель сосчиталъ не всѣ даже крупные духовные журналы и, и очевидно, не имѣлъ въ виду русскихъ *епархіальныхъ вѣдомостей*) чешскихъ 8, польскихъ 4, словацкихъ 3; *различнаго содержанія*—46, а именно: русскихъ 27, чешскихъ 8, польскихъ 4, словацкихъ 3, лужицкихъ 2 и сербская 1». Такъ какъ журналы и газеты, выходящіе въ Россіи и на русскомъ языкѣ, составляютъ половину всѣхъ газетъ и журналовъ, печатающихся на славянскихъ нарѣчіяхъ, то становится понятнымъ, почему во всѣхъ не русскихъ славянскихъ племенахъ, при развитіи національнаго чувства и при возбужденіи идеи единенія славянъ, появилось стремленіе къ изученію русскаго языка. Очевидно, что если у славянъ можетъ и долженъ быть одинъ дипломатическій и въ нѣкоторой степени литературный языкъ, то такимъ общеславянскимъ языкомъ можетъ быть только языкъ русскій. Уже и теперь литература русская на столько богата, что знакомство съ нею было бы полезно для самаго образованнаго западно-европейца, какъ и признали это нѣкоторые нѣмецкіе педагоги и даже нѣкоторые изъ французскихъ ученыхъ. Если же за границею, въ славянскихъ и не славянскихъ обществахъ, такъ начали интересоваться изученіемъ русскаго языка, и если это стремленіе столько справедливо и естественно, особенно въ нашихъ соплеменникахъ,—то для насъ, русскихъ, практическій выводъ изъ этого факта—тотъ, что намъ не слѣдуетъ останавливаться на полдорогѣ въ дѣлѣ распространенія и усиленія русскаго языка въ нашихъ окраинахъ.

(Веч. Газ.)

---

4 АПРѢЛЯ ВЪ ВИЛЬНѢ.

4-го апрѣля, въ приснопамятный для всей Россіи день избавленія отъ опасности, грозившей драгоцѣнной жизни нашего Государя, происходило въ Вильнѣ, въ храмахъ всѣхъ вѣроисповѣданій, торжественное возношеніе всенародной благодарственной молитвы къ престолу Всевышняго о чудномъ спасеніи Помазанника

Божія. Въ этотъ день въ православномъ Николаевскомъ соборѣ Божественную литургію совершалъ преосвященный Іосифъ, епископъ ковенскій, соборнѣ, въ присутствіи помощника главнаго начальника края князя П. Р. Багратіона, высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и множества народа. По окончаніи литургіи, изъ собора послѣдовалъ на Георгіевскую площадь къ александро-невской часовнѣ крестный ходъ съ хоругвями и образами, въ числѣ которыхъ блистала несенная однимъ изъ воспитанниковъ виленскихъ народныхъ училищъ икона Спасителя, благословляющаго дѣтей, недавно пожалованная молодечнянской учительской семинаріи, въ благословеніе, отъ Ихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича и Его Августѣйшей Супруги. Благодарственное молебствіе на площади, въ присутствіи громадной массы народа, совершено было съ колѣнопреклоненіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, послѣ чего образа и хоругви, вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ, возвратились въ соборъ. Вильна, въ продолженіи всего дня, имѣла вполнѣ праздничную физіономію: магазины и лавки были закрыты, дома украшены флагами, а вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминованъ.

(Вил. Вѣст.)

ЛЬВОВСКАЯ ГАЗЕТА «СЛОВО» О ПОЛИТИКѢ ПОЛЯКОВЪ.

Львовская газета „Слово" не перестаетъ раскрывать политику поляковъ. Показавши, насколько поляки мятежемъ 1863 г. повредили своему дѣлу, потому что у нихъ теперь въ земляхъ, принадлежащихъ русской коронѣ, отобраны почти всѣ средства пропагандировать польщизну, „Слово" указываетъ, какъ поляки повели дѣло при новомъ порядкѣ вещей и какъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, ведутъ пропаганду теперь. „Имъ не удалось достигнуть власти надъ Россіею мятежемъ, такъ теперь покушаются они достигнуть того ласкательствомъ и подслуживаніемъ у разныхъ правительствъ. Своихъ противниковъ они представляютъ мятежниками—руссиновъ въ Галиціи, какъ приверженцевъ Россіи, а самихъ русскихъ въ Россіи, какъ соціалистовъ, коммунистовъ и демагоговъ. И эта коварная продѣлка дѣйствительно удалась имъ, потому что въ Австріи они получили полную влас-

надъ мнимыми мятежниками руссинами, чтобы ихъ ополячить. Нѣмцамъ поляки представляютъ руссиновъ въ Австріи, какъ москалей и схисматиковъ, а въ Россіи—переселившихся туда галицiйскихъ руссиновъ, какъ уніятовъ, папистовъ, украинофиловъ. Преосвященный епископъ Куземскій въ Австріи былъ москаль и схизматикъ, а въ Россіи, по представленію тамошнихъ поляковъ, онъ—папистъ и украинофилъ, потому что это имъ такъ нужно. Такимъ образомъ, они „разомъ обманываютъ оба правительства." Мало того. „Они жертвуютъ милліоны на ополяченіе Руси, на удержаніе мусульманскаго господства надъ христіанами въ Турціи, на мятежъ противъ Россіи и на подкупъ газетъ, чтобы онѣ писали въ ихъ пользу и прославляли ихъ мужество, а на руссиновъ клеветали и позорили." Нѣтъ, заключаетъ корреспондентъ, „если Польша въ полной силѣ своей въ продолженіе четырехъ вѣковъ не могла совершенно ополячить Русь, бывшую подъ ея владычествомъ, то теперь, при своемъ безсиліи, живя отъ крупицъ, падающихъ съ трапезы своихъ господъ,—она ничего не сможетъ сдѣлать." Кажется, полякамъ давно бы пора понять это и не задаваться осуществленіемъ такой мечты, надъ которою исторія уже произнесла свой неумолимый и неизбѣжный, по тѣмъ не менѣе естественный и справедливый, приговоръ.

(*Веч. Газ.*).

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ.

Иностранныя газеты въ послѣднее время все чаще и чаще стали сообщать извѣстія о томъ, что польская эмиграція находится въ какомъ-то особенно вожбужденномъ состояніи. Ея усилія обращены въ настоящее время преимущественно на военныя приготовленія. Заготовка оружія, вербованіе волонтеровъ, обученіе военному дѣлу будущихъ польскихъ воиновъ—вотъ тѣ важнѣйшіе пункты, на которые обращено теперь вниманіе польскихъ коноводовъ. Въ этихъ видахъ они озабочиваются, между прочимъ, устройствомъ военныхъ школъ, въ которыхъ польская молодежъ могла бы ознакомиться съ разными знаніями, нужными въ военномъ дѣлѣ. Подобная школа уже существовала до сихъ поръ въ Тулузѣ. Въ настоящее время эмиграція намѣрена открыть подобную же школу въ какой ли-

бо мѣстности Швейцаріи, напримѣръ, въ Цюрихѣ. Называютъ даже будущаго начальника этой школы,какого-то эмигранта Свѣнторжецкаго. Вербовка волонтеровъ ведется также неутомимо. Въ Швейцаріи, въ кантонѣ Санъ-Галленѣ, пойманы два вербовщика. Польскіе легіоны формируются также въ Парижѣ.—И такъ несомнѣнно, что польскіе патріоты готовятся къ чему-то. Но къ чему именно? Для чего или для кого формируются эти легіоны? На эти вопросы, кажется, безъ всякихъ недоумѣній можно отвѣчать, что виною всѣхъ этихъ движеній послужили бывшія и ожидаемыя въ будущемъ событія на востокѣ.

Поляки очень хорошо понимаютъ, что парижская конференція только отдалила рѣшеніе восточнаго вопроса, а отнюдь не рѣшила его. Раны блистательной Порты слишкомъ глубоки для того, чтобы ихъ можно было залечить въ нѣсколько дипломатическихъ консультацій. Интересы, связанные съ вопросомъ о греко-турецкой распрѣ, слишкомъ обширны и слишкомъ жизненны, чтобы ихъ можно было удовлетворить путемъ конференцій. Несчастные и подавленные христіане востока,—родные братья русскаго народа,—его или единоплеменники, или единовѣрцы. Поэтому-то русскій народъ постоянно питалъ къ нимъ самое глубокое сочувствіе; поэтому на западѣ представляютъ невѣроятнымъ, чтобы Россія въ случаѣ вооруженнаго столкновенія на востокѣ не приняла въ немъ дѣятельнаго участія. Польскіе вожди думаютъ совершенно также, и потому готовятъ свои легіоны, чтобы вмѣстѣ съ Турціею двинуть ихъ противъ Россіи. Но спрашивается, что именно имѣютъ въ виду поляки, намѣреваясь оказать помощь Турціи? Какую выгоду находятъ они для себя въ поддержкѣ мусульманскаго ига надъ народами, единоплеменными не только намъ, но и имъ? Какая связь соединяетъ Польшу съ Турціею, свободу и независимость Посполитой Рѣчи съ величіемъ блистательной Порты? Въ самомъ дѣлѣ трудно понять, какъ люди, ратующіе во имя человѣческихъ правъ, стремящіеся къ свободѣ, какими хотятъ казаться польскіе патріоты, могутъ спокойно попирать права и свободу другихъ и содѣйствовать торжеству дикаго азіятскаго произвола надъ христіанскими народностями. Но еще труднѣе понять, почему вообще незави-

симость Посполитой Рѣчи требуетъ укрѣпленія турецкаго владычества на Босфорѣ.

Много печальныхъ и глубоко-возмутительныхъ явленій представляетъ польская исторія. Много темныхъ дѣлъ совершено было польскими политическими партіями. Но это движеніе въ Турцію, это прислуживаніе передъ турецкими властями представляетъ едва ли не самое темное и возмутительное дѣло. Говоря это, мы остаемся чужды всякаго политическаго раздраженія. Насъ возмущаетъ не то, что польскіе патріоты рѣшаются помогать Турціи именно противъ Россіи,—мы глубоко убѣждены, что всѣ эти легіоны, вербуемые досужими польскими агитаторами, не въ состояніи много усилить турецкую армію,—но то, что люди, готовые на каждомъ шагу высказывать громкія фразы о свободѣ и человѣческихъ правахъ, выступаютъ теперь защитниками турецкаго господства. Фактъ этотъ, съ какой бы стороны ни посмотрѣли мы на него, не можетъ найдти себѣ оправданія. Въ самомъ дѣлѣ, если польскіе патріоты находятъ для себя возможнымъ поддерживать турецкое господство надъ христіанскими племенами, то чѣмъ они оправдаютъ свое недовольство русскою властью? Если они не признаютъ права славянскихъ народностей Турціи, то зачѣмъ такъ громко требуютъ признанія своихъ собственныхъ правъ? Польскіе вожди вполнѣ усвоили основный принципъ іезуитской доктрины, что цѣль оправдываетъ средства. Возгласы о свободѣ, ученіе о правахъ народовъ, теорія европейскаго равновѣсія, мечты объ историческомъ призваніи народовъ, quasi—научные этнографическіе выводы, словомъ все, что угодно, будутъ выставлять и защищать польскіе патріоты, если только это будетъ полезно для ихъ цѣлей. Такая неразборчивость средствъ есть наслѣдственный порокъ польскихъ политическихъ партій, проявлявшійся нѣкогда въ веселыхъ пирахъ магнатовъ, на которыхъ голодная шляхта торговала своимъ голосомъ на сеймѣ, а теперь перешедшій въ высшую сферу—въ сферу науки и печатнаго слова. Дѣятелей въ этомъ родѣ въ области и науки, и публицистики современная польская интелигенція представляетъ немало, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ средѣ этой нашелся человѣкъ, который безъ всякихъ долгихъ соображеній взялъ на

себя трудъ истолковать положеніе своихъ собратій на востокѣ, возвесть польско-турецкій союзъ въ теорію. Человѣкъ этотъ— Духинскій, который давно уже пріобрѣлъ себѣ извѣстность своими этнографическими выводами, которые поражаютъ своею нелѣпостью, и которые, однако, со словъ польскаго „изслѣдователя" повторяются многими французскими журналистами. Этотъ Духинскій издалъ недавно брошюру: „Поляки въ Турціи", въ которой старается дать оправданіе польско-турецкому союзу.

Важнѣйшими обвинителями противъ дѣйствій польскихъ вождей въ Турціи выступаютъ права тѣхъ христіанскихъ народностей, надъ которыми тяготѣетъ турецкое иго, и которыя теперь заявляютъ о своихъ историческихъ и національныхъ правахъ. Нужно было поэтому, во что бы то ни стало, доказать, что эти притязанія христіанскихъ народностей неосновательны, что національныя права не имѣютъ вообще значенія. Духинскій рѣшается на это. Онъ провозглашаетъ, что „принципъ національности—не принципъ, а недоразумѣніе". Если бы подобное мнѣніе высказано было четверть столѣтія назадъ, то оно, быть можетъ, не удивило бы никого. Но послѣ того, какъ принципъ національности самыми крупными событіями обнаружилъ свою жизненную правду, это мнѣніе является, по меньшей мѣрѣ, страннымъ. Любопытно, впрочемъ, какъ Духинскій объясняетъ себѣ возникновеніе того страннаго *недоразумѣнія*, которое принято называть *принципомъ національности*. Въ былое время, когда объединеніе Германіи составляло еще только мечту, находились люди, которымъ оно почему-то не нравилось. Чтобы поразить своихъ противниковъ, эти люди утверждали что принципъ національности—кабинетная выдумка, археологическое открытіе, не имѣющее ничего общаго съ современною дѣствительностью, что принципъ этотъ пущенъ въ ходъ изъ-за прилавковъ лейпцигскихъ книгопродавцевъ. Духинскій смотритъ на это нѣсколько иначе. Принципъ національности представляетъ онъ выдумкою не ученыхъ, а правителей, преимущественно вѣнскихъ политиковъ, которые возбуждали славянъ противъ мадяръ и мадяръ противъ славянъ и чрезъ это дали возможность и тѣмъ и другимъ сознать свою силу. Противъ этого нельзя не замѣтить, что подобныя объясненія, по

своему глубокомыслію, очень напоминають остроумныя объяснения философовъ XVIII вѣка, для которыхъ, напримѣръ, религія представлялась выдумкою жрецовъ и правителей.

Высказавъ свою остроумную мысль о томъ, что принципъ національности—недоразумѣніе, Духинскій обращается затѣмъ къ турецкимъ славянамъ. Онъ совѣтуетъ имъ бросить мечты о народномъ сомосознаніи и примириться съ дѣйствительностію. Эта дѣйствительность представляется Духинскому въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Онъ находитъ даже возможнымъ сказать: „Турки—единственные друзья восточныхъ славянъ и ихъ благодѣтели". „Если бы эти народы (восточные славяне), продолжаетъ далѣе Духинскій, не пришли къ сознанію своей народности, то турокъ былъ бы ихъ братомъ, или, по крайней мѣрѣ, они не стремились бы тогда къ достиженію того, чего желаютъ достигнуть въ настоящее время." Но народное самосознаніе уже пробудилось у турецкихъ славянъ, слѣдовательно миръ ихъ съ благодѣтелями турками является невозможнымъ. Нужны какія нибудь другія мѣры, чтобы укрѣпить связь турецкаго правительства съ его христіанскими подданными. Мѣры эти давно уже придуманы и приводятся въ дѣло разными пашами, самоуправствующими въ славянскихъ областяхъ Турціи. Польскимъ патріотамъ, убѣжденнымъ, что лучшіе друзья славянъ—турки, не оставалось ничего болѣе, какъ присоединить свои усилія къ усиліямъ этихъ почтенныхъ сановниковъ. „Мы, говоритъ Духинскій, должны употребить всѣ усилія, чтобы помочь Турціи; по мѣрѣ увеличенія могущества Турціи, будетъ возрастать и наше собственное могущество. Турція—естественная союзница поляковъ." Таково новое ученіе о союзѣ Польши съ Турціею. Судя по тому авторитету, которымъ пользуется въ польскомъ мірѣ авторъ брошюры: „Поляки въ Турціи", должно думать, что это ученіе найдетъ себѣ многихъ послѣдователей. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мысли Духинскаго какъ нельзя болѣе совпадаютъ съ настроеніемъ польской эмиграціи. Поэтому-то мы и позволили себѣ такъ долго остановиться на теоріи Духинскаго.

Но спрашивается, какихъ ближайшихъ цѣлей имѣетъ въ виду достигнуть польская эмиграція, готовясь оказать содѣйствіе Турціи? Какой планъ будущихъ дѣйствій предполагаетъ

ее польскіе вожаки въ случаѣ пожара на востокѣ?—Судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, мы можемъ нѣсколько догадываться объ этомъ. Есть извѣстія, что Чарторижскій, который поддерживаетъ сношенія съ Садикъ-пашею, находится въ связи съ австрійскимъ правительствомъ и употребляетъ теперь все свое вліяніе, чтобы усилить значеніе Вѣны въ глазахъ турецкаго правительства. Съ другой стороны нельзя не обратить вниманія на то, что польскія приготовленія ведутся особенно дѣятельно въ столицѣ Франціи, что тотъ же Чарторижскій, какъ говорятъ, увѣряетъ своихъ собратовъ, что въ случаѣ войны все уже приготовлено для того, чтобы польскіе легіоны вступили въ дѣло.

Европейскіе политики не разъ пользовались поляками въ своихъ видахъ. Они охотно поднимали, такъ называемый, польскій вопросъ и поддерживали несбыточныя надежды поляковъ всякій разъ, когда нужно было поставить какое нибудь препятствіе русской политикѣ. Поляки же съ своей стороны не хотѣли замѣтить, что они играютъ въ этихъ случаяхъ очень незавидную роль. Мало того, несчастная и давняя привычка ждать себѣ помощи извнѣ заставляла ихъ не только не отказываться отъ обманчивыхъ обѣщаній западныхъ политиковъ, но еще искать ихъ. То же самое можно видѣть и въ нынѣшнихъ движеніяхъ и приготовленіяхъ польской эмиграціи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ виду возможныхъ событій на востокѣ вѣнское и парижское правительства нашли полезнымъ дать волю воинственнымъ затѣямъ польскихъ вожаковъ. Австрія, потерявшая свое вліяніе въ Германіи, лишенная въ послѣднее время части своихъ владѣній, во что бы то ни стало, старается возстановить свое прежнее величіе. Съ этою цѣлію она давно обращаетъ свои взоры на востокъ. Но, встрѣчая здѣсь сильную соперницу для себя въ Россіи, она естественно употребляетъ всѣ усилія, чтобы ослабить ея вліяніе и приготовить себѣ здѣсь возможность территоріальныхъ вознагражденій. Австрійское правительство сочло за лучшее дѣйствовать при этомъ чрезъ поляковъ, чтобы лучше скрыть свои виды и не возбудить ничьего подозрѣнія. Что же касается до Франціи, то она издавна уже считаетъ почему-то опаснымъ для себя усиленіе вліянія Россіи на востокѣ, а потому счи-

таетъ для себя долгомъ, во что бы то ни стало, поддерживать Турцію. Поэтому ея участіе въ образованіи польско-турецкаго союза, т. е. въ соединеніи вопроса польскаго съ вопросомъ восточнымъ, не представляется также невѣроятнымъ. При этомъ стоило дать полякамъ самое легкое внушеніе о томъ, что они могутъ разсчитывать на сочувствіе и содѣйствіе Европы ихъ дѣлу, если только въ случаѣ нужды окажутъ требуемую отъ нихъ услугу, — и въ ихъ рвеніи нельзя было усумниться. Такимъ образомъ планы польскихъ патріотовъ, дѣйствующихъ съ такою предупредительностію въ пользу Турціи, создающихъ даже теорію какого-то „естественнаго союза" Польши и Турціи, объясняются очень просто. Получивъ какія-то внушенія, они стараются теперь выполнить ихъ въ той надеждѣ, что ихъ послушаніе и готовность къ услугамъ, эти скромныя добродѣтели, принесутъ свободу ихъ несчастной ойчизнѣ. Послѣ этого очевидно, что всѣ возвышенные возгласы объ „естественномъ союзѣ"—только звучныя фразы, что, отправляясь въ Турцію, поляки только ждутъ подачки и ждутъ совершенно напрасно.

Съ давнихъ поръ симпатіи поляковъ обращены къ Франціи и ея нынѣшнему правителю. Къ берегамъ Сены обращены были ихъ взоры, оттуда ждали они спасенія. Цѣлыми толпами устремлялись сюда польскіе эмигранты, такъ что число ихъ дошло теперь до 6,000. Въ средѣ этихъ эмигрантовъ созрѣвали всѣ планы будущаго возстановленія польскаго *крулевства*, и главную роль во всѣхъ этихъ планахъ должна была играть Франція. Поляки ждали, что рано или поздно Франція обратитъ вниманіе на ихъ ойчизну и подаритъ ей національную свободу. Между тѣмъ время шло, русское правительство дѣлало свое дѣло, а завѣтный подарокъ все не получался. Правда, нѣкоторые факты оправдывали, по видимому, тѣ надежды, которыя поляки возлагали на Францію. Такъ, напримѣръ, польскіе эмигранты пользовались во Франціи небольшою подачкою отъ правительства, которая, впрочемъ, въ послѣднее время прекратилась. Рѣчи „*краснаго принца*" и возгласы парижской журналистики могли также поселять въ полякахъ увѣренность въ сочувствіи къ нимъ Франціи. Но вѣдь отъ сочувствія до дѣйствія далеко... Что же касае-

ся до послѣдняго „польско-турецкаго союза," то онъ, если только въ образованіи его въ самомъ дѣлѣ принимала участіе Франція, не выказываетъ съ ея стороны особеннаго внимания къ польскому дѣлу. Если Франція находитъ полезнымъ для себя связать вопросы польскій и восточный, то это едва ли можетъ свидѣтельствовать о ея стремленіи ускорить рѣшеніе котораго либо изъ этихъ вопросовъ. Усложнять вопросъ не значитъ ускорять его рѣшеніе. А соединять вопросъ о Польшѣ съ вопросомъ о Турціи—это значитъ ставить первый въ явно неблагопріятное положеніе, или, лучше сказать, заранѣе рѣшать его, но рѣшать далеко не въ пользу польскихъ стремленій....

Надежды польскихъ патріотовъ на Австрію представляются уже не болѣе основательными, чѣмъ надежды на Францію. Впрочемъ, здѣсь дѣло представляется въ иномъ видѣ. Австрія въ настоящее время находится въ очень странномъ положеніи. Сшитая изъ клочковъ разныхъ земель и разныхъ національностей, она чувствуетъ теперь, что швы, соединявшіе эти клочки, расходятся, что все идетъ врозь, что каждая національность стремится къ обособленію и самостоятельности. Въ такомъ положеніи Австрія обращается то къ той, то къ другой изъ своихъ народностей, чтобы найдти въ ней себѣ помощь противъ другихъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ своихъ блужданіяхъ Австрія обратилась къ полякамъ и для обезпеченія ихъ сочувствія питаетъ и поддерживаетъ ихъ мечты. Но спрашивается, можетъ ли держава, находящаяся въ очень непрочномъ положеніи, дать какую либо сильную и рѣшительную помощь другимъ? Поляки, однако, думаютъ иначе. Они сильно агитируютъ теперь въ Австріи, и одни изъ ихъ патріотовъ,—напримѣръ, Фр. Смолька,—доказываютъ, что Австрія непремѣнно должна соединиться съ поляками, чтобы не быть поглощенною Россіею, между тѣмъ другіе,—напримѣръ, I. Шуйскій,—увѣряютъ, что Австрія должна признать польскія требованія, чтобы не быть проглоченною Пруссіею. Намъ кажется, что ни та, ни другая держава,—т. е. ни Россія, ни Пруссія,—не имѣютъ никакого желанія проглатывать Австрію, и что не внѣшніе враги, а внутреннія болѣзни угрожаютъ имперіи габсбурговъ. Отъ этихъ

болѣзней едва ли спасетъ Австрію соглашеніе съ поляк… которое, впрочемъ, окажется столь же безполезнымъ и д… самихъ поляковъ. Это союзъ двухъ больныхъ,—союзъ, кот… рый становится еще болѣе страннымъ, если къ нему прист… етъ еще третій „больной человѣкъ."

(Веч. Газ.)

…ѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖАНДАРМО—ВѢШАТЕЛЯХЪ ВЪ ЦА… СТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Считаю не лишнимъ сообщить вамъ нѣсколько свѣдѣн… касающихся раскрытія политическихъ убійствъ, совершенны… жандармами-вѣшателями во время послѣдняго возстанія, и о… стававшихся неизвѣстными до послѣдняго времени.

Въ 1866 году политическія преступленія второстепен… важности, какъ-то: собраніе податей на дѣло мятежа, прост… бытность въ бандѣ и проч. уже не преслѣдовались съ прежн… строгостью, но вся забота коммиссіи была обращена, съ од… ной стороны, на раскрытіе революціонныхъ организацій и от… дѣльныхъ личностей, стоявшихъ во главѣ разныхъ политич… скихъ кружковъ, а съ другой—на обнаруженіе дѣйствій жан… дармовъ-вѣшателей.

Правда, жандармы-кинжалисты города Варшавы, поддерживавшіе городскую организацію и продлившіе своими дѣйствіями мятежъ долѣе, чѣмъ можно было ожидать, усиліями этой коммиссіи, до 1866 года, почти всѣ были обнаружены; но въ провинціяхъ Царства еще многіе изъ политическихъ убійцъ оставались въ средѣ общества безнаказанными. Нѣкоторые даже предводители шаекъ, такъ-называемыхъ жандармовъ-вѣшателей, по приведеніи къ присягѣ на вѣрность Государю, были водворены на прежнія мѣста жительства, а небольшія шайки ихъ распространились по всему краю, скрывая передъ властями совершенныя злодѣянія, называя себя простыми повстанцами.

Въ этомъ-то отношеніи крестьяне принесли существенную пользу своими заявленіями, какъ объ укрывавшихся убійцахъ, такъ и убійствахъ, остававшихся до того негласными. Для примѣра представляемъ два случая.

1) Такъ крестьяне довели до свѣдѣнія властей, что возвратившійся изъ банды и выполнившій присягу шляхтичъ, экономъ Петръ Мачуліонисъ, былъ жандармомъ-вѣшателемъ. По доставленіи затѣмъ названной личности къ слѣдствію обнаружено, что Мачуліонисъ, бывшій прежде монахомъ доминиканскаго ордена въ Варшавѣ, а потомъ, послѣ мятежа, экономомъ одного имѣнія въ Люблинскомъ уѣздѣ, былъ сначала жандармомъ-вѣшателемъ, а подъ конецъ возстанія самъ командовалъ шайкой вѣшателей подъ псевдонимомъ капитана „Бича," былъ въ то время грозой не только для мирныхъ жителей, но и для шаекъ; между прочимъ онъ сжегъ одну деревню и повѣсилъ предводителя банды Шидловскаго, отобравъ находившуюся у него значительную денежную сумму, болѣе 18,000 р.

2) Почти всѣ жандармы-вѣшатели небольшой конной шайки Дамзе, а потомъ Савицкаго, послѣ побѣга послѣднихъ своихъ предводителей, Островскаго и Бертранда, разошлись по домамъ и, по выполненіи присяги, поселились въ разныхъ мѣстахъ края. Въ началѣ 1866 года, вслѣдствіе заявленія одного крестьянина Минскаго уѣзда объ убійствѣ мятежниками проѣзжавшаго въ почтовой каретѣ офицера, коммиссія, начавъ слѣдствіе, сначала обнаружила, что убійство это, оставшееся негласнымъ до 1866 года, точно совершено шайкой Савицкаго. Далѣе, путемъ тщательнаго и продолжительнаго изслѣдованія, обнаружено, что убитый офицеръ былъ проѣзжавшій поручикъ сѣвскаго пѣхотнаго полка, Кондратовичъ, сопровождавшій свою партію въ городъ Кельце, что онъ убитъ въ [illegible]скомъ уѣздѣ, въ имѣніи Духновъ, 14-го (26-го) сентября [illegible] года, что убійцы въ жиломъ домѣ помѣщика Цѣшковскаго [illegible]лись вещами жертвы, а бумаги его и забранную почтовую корреспонденцію сожгли. Пойманные затѣмъ по указанію коммиссіи шесть человѣкъ изъ этой шайки, послѣ продолжительнаго запирательства, сознались въ убійствѣ Кондратовича, [illegible] цѣлый рядъ злодѣяній, совершенныхъ Дамзе и Савицкимъ, и указали до двадцати человѣкъ своихъ соучастниковъ, объ отысканіи коихъ сдѣлано дальнѣйшее распоряженіе. [illegible] Въ ночь на 11-е іюня 1865 года злоумышленники напали на домъ отставнаго чиновника правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, коллежскаго совѣтника Свѣнт-

скаго, проживавшаго въ имѣніи Лазы, Луковскаго уѣзда, причемъ домъ сожгли, а его самаго, по подозрѣнію въ доносѣ на луковскихъ монаховъ - бернардинцевъ, убили. Через нѣсколько мѣсяцевъ коммиссія обнаружила, что Свѣнтскій убитъ шайкой разбойниковъ, оставшейся послѣ казненнаго ксендза Бржоско, и поступившей въ командованіе монаха Ченстоховскаго монастыря, Станислава Буянка. Пойманный прежде всего, по указанію коммиссіи, шляхтичъ Осипъ Издебскій, сознался въ этомъ убійствѣ, разъяснилъ всѣ подробности онаго и указалъ мѣсто укрывательства прочихъ злоумышленниковъ.

Въ концѣ прошлаго года, по указанію коммиссіи же, былъ пойманъ въ Галиціи и переданъ въ Варшаву монахъ Буянекъ, окончательно разъяснившій не только убійство Свѣнтскаго, но и другія злодѣянія, совершенныя какъ бандой Бржоско, такъ и подробленными потомъ шайками. По указанію затѣмъ Буянка пойманы еще нѣкоторые преступники, о коихъ производится слѣдствіе, а другіе разыскиваются.

Вообще значительную часть дѣлъ (болѣе чѣмъ ³₄) составляютъ дѣла объ убійствахъ, разбояхъ, поджогахъ и грабежахъ совершенныхъ политическими злоумышленниками, бродившими по разбитіи шаекъ по лѣсамъ съ оружіемъ въ рукахъ. Дѣла этого рода, по связи ихъ съ другими, по закоренѣлости преступниковъ, опирающихъ главнымъ образомъ свой разсчетъ на давность и то, что многіе изъ соучастниковъ убиты, бѣжали или сосланы, представляютъ въ производствѣ много трудностей и иногда длятся по нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ одномъ Остроленскомъ уѣздѣ оказалось болѣе тридцати убійствъ, значительная часть коихъ хотя была извѣстна, но не обслѣдована до 1866 года. Не смотря на давность и на то, что убійцы успѣли прежде увернуться, нынѣ путемъ тщательнаго изслѣдованія, почти всѣ приведены къ сознанію, а несознавшіеся уличены въ своихъ злодѣяніяхъ—соучастниками.

Большая часть убійствъ выпадаетъ на долю мелкой шляхты и ремесленнаго класса, принуждавшаго иногда крестьянъ исполнять казнь, съ цѣлью предупрежденія доносовъ съ ихъ стороны. Но иногда убійствами располагали дворяне, чиновники, преимущественно войты гминъ, ксендзы и даже евреи,

уководимые мелкимъ разсчетомъ. Какъ примѣръ убійствъ ри содѣйствіи ксендзовъ, можно указать два случая: а) мѣщанинъ г. Янова, Пржаснышскаго уѣзда, Францъ Бѣльскій, не пускавшій своего сына Осипа Бѣльскаго въ банды, повѣшенъ за то, по приказанію мѣстнаго настоятеля ксендза Квятковскаго, бывшаго революціоннымъ начальникомъ и организаторомъ г. Янова и б) трое крестьянъ деревни Богуцице, Пинчовскаго уѣзда, были выданы на смерть своимъ настоятелемъ ксендзомъ Францомъ Цищкомъ.

По наговору евреевъ былъ повѣшенъ жандармами-вѣшателями еврей м. Макова Гринбергъ, доносившій начальству о разныхъ злоупотребленіяхъ своихъ единовѣрцевъ и чиновниковъ при покупкѣ казеннаго лѣса: главные виновники евреи Мотельдонъ и Фишбинъ преданы полевому суду, вмѣстѣ съ жандармами, повѣсившими Гринберга.

Только въ 1866 году раскрыты вполнѣ дѣйствія жандармовъ-вѣшателей въ гор. Гурѣ Кальваріи. Одинъ изъ вѣшателей, каменьщикъ Кемпинскій, участвовавшій въ поджогѣ казармъ, въ убійствѣ войта гмины Конаръ Костецкаго, и многихъ другихъ злодѣяніяхъ, пойманъ по указанію коммиссіи въ Краковѣ и нынѣ преданъ полевому суду, а прочіе поискиваются.

Въ 1866 году коммиссія разсматривала 468 дѣлъ, т. е. менѣе противъ 1865 года 50-ю дѣлами. По дѣламъ этимъ, равно по дѣламъ, оставшимся отъ 1865 года и поступившимъ въ судъ, содержалось подъ арестомъ всего 1404 человѣка, изъ коихъ 347 человѣкъ оставалось отъ прошлаго года. Кромѣ всѣхъ оставшихся отъ 1865 года, показанныхъ въ убыли, освобождены еще въ 1866 году 847, затѣмъ къ 1-му января 1867 года оставалось подъ арестомъ всего съ подсудимыми 240 человѣкъ.

Въ числѣ арестованныхъ въ 1866 г. 1,057 человѣкъ было:

дворянъ	180
однодворцевъ (шляхты)	202
чиновниковъ	66
духовныхъ	36
купцовъ	11
мѣщанъ	347
крестьянъ	117

воинских чинов 30
иностранцевъ. 27
евреевъ. 41

всего. . . 1,057 (1)

Изъ нихъ предано суду какъ полевому, такъ и общему уголовному 220 человѣкъ, выслано на жительство въ Имперію административнымъ порядкомъ 16; передано за границу 25 человѣкъ; остальные затѣмъ, кромѣ 210 оставшихся къ 1867 году подвергнуты разнымъ административнымъ взысканіямъ, какъ-то: тюремному заключенію, денежнымъ штрафамъ, вмѣненію въ наказаніе содержанія подъ арестомъ, удаленію отъ службы, отдачѣ подъ надзоръ полиціи и проч.

М. У.
(С.-Пт. Вѣд.)

ИЗГНАНІЕ ПОЛЯКОВЪ.

Извѣстно, что польскимъ эмигрантамъ французское правительство еще въ прошломъ году отказало въ поддержкѣ деньгами; республиканскія власти Швейцаріи въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ многихъ польскихъ эмигрантовъ удалили изъ своего края. Нынѣ же гонятъ ихъ даже и изъ Рима. Римскій корреспондентъ пишетъ въ краковскомъ *Часѣ*, что „кардиналъ Антонелли призвалъ къ себѣ бѣглыхъ польскихъ ксендзовъ, живущихъ въ столицѣ св. Петра, и совѣтовалъ имъ, чтобы они какъ можно скорѣе возвратились въ отечество (т. е. въ Россію) и подчинились вполнѣ волѣ (русскаго) правительства, которое готово помиловать раскаявшихся, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они свято исполняли законы государства и волю высшаго правительства во всемъ, что не наноситъ вреда религіи и церкви. Кардиналъ прибавилъ, что, по высшимъ соображеніямъ, римская курія не можетъ дозволить бѣглымъ польскимъ ксендзамъ дольше оставаться въ Римѣ.“ Если справедливо это

---

(1) Это результатъ дѣйствій „слѣдственной коммиссіи“ надъ остатками лишь агитаторовъ минувшаго бунта, успѣвшихъ избѣжать заслуженной ими кары на мѣстахъ преступленій. *Ред.*

по истинѣ неожиданное со стороны римско-католическаго правительства распоряженіе, то интересно было бы разгадать тѣ *высшія соображенія*, по которымъ римская курія вздумала измѣнить свою вѣковую и обыкновенную политику по отношенію къ Россіи, и стала внушать католикамъ-полякамъ совсѣмъ не то, что слышали они отъ нея лѣтъ пять-шесть назадъ. Не безденежье ли, такъ подтачивающее исконную пышность и торжественность римскаго папскаго двора, одно изъ этихъ *высшихъ соображеній*? О другомъ изъ этихъ *соображеній* можно догадываться изъ письма ксендза Микошевскаго, бывшаго члена *народнаго ржонда* и, конечно, эмигрировшаго изъ Россіи. Письмо адресовано къ папѣ и напечатано въ галицкой *Народовой Газетѣ*. Въ немъ ксендзъ Микошевскій жалуется на какія-то интриги польскихъ же монаховъ воскресенцевъ, въ слѣдствіе которыхъ у него въ квартирѣ сдѣланъ полиціею обыскъ, и его приказано выслать изъ Рима. Львовская газета *Слово* замѣчаетъ, что „ксендзъ Микошевскій, какъ истый польскій патріотъ, во всемъ этомъ обвиняетъ *москалей* (!) и называетъ польскихъ монаховъ воскресенцевъ, *людьми, подкупленными Москвою*; но замѣчательно, что онъ самъ въ томъ же письмѣ къ папѣ говоритъ, будто *воскресенцы* донесли на него священной римской консультѣ (т. е. тайной полиціи), что *онъ* (Микошевскій)—*русскій* (!) *шпіонъ*. Таковы польскіе ксендзы—интриганы вездѣ, гдѣ они ни явятся, и поэтому неудивительно, что римское правительство, для собственнаго спокойствія, желаетъ освободиться отъ этихъ непризванныхъ мучениковъ польской справы.“ Въ самомъ дѣлѣ, если эта страсть поляковъ и въ частности ихъ ксендзовъ къ политическимъ интригамъ была причиною, заставившею ихъ покинуть свою „ойчизну“, если въ слѣдствіе этой лихорадочной, сумасбродной страсти перестали во Франціи платить субсидіи польскимъ выходцамъ, какъ людямъ ничтожнымъ и вреднымъ для общественнаго спокойствія, если изъ-за нея много приходится хлопотать и присматривать за ними лондонской полиціи, если изъ-за нея же, наконецъ, высылаютъ поляковъ-эмигрантовъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Швейцаріи,—страны, наиболѣе свободной въ Европѣ и наиболѣе терпящей всевозможныя ученія и общества,—то неудивительно, что своими интригами поляки, поселившіеся въ Римѣ и

обыкновенно несостоятельные и безденежные, наконецъ, надоѣли св. отцу и его министрамъ....

(*Варш. Днев.*)

Корреспондентъ львовской газеты „Слово,“ разсуждая о стремленіяхъ поляковъ къ національной самобытности и къ возстановленію Польши въ бывшихъ нѣкогда ея границахъ и выясняя всю несостоятельность этихъ мечтательныхъ замысловъ, говоритъ, что „Русь и знать ничего не хочетъ о Польшѣ (т. е. самостоятельномъ государствѣ), да и хотѣть знать не можетъ, потому что исторія Польши отъ Казимира есть исторія *неволи и порабощеній*, отъ которыхъ теперь освобождаются всѣ народы,“ и которыя противорѣчатъ основному характеру нашей эпохи. „У насъ въ милліонахъ русскихъ сердецъ написано: польскіе *паны* и русскіе *хлопы* никогда не сдѣлаются однимъ цѣлымъ. Польша, по нашему,—рай для *шляхты*, адъ для крестьянъ-*хлоповъ*. Такъ это было прежде; такъ оно выходитъ и нынѣ. Вотъ демократъ говорилъ на львовскомъ сеймѣ, что на вашихъ польскихъ знаменахъ было написано: *за вольность вашу и нашу!* Гдѣ же вы сражались *за вольность?* Не у нашихъ ли казаковъ была неволя, а вы имъ несли волю съ нагайкою и ксендзами? Вы служили Наполеону I: что же? волю развѣ давалъ онъ италіянцамъ, испанцамъ, нѣмцамъ и славянамъ? Быть можетъ, мадяры, спалившіе въ 1848 и 1849 гг. сербскія, румынскія и нѣмецкія села и показавшіе *чудеса варварства* въ славянскихъ земляхъ,—несли *свободу*? Развѣ народъ въ Россіи нынѣ въ неволѣ, а вы несете ему волю? Какую же волю? И за что онъ билъ и вязалъ васъ (въ 1863 г.) своими руками? За волю или за неволю? Этотъ народъ знаетъ, какова была Польша, и видитъ, что та *воля*, которую вы ему готовите, будетъ та же самая, что и прежняя. Въ прежней Рѣчи Посполитой король былъ безъ власти, а тысячи короликовъ съ абсолютною властію. Права были писаны, но каждый шляхтичъ былъ самъ себѣ правомъ. Прежняя Рѣчь Посполитая и нынѣшняя Турція, если не считать въ первой сеймовъ и сеймиковъ, точно братъ и сестра; тамъ и здѣсь тѣло и душа

ıростолюдина были во власти привилегированныхъ. Отсюда-то ı симпатіи ваши къ Турціи, а наши къ народамъ-мученикамъ урецкимъ... Турція держится еще въ силу интереса европейкаго равновѣсія, а Польша ваша упала, потому что поддерживать столь грѣшное тѣло не было въ интересѣ Европы. Эна упала, а народы отдохнули и стали на ноги точно послѣ тяжкаго тифа. Въ Пруссіи польскій народъ просвѣтился, разбогатѣлъ и рѣшительно не желаетъ перемѣны нѣмецкихъ правъ на польскія. Въ Австріи оставлена панамъ большая власть надъ крестьянами: они не дали *хлопамъ* просвѣтиться, забрали ихъ имущество, споили ихъ и довели до крайней нужды. Еще хуже было въ русской Польшѣ: Россія ласкала и голубила пановъ и дала имъ волю бить крестьянина и грабить его имѣнія. И вотъ крестьянинъ тамъ былъ еще больше мученъ, чѣмъ у насъ (не худо было бы замѣтить это сторонникамъ польской *Вѣсти*); тамъ Польша разгнѣздилась еще хуже, чѣмъ въ Рѣчи Посполитой. За эту ошибку, допущенную относительно народа и вѣры, палъ на Россію судъ Божій: крымская война и ваша польская революція, и Россія, покаявшись, начала исправлять свои ошибки и сравняла русскаго крестьянина, стонавшаго подъ польскимъ панствомъ, съ крестьяниномъ великорусскимъ въ народныхъ и гражданскихъ правахъ. Вы ей того простить не можете! Дѣло понятное: поляки видятъ, что примѣненіемъ началъ, выраженныхъ въ манифестѣ 19 февраля 1861 года, къ крестьянскому вопросу въ Польшѣ — фактически и навсегда устранена возможность возстановленія Рѣчи Посполитой, этой уродливой и безнравственной по своимъ принципамъ государственной организаціи. Революція 1863 г., бывшая въ интересѣ исключительно шляхты, убѣдительно подтвердила это. Эта неудача многихъ поляковъ уже отрезвила, и для политика и историка всегда будетъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости суда исторіи надъ народами, усвоившими ложныя начала жизни...

(Веч. Газ.)

КІЕВЪ, 3-го МАРТА.

Г. кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, прибывъ 1 марта въ Кіевъ, въ воскресенье, 2 марта, въ 10 ч. утра принималъ всѣхъ служащихъ гражданскаго вѣдомства, начальниковъ отдѣльныхъ частей и членовъ присутственныхъ мѣстъ, а также дворянство, городское общество и лицъ, желавшихъ представиться его сіятельству. Обратившись ко всѣмъ собравшимся въ большомъ залѣ генералъ-губернаторскаго дома, князь, какъ передаетъ *Кіевлянинъ*, сказалъ:

Назначенный довѣріемъ Государя Императора на настоящую должность, и глубоко проникнутый всею святостію возложенныхъ на меня обязанностей, привѣтствую васъ, милостивые государи, съ полною надеждою, что совокупными трудами нашими, и съ помощію Божіею, осуществятся благія предначертанія Государя къ пользѣ и къ преуспѣянію юго-западнаго края. Призванные служить дѣлу, обратимся къ нему съ тою вѣрноподданническою преданностію, которая всегда такъ отличала русское сердце; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, постараемся избѣгать тѣхъ увлеченій, которыя могутъ вредить самому святому, самому правому дѣлу. Въ началѣ строгой законности и въ чувствѣ государственнаго долга буду искать свою силу и опору; не въ одномъ расположеніи управляемыхъ, но въ уваженіи ихъ ко всѣмъ частямъ администраціи буду видѣть тѣ залоги довѣрія, которые должны облегчить и упрочить труды управленія. Помогите же мнѣ, господа, помогите мнѣ исполнить все то, что внушаетъ мнѣ долгъ совѣсти, чести и присяги, которымъ я никогда не измѣнялъ."

Послѣ этихъ словъ послѣдовало представленіе чиновъ главнаго управленія краемъ, начальниковъ отдѣльныхъ частей гражданскаго вѣдомства, предсѣдателей и членовъ палатъ и управленій, представителей ученаго и учебнаго вѣдомства, городскаго сословія и дворянства, причемъ генералъ-губернаторъ обращался ко многимъ съ словами, имѣвшими болѣе частное значеніе. Такъ, на сколько можно припомнить, дворянамъ, представлявшимся князю, было высказано желаніе, чтобы поземельныя отношенія ихъ къ крестьянамъ въ скоромъ времени

окончательно определились; при чемъ его сіятельство выразился, что достигнуть этого возможно всего удобнѣе посредствомъ полюбовнаго соглашенія и что въ этомъ отношеніи онъ считаетъ себя въ правѣ разсчитывать на содѣйствіе самаго дворянства.

Чинамъ, служащимъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, князь сказалъ, что хотя многое по крестьянскому вопросу уже сдѣлано, но остается еще многое, требующее ихъ труда и законной дѣятельности. Городскому головѣ, поднесшему хлѣбъ-соль отъ имени города, генералъ-губернаторъ выразилъ увѣреніе, что городскіе интересы встрѣтятъ въ немъ всегда поддержку, что онъ будетъ содѣйствовать къ улучшенію городскаго хозяйства и устройству города. При представленіи судебныхъ слѣдователей и другихъ членовъ судебнаго вѣдомства, начальникъ края высказалъ ту мысль, что спокойствіе и порядокъ могутъ быть обезпечены или возстановлены только при полномъ взаимодѣйствіи судебной власти съ административною и что онъ надѣется, что чины судебнаго вѣдомства будутъ идти рука объ руку съ администраціею. Представителямъ контрольныхъ учрежденій, въ свою очередь, князь выразилъ намѣреніе содѣйствовать, на сколько отъ него зависитъ, въ дѣлѣ правильнаго теченія счетоводства, поступленія и расходованія государственныхъ суммъ, прибавилъ, что въ устраненіи и предупрежденіи различныхъ недоразумѣній, возникающихъ иногда при этомъ, контрольныя учрежденія будутъ взаимно ему помогать, не только оффиціально, но и частно. Наконецъ, ректору университета св. Владиміра князь сказалъ, что онъ самъ, какъ бывшій студентъ петербургскаго университета, тепло сочувствуетъ всему, касающемуся преуспѣянія кіевскаго университета.

(Веч. Газ.)

МОЛОДЕЧНО, 19-ГО ФЕВРАЛЯ 1869 Г.

Еще въ первый разъ Молодечно праздновало этотъ знаменательный для Россіи день съ такимъ торжествомъ, какъ сдѣлано было это теперь. Я думаю, что вообще этотъ праздникъ имѣетъ особенно значеніе въ деревнѣ. Правда, въ церкви здѣсь, за простымъ священническимъ служеніемъ, вы не

увидите такого собранія блестящихъ разнаго ро
какъ бываетъ это въ городахъ; народъ здѣсь—вс
думаю, что недостатокъ внѣшняго лоска съ изб
граждается искренностію молитвы, неподдѣльн
этой сѣрой, молящейся толпы: вѣдь здѣсь молит
божденный, молится за своего *Освободителя*: ту
быть искренности? Освободитель, конечно, поду
чтобы освобожденные понимали цѣну дара: „даро
просвѣтить благоволилъ". И вотъ, сидящіе неда
нѣ и тѣни смертной увидѣли великій свѣтъ, в
нихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ начинаютъ сознавать
благо свободы. По той мѣрѣ, чѣмъ выше будет
уровень истинно-русскаго, православнаго образов
дѣ, тѣмъ съ большею сердечностію русскій че
относиться къ Богу, своему Батюшкѣ Царю, от
приходилось слышать, что въ тѣхъ мѣстностяхъ
идетъ дѣло народнаго образованія, послѣднее и
ное вліяніе на окружающую его мѣстную, прост
вольно, незамѣтно оно все къ себѣ привлекаетъ
новое, жизненное, плодотворное движеніе.

Молодечно—это центръ западно-русскаго *нар*
ванія: сюда каждый крестьянинъ стремится свои
помыслами и желаніями; для своего сына онъ
другого, большаго счастія, какъ окончить молоде
тельскую семинарію. Побывавшіе въ Молодечн
ея дѣло (крестьяне), считаютъ потомъ и у себя
образцемъ для всего. Если бы то и то и у на
говорятъ крестьяне, какъ въ Молодечнѣ... „Мо
(кончившій семинарію) и вообще „народникъ",
„честно и грозно" онъ держитъ русское, правос
пользуется у народа большимъ почетомъ и ува
уже „народники"—старшины; а „молодечненцы
многихъ мѣстахъ пользуются общимъ вниманіемъ

Крестьяне молодеченскіе пришли въ настоя
той мысли, что 19 февраля недостаточно помо
въ церкви, а слѣдовало бы отпраздновать этотъ
будь особеннымъ. Они обратились къ г. посредни
его: нельзя ли устроить по мѣстечку крестны

омъ на площади среди мѣстечка отслужить торжественно олебенъ о здравіи Царя—Освободителя. Мѣстныя духовныя ласти не имѣли, конечно, никакого препятсвія къ такому оброму дѣлу. Послѣ обѣдни, по условному знаку, двинулся рестный ходъ изъ двухъ противоположныхъ концовъ мѣтечка—изъ семинарской церкви и изъ приходской. Тотъ и ругой сопровождался толпами народа, при стройномъ пѣніи ъ одной стороны хора изъ воспитанниковъ семинаріи,—съ рутой—изъ воспитанниковъ народнаго училища. Для Молоечна такое явленіе было въ высшей степени торжественно. Срестный ходъ сопровождали: всѣ воспитанники семинаріи во лавѣ съ своимъ директоромъ, посредникъ, становой приставъ, іѣсколько военныхъ лицъ. Великолѣпная ясная погода блаопріятствовала торжеству. Посрединѣ мѣстечка на площади ошлись обѣ половины крестнаго хода: началось молебствіе.

Кромѣ искренне молящейся много-головой массы, каждаго, і думаю, поразило бы то, что здѣсь крестьянскіе мальчики, іѣтъ восьми, сознательно уже понимали значеніе настоящаго торжества, и своимъ задушевнымъ пѣніемъ какъ бы изливали эту сердечную радость. Такъ сердечно поетъ только птичка, пущенная изъ клѣтки. Здѣсь въ собственномъ смыслѣ возносилась „хвала изъ устъ младенцевъ"... Мы видѣли у нѣкоторыхъ „за пазухой" даже книжки—ихъ будущее счастіе. Общимъ желаніемъ многолѣтія и благоденствія Освободителю закончилось церковное торжество.

Вечеромъ мѣстечко было иллюминовано. Особенно красивое зрѣлище приняла въ настоящемъ случаѣ семинарія. Толпы народу нахлынули на ея обширный дворъ. Но кромѣ иллюминаціи въ семинарію привлекало народъ и еще кое-что другое. Въ самомъ зданіи симинаріи, въ корридорѣ, воспитанники семинаріи пѣли разнаго рода пѣсни. Послушать русскую пѣсню—сердечное желаніе нашего крестьянина. Въ настоящемъ случаѣ никто не препятствовалъ его удовлетворенію и скоро классы и корридоръ семинаріи наполнились народомъ. Большинство оставалось на дворѣ. Воспитанники, какъ бы одушевленные присутствіемъ многочисленныхъ зрителей, не знали усталости. Отъ гимновъ (Боже Царя Храни и Славься, славься,) они переходили то къ разудалымъ, плясовымъ пѣснямъ,

въ родѣ „ахъ вы сѣни"... или „камаринской"...
щимъ близкое значеніе и отношеніе къ торжеству
„ахъ ты воля"... На зрителей производило не мал
и то обстоятельство, что ученики управлялись
бою безъ всякой посторонней помощи. Кром
„спасибо" отъ всѣхъ, отъ директора семинаріи
ленькое приличное угощеніе...

Вил.

ВИТЕБСКЪ, 10 ФЕВРАЛЯ.

Въ предшествовавшемъ нумерѣ нашей га
текстъ прошенія западныхъ христіанъ въ свя
о присоединеніи ихъ къ святой православной ц
мянули, что прошеніе это сопровождалось изда
противу папской власти и воззванія къ основ
скихъ національныхъ церквей; нынѣ, пользуясь п
ей 8 нумера „Современнаго Листка," спѣшим
нашихъ читателей съ содержаніемъ этого замѣ
кумента и взглядомъ на него упомянутой газ

Спаситель, говоритъ Овербекъ, основалъ
скую Церковь для всего міра и въ первое
Востока и Запада исповѣдывали одну и ту же
происходили всѣ прекрасныя послѣдствія мира
славное, великое единство Церкви „злобно
нарушено Римомъ. „Великая римская схизм
западѣ „честолюбіе и властолюбіе; а Восток
благаго Бога, сохранился неукоризненнымъ
Римъ коснѣетъ въ своихъ заблужденіяхъ и по
свой авторитетъ между собственными сынами,—
положены къ папству и считаютъ необходим
возстать противъ папства и подавить его, ил
нему съ совершеннымъ равнодушіемъ, незна
ставить его процессу саморазрушенія. Въ ка
въ настоящее время стоитъ папство къ като
ники дурнаго хозяйства Рима, которые каждый
кто только не закрываетъ себѣ умышленно

лазъ, весьма громко говорятъ противъ Рима. Или расторгающаяся теперь Испанія не есть обѣтованная земля папской религіи? Или Австрія дошла теперь до того положенія, въ которомъ мы видимъ ее, не отъ того, что въ теченіи 13 лѣтъ папа держалъ ее въ своихъ объятіяхъ? Или то были не римскіе патеры и монахи, которые мутили и возмущали Польшу?

Схизматическую и еретическую папскую церковь, которая безъ всякаго права усвояетъ себѣ имя „каѳолической Церкви" вы должны оставить, теперь же должны оставить, продолжаетъ Овербекъ, обращаясь къ католическимъ народамъ, потому что оставаясь въ ней дольше, вы только будете усиливать вашу виновность. Знаменія близкаго паденія составляютъ вовсе не тѣ извѣстныя, враждебныя церкви движенія въ Италіи, которыя однако папство не въ состояніи предупредить или остановить въ собственныхъ своихъ дѣтяхъ; нѣтъ, къ числу этихъ предзнаменованій паденія римской церкви мы относимъ: 1) всеобщее отчужденіе отъ нея всѣхъ глубоко и строго-религіозно настроенныхъ людей, душѣ которыхъ просто противно всякое ультрамонтанское направленіе; 2) невѣроятное надмѣніе и дѣйствительно непонятную притязательность папства, по движенію которыхъ оно говоритъ языкомъ міробладателя и требуетъ, чтобы рабски преклонялись предъ нимъ короли и императоры, племена и народы. Овербекъ заключаетъ V главу своего „протеста" слѣдующими словами: „теперь прежде безусловно-покорныя дѣти папства выросли, помочи сброшены и очарованіе исчезло." „Воздаждь отвѣтъ о приставленіи домовнѣмъ, обращается онъ къ папству: не возможеши бо ктому дому строити." Въ своей брошюрѣ Овербекъ еще нѣсколько разъ приходитъ къ подобнымъ же размышленіямъ и указываетъ факты гибельнаго вліянія папства на массы народа. Онъ обращается къ исторіи папскихъ нововведеній въ области догматики и здѣсь видитъ цѣлый рядъ намѣренныхъ искаженій, поддѣлокъ текстовъ. Въ заключеніе онъ снова повторяетъ: „оставьте же римскую церковь, оставьте теперь же!"

„Но куда жь намъ идти?" спрашиваетъ Овербекъ отъ лица католиковъ. „Протестантами мы не можемъ быть, потому что они ниспровергли каѳолическое основаніе непогрѣшимой Церкви

и Библію, заключающую въ себѣ столь много с
яблоко раздора, разбрасываютъ по всему хрис
Къ кому же идемъ?" Идите въ Церковь свв. Кип
Августина, Іеронима, Льва, Григорія великаго
падную каѳолическую Православную Церковь, въ
какъ она была одно съ восточною каѳолическою
когда она исповѣдывала одно и тоже правосл
составляла собою ту *единую каѳолическую Церк*
сновалъ нашъ Спаситель." „Гдѣ же эта западн
каѳолическая Церковь, къ которой принадле
св. отцы и которая существовала до самой сх
ваетъ Овербекъ и отвѣчаетъ: „папы *уничтож*
обязанность *возстановить* ее. На это-то дѣло
зываемъ: осуществить на дѣлѣ то, о чемъ так
ея одни слова! Поспѣшимъ—каждый, съ чѣм
возстановленія распавшагося святилища и буде
сточную православную Церковь, которая такъ
каѳолической истинѣ, принять насъ въ обще
явить намъ свою помощь въ возсозданіи наш
принимаемъ все чистое православное ученіе
семи вселенскихъ соборовъ и отрекаемся от
ній и злоупотребленій, отъ которыхъ отрека
ная Церковь. Это наше основаніе. На этом
меть и должна насъ принять въ общеніе съ с
ная Церковь. Съ нашей стороны это первый
ходимый шагъ,—ибо что мы можемъ преднача
и таинствъ?" „Наша западная православная ка
ковь имѣетъ удержать свой до-схизматическ
слѣдовательно, удержать тѣ обычаи и обряды
службы и т. д., которые римская церковь с
тотѣ. Никакихъ произвольныхъ перемѣнъ мы
Восточная православная церковь требуетъ
православія, а не отреченія отъ нашего западн
ствованія. *Западная православная церковь и*
право требовать себѣ отдѣльнаго существованія
ковь не будетъ оспаривать у ней это право и
въ томъ." Если же теперь западная право
во внѣшнемъ ея проявленіи, мало будетъ отлича

церкви, то внутренній ея характеръ, напротивъ, будетъ очень отличенъ отъ характера римской церкви.“

Далѣе X § „протеста“ состоитъ изъ перечисленія особенностей западной православной церкви отъ церкви римской. Для ознакомленія нашихъ читателей съ этимъ важнымъ вопросомъ, мы перепечатываемъ этотъ параграфъ:

1) Мы отрекаемся отъ новѣйшаго папства и всего, что держится на немъ.

2) Мы отрекаемся отъ ученія объ индульгенціяхъ, какъ отъ папскаго вымысла.

3) Мы не допускаемъ неканоническаго принужденія духовныхъ къ безбрачію и позволяемъ поступающимъ въ духовное званіе вступать въ бракъ, только прежде рукоположенія.

4) Мы отвергаемъ чистилище, въ смыслѣ матеріальнаго или вещественнаго огня, хотя принимаемъ среднее состояніе по смерти, въ которомъ пожившіе праведно, но еще не совсѣмъ очистившіеся (noch mit Flecken behafteten), вкушаютъ благословенные плоды молитвъ и добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ за нихъ вѣрными.

5) Мы отвергаемъ употребленіе изваяній и статуй въ церкви и допускаемъ только иконы.

6) Мы учимъ, что крещеніе должно совершать посредствомъ троекратнаго погруженія въ водѣ.

7) Мы учимъ, что за крещеніемъ непосредственно должно слѣдовать муропомазаніе и что сіе послѣднее дѣйственно можетъ совершать и священникъ.

8) Мы учимъ, что и міранъ должно пріобщать подъ двумя видами; и

9) что должно совершать св. таинство на квасномъ хлѣбѣ.

10) Мы признаемъ только одинъ Бенедиктинскій орденъ, который существовалъ еще до схизмы и имѣлъ истинно православно-каѳолическій характеръ.

11) Святыхъ канонизованныхъ римской церковію уже послѣ схизмы мы вовсе не признаемъ.

12) Мы учимъ, что національныя церкви (нѣмецкая, французская, англійская, богемская и т. д.) имѣютъ полное право существовать въ семъ видѣ; что онѣ независимы, но утверждаются на общемъ неизмѣнномъ православномъ основаніи

и находятся въ открытомъ общеніи съ констан
патріархомъ и другими вселенскими патріархам

13) Мы учимъ, что богослуженіе должно бы
на языкѣ того народа, для котораго оно соверш

14) Мы учимъ, что римская церковь не там
етъ возносить святые Дары и имъ поклоняться
ло бы, т. е. не тотчасъ же по произнесеніи слов
„Пріимите и пр. Пійте и пр.;“ потому что
совершается только по призваніи Святаго Дух
сіе призываніе Св. Духа (Epiklesis) искажено въ
жебникѣ, то мы можемъ восполнить его по Моз
жебнику, въ которомъ оно осталось въ правосла

15) Мы отвергаемъ ложное ученіе римской
хожденіи Святаго Духа отъ *Отца и отъ Сына,*
чимъ, что Онъ исходитъ *токмо отъ Отца.*

16) Мы учимъ, что спасительно преподавать
растнымъ св. причащеніе.

17) Мы учимъ, что таинство св. елеосвяще
отлагать до конца жизни: во всякой болѣзни он
пріемлемо спасительно.

18) Всего благопотребнѣе дѣло исповѣди пред
ному духовенству.

19) Римскаго ученія о непорочномъ зачатіи
ріи мы не можемъ принимать за догматъ, пото
ходимъ для сего основанія въ преданіи.

20) Мы отвергаемъ всякое насиліе и слѣд.
заніе въ дѣлахъ или упражненіяхъ чисто духовн

21) Мы признаемъ православно-каѳолическую
единственное и исключительное Самимъ Христом
учрежденіе для спасенія міра.

22) Мы не одобряемъ смѣшанныхъ браковъ
долгомъ требовать , чтобы дѣти отъ смѣшанных
спитывались въ православной церкви.

23) Церковь наша строго имѣетъ удержива
каго вмѣшательства въ политическія дѣла и по
кой отъ Бога установленной власти, памятуя сл
„царство Мое нѣсть отъ міра сего.“

Овербекъ говоритъ далѣе, что уже готова

ападной литургіи и немедленно можетъ быть представлена ъ разсмотрѣніе духовныхъ властей восточной церкви... „Что асается до совершенія таинствъ, то онѣ могли бы совершаться въ греческой или русской здѣсь церкви. Вообще же ы полагаемъ, что родъ и способъ совершенія таинствъ крещенія и муропомазанія должно намъ заимствовать отъ Восточной церкви.“

Дѣло соединенія въ той формѣ, въ какой предлагаетъ теерь Овербекъ, составляетъ плодъ четырехлѣтняго и всестонняго, зрѣлаго обсужденія этого вопроса, выразившагося ъ нѣсколькихъ сочиненіяхъ его, написанныхъ имъ въ эти етыре года.

Невозможно не отнестись съ чувствомъ глубокой благодарности къ Богу, благоустроившему столь знаменательное и столь радостное для всякаго истиннаго христіанина событіе. Господь видимо прославляетъ святую церковь свою, бывшую столь долгое время предметомъ порицаній и униженій, обращая къ ней сердца людей, невѣдавшихъ ея доселѣ. Не пять, не десять человѣкъ, но цѣлыя тысячи образуютъ изъ себя общество, которое должно получить свое освященіе отъ православной восточной церкви и—наименоваться *„православною западною церковію.“*

Нѣтъ надобности, говоритъ далѣе Современный Листокъ, распространяться, до какой степени важно по своему содержанію и своимъ послѣдствіямъ это дѣло, и потому является необходимость обсудить всѣ частности его. Необходимъ голосъ православной церкви, который бы послужилъ точнымъ выраженіемъ всѣхъ ея членовъ — и представителей, и пасомыхъ, въ окружномъ посланіи восточныхъ патріарховъ названныхъ „тѣломъ церкви.“ Начало соборности, дѣйствительно, составляетъ существенный характеръ православія; въ этомъ его сила, его могущество, его незыблемость. Нынѣ, когда, можетъ быть, совершится торжество православія на западѣ, тамъ раздается голосъ устарѣвшаго папы о вселенскомъ соборѣ, на которомъ хотятъ поддержать новыми подпорками человѣческое зданіе папства, разрушающееся отъ множества людскихъ неправдъ! Сколь же важно было бы созваніе собора на православномъ востокѣ, въ особенности въ ту многознаменательную эпоху,

когда здѣсь готово совершиться распространеніе
наго зданія Христовой церкви! Мысль о соборѣ з
прихоть властолюбивыхъ епископовъ, но необходим
для обсужденія насущныхъ вопросовъ вѣры. Не
что съ практической стороны созваніе православ
можетъ представить затрудненія. Изъ восточныхъ
только одни русскіе свободны, а всѣ другіе стра
тяжелымъ игомъ мусульманъ. Въ прошломъ году,
распространился слухъ о созваніи собора для рѣ
болгарскаго вопроса, въ газетахъ увѣряли, что
высказалъ свое рѣшительное намѣреніе отказать
епископамъ въ дозволеніи отправиться въ Россі
соборъ былъ созванъ въ нашемъ отечествѣ, а
знать, что онъ будетъ стоять и противъ пріѣз
епископовъ въ какое либо мѣсто Турціи, если б
боръ предположено было созвать на турецкой
Но эти трудности не могутъ быть безусловны.
копившіеся въ теченіи многихъ вѣковъ и завершаю
великимъ вопросомъ о возстановленіи единства м
славнымъ востокомъ и ищущимъ православія запа
живаютъ того, чтобы серьезно подумать о созв
славно-вселенскаго собора и объ устраненіи преп
торыя могутъ быть воздвигнуты узкимъ политичес
томъ.

Сообщая читателямъ нашей газеты эти важн
даго православнаго и дорогія для каждаго русска
мы убѣждены, что они вдумаются въ великое зн
вящихъ совершиться на западѣ событій и стану
и чаще возносить свои мольбы предъ престолом
щаго Бога о скорѣйшемъ соединеніи церквей.
этого великаго, непремѣнно, рано или поздно дол
го совершиться события для всего рода человѣче
числимы. Соединеніе западной церкви съ восточ
новленіемъ въ первой православія, притупитъ
уйметъ племенныя вражды, возстановитъ человѣ
шенія между порабощенными христіанскими племе
дычествующими надъ ними магометанами,—ускор
страненіе истиннаго просвѣщенія и, съ тѣмъ вм

пить матеріальное положеніе милліоновъ народа. Неужели обо всемъ этомъ нестоитъ подумать? Неужели можно сомнѣваться, что соединеніе церквей принесетъ не эти, а какія либо другія послѣдствія?

(*Вит. Губ. Вѣд.*)

СУЖДЕНІЕ ЛОНДОНСКОЙ ГАЗЕТЫ „TIMES" ОТЪ 16 (28) ДЕКАБРЯ 1868 Г. ОБЪ ОТВѢТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ПАТРІАРХА ГРИГОРІЯ ПО ПОВОДУ ПРИГЛАШЕНІЯ ЕГО ПАПОЮ НА СОБОРЪ ВЪ РИМѢ.

По общему сознанію и замѣчанію, здѣшній „Times" руководствуется слѣдующимъ девизомъ: „Tempora mutantur, et nos mutamur in illis." Такъ или иначе, только сегодняшній „Times" даетъ основаніе думать, что на иныя «значенія временъ» онъ, дѣйствительно, начинаетъ смотрѣть глазами человѣка современнаго и нѣкоторыя событія освѣщаетъ необычнымъ доселѣ для него свѣтомъ. Одна изъ передовыхъ его статей, гдѣ рѣчь идетъ о патріархѣ константинопольскомъ и римскомъ папѣ, служитъ тому отчасти доказательствомъ. Конечно, все еще по прежнему, онъ дерзокъ и заносчивъ; тѣмъ не менѣе слышатся на языкѣ его такія рѣчи, которыя доселѣ не слышались, и высказываются мысли, которыхъ онъ былъ чуждъ или, по крайней мѣрѣ, не отваживался высказывать. Вотъ почему не неумѣстнымъ находимъ упомянутую статью воспроизвести въ переводѣ, и даже не измѣняя того обычнаго Times'у тона, въ которомъ она написана.

«Читатели наши въ прошлую субботу (14—26 декабря) были ознакомлены съ такой особой, которая совершенно выходитъ изъ обыкновеннаго разряда ихъ мыслей и помысловъ. Безъ всякаго сомнѣнія, патріархъ константинопольскій есть весьма сановная церковная особа; но все-таки если къ кому, то *не* къ нему (казалось) могли бы мы обращаться за вразумленіемъ относительно современныхъ вопросовъ. Извѣстія, однакожь, прочитанныя нами сегодня о пріемѣ, сдѣланномъ имъ нѣкоторымъ папскимъ посланнымъ, невольно рождаютъ въ насъ желаніе знать объ немъ какъ можно больше. Рѣчь его, по сему случаю, представляетъ собою одинъ

изъ самыхъ дивныхъ (admirable) церковныхъ докуме
намъ когда-либо приводилось читать. Въ ней нѣтъ
слѣдовъ обычнаго пустословія; достоинство ея—обра:
ства и она вся прямо направлена къ дѣлу. Пат
въ виду нѣчто весьма рѣшительное сказать, и выска
самою достохвальною простотою и прямотою. Замѣч:
начинается его рѣчь, обличаетъ такой «здравый см
повидимому, никакъ нельзя бы было и ожидать вт
сточной широтѣ и отъ особы такого древняго—ant
ства. Какъ оказывается, патріархъ читаетъ журна:
ко читаетъ, но и усвояетъ имъ извѣстный авторит
папскіе принесли ему пригласительное письмо на
«вселенскій соборъ,» имѣющій быть въ Римѣ въ слѣ
Патріархъ же сказалъ имъ, что онъ съ благодарност
это письмо, еслибы не зналъ о предметѣ и содержан
же онъ о томъ изъ пригласительныхъ писемъ, пом
римскихъ журналахъ и въ другихъ журналахъ, заим
туда свои свѣдѣнія».

Такъ разумно уклонившись отъ обычной рути
ознакомился съ тѣмъ фактомъ, что, сзывая соборъ,
ко не думаетъ отказаться отъ своихъ характеристич
И такъ какъ эти начала «тяжко противны началам
восточной церкви», то патріархъ не видитъ, что б
пріобрѣсть путемъ подобнаго разсужденія. Это им
трудность, которую римская церковь всегда про
всѣмъ мѣрамъ взаимнаго соглашенія (accomodation),
житъ непреодолимою преградою между ней и ос
стіанствомъ. Она, въ семъ отношеніи, все одна и
ная ею непогрѣшимость дѣлаетъ то, что ей невозм
ся ни отъ одного изъ ея притязаній, и ни на одну
отъ ея доктринерной системы. Слѣдовательно, нево
содружество, или—возможно только на ея собствен
Она, пожалуй, будетъ и очень хорошимъ другомъ с
подъ условіемъ, лишь бы все дѣлалось такъ, ка
Патріархъ ясно видитъ, чего наши мечтатели не в
но, что такая папская поза (attitude) сразу устр
возможность къ возсоединенію. Единственный язы
папа можетъ говорить, есть языкъ деспота, требую

ція себѣ, и слѣдовательно тѣ, которые не думаютъ назвать себя ю всемъ виновными, тратятъ только время на попытку вступить ъ нимъ въ какую-либо негоціацію. «Такъ какъ его святѣйшество,» оворитъ патріархъ, «очевидно нисколько не желаетъ уклониться тъ своего положенія, то и мы (по благодати Божіей) не думаемъ клониться отъ нашего положенія.» Оставимъ же папу на его собтвенный произволъ: пусть онъ продолжаетъ идти своимъ путемъ, другія церкви пусть остаются въ независимомъ своемъ положеніи.), какъ много добрыхъ людей спаслись бы отъ бездны хлопотъ и аботъ, если бы могли взглянутъ на этотъ вопросъ въ этомъ проюмъ свѣтѣ! Когда папа задумаетъ допустить, что онъ и его церовь могли учинить и учинили какія-либо ошибки или заблужденія, тогда и намъ настанетъ время подумать объ Ερένικα 1) и какихъ-либо договорныхъ сдѣлкахъ. До тѣхъ же поръ, патріархъ оворитъ,—«least said, soonest mended—чѣмъ меньше говорить, тѣмъ учше.» Къ чему «раскрывать старыя раны и снова возбуждать огасшую ненависть вопросами и прерѣкательными словами, которыя о большой части кончаются разрывомъ и зложелательствомъ?» Нигда не нуждалась столько церковь «въ общей любви и соучастіи,» акъ теперь, и если разныя вѣтви ея не имѣютъ разумной наежды на взаимное между собою соглашеніе, то ужъ имъ лучше огласиться жить порознь, и каждой довольствоваться своимъ собгвеннымъ дѣломъ.

Но патріархъ въ то же время замѣчаетъ, что методъ, употребяемый папою, въ видахъ единенія церквей, есть совершенно прератный методъ. По мнѣнію его, «самый успѣшный и наименѣе аздражающій методъ для рѣшенія подобныхъ вопросовъ есть истоический методъ.» Дѣйствительно, если этотъ «историческій меодъ» усвоенъ будетъ въ Константинополѣ, и патріархъ, при поредствѣ его, будетъ опредѣлять истинныя начала церковной реормы, то церковный міръ будетъ имѣть основаніе надѣяться лучшихъ дней. Факты, приводимые патріархомъ, имѣютъ непрерѣаемое достоинство; жалѣть только надо, что, для признанія ихъ, ужно идти такъ далеко — на Востокъ. Дѣло всѣмъ извѣстное, оворитъ онъ, что, нѣсколько столѣтій тому назадъ, существовала ерковь, «которая содержала одно и то же ученіе на Востокѣ и

1) Намекъ на послѣднее сочиненіе д-ра Пьюзея.—*Перев.*

на Западѣ, въ древнемъ и въ новомъ Римѣ.» И вотъ, пока люди довольствовались этимъ знаменемъ ученія, они продолжали быть очень добрыми христіанами. Почемужъ и намъ не довольствоваться тѣмъ же, и достигать такимъ образомъ равно удовлетворительныхъ результатовъ. Патріархъ вполнѣ готовъ принять на себя слѣдствіе подобнаго метода. «Обратимся, говоритъ онъ, къ этой первобытной церкви, и посмотримъ, кто изъ насъ что либо прибавилъ къ ней или кто изъ насъ что либо отнялъ у ней; все прибавленное къ ней пусть будетъ откинуто, все отнятое отъ нея пусть снова будетъ возвращено ей; и вотъ тогда мы всѣ незамѣтно окажемся во взаимномъ между собою союзѣ, съ однимъ и тѣмъ же символомъ католическаго православія.» «Римъ, продолжаетъ онъ, уклонившись отъ сего пути, находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы расширять брешь, и успѣваетъ въ томъ при посредствѣ новыхъ своихъ ученій и учрежденій, несогласныхъ съ священнымъ преданіемъ.» Одинъ изъ римскихъ священниковъ невинно спросилъ тутъ патріарха, да какія же эти новыя ученія могли бы быть. Патріархъ естественно указалъ на притязаніе папы на главенство; но ученый отвѣтъ на папское приглашеніе, отъ лица англійской церкви, только что отпечатанный по латыни, послужитъ новымъ отпоромъ папѣ: тамъ просто указывается на то число, въ которое имѣетъ быть соборъ. Это есть 8-е декабря 1869, т. е. день „Immaculatae Deiparae Virginis Mariae Conceptionis sacrae.“ Эта послѣдняя «реторическая» выходка, «обращенная въ логику,» объявлена теперь папою членомъ Вѣры, и поставлена въ число существенныхъ условій для единенія съ нимъ въ вѣрѣ. Такимъ-то образомъ пораждать единеніе—у папы—значитъ—постоянно творить новыя ученія, новыя суевѣрія и новыя анаѳематствованія. Патріархъ, напротивъ, своимъ предложеніемъ, подающимъ столько надеждъ, имѣетъ въ виду не умноженіе догматовъ, а уменьшеніе ихъ 1); онъ и самъ идетъ и другихъ ведетъ къ началамъ временъ, менѣе сложныхъ и болѣе простыхъ. Въ противномъ случаѣ, по его мнѣнію, никакой не будетъ пользы отъ собора. Вѣра, въ глазахъ патріарха, совершенно удовлетворительно опредѣлена. «Если кто-либо изъ епископовъ западныхъ, статься можетъ, имѣетъ какія-либо сомнѣнія относительно того или другаго изъ ихъ ученій, и желаетъ имѣть

1) Т. е., разумѣется, догматовъ произвольно придуманныхъ.

onférence, то пусть ихъ сходятся между собою и, хоть по цѣлымъ ямъ, препираются другъ съ другомъ. У насъ нѣтъ подобныхъ инѣній относительно преданнаго намъ и неизмѣнно сохраняюща-ся у насъ знамени вѣры». Нѣтъ ли и другихъ какихъ-либо браній (Assemblies), кромѣ папскаго собора, которымъ также слѣ-вало бы воспользоваться этимъ дивнымъ совѣтомъ патріарха? о правда, онѣ миновали ту скалу, отъ которой оберегаетъ насъ тріархъ, но онѣ слишкомъ близко подошли къ ней и лишили бя безопасности. Въ послѣднее время въ извѣстныхъ партіяхъ итанскихъ чорчменовъ слышались разные вопли,—требовали но-ыхъ опредѣленій то того, то другаго пункта ученія, которые су-ествующимъ у насъ штандартомъ вѣры оставлены безъ опредѣ-нія. Чорчмены, имѣющіе болѣе терпимости, чѣмъ другіе, могутъ, ынѣ, укрываться подъ досточтимый авторитетъ константинополь-аго патріарха. И намъ должно бы было и, безъ особеннаго уда, можно бы было держаться этого благоразсуднаго пути (judi-ous course): патріархъ, на самомъ дѣлѣ, in fact, далъ краткое исаніе тѣхъ самыхъ началъ, по которымъ, какъ хвалятся англій-іе чорчмены, ведена была наша реформація 1). То правда, ь дѣлѣ опредѣленія той точки, къ которой намъ должно обра-ться и пойти назадъ, не малую разность дѣлаютъ два или три олѣтія; но и то уже что-нибудь да значитъ, а именно — при-ать, что истинная реформа церкви состоитъ въ ограниченіи или ь огражденіи (Retrenchment), а не въ дальнѣйшемъ развитіи (Deve-pment).

Очевидно, папѣ не посчастливилось съ тѣми письмами, съ ко-орыми онъ обратился къ лицамъ, чуждымъ общенія съ нимъ. Письма эти одно только явили міру, а именно, — что весьма, есьма велико и значительно число разномыслящихъ съ нимъ. селенскій этотъ соборъ, на которомъ не будетъ ни англиканъ, и протестантовъ, ни греческой церкви, въ опасности,—въ опас-ости сдѣлаться смѣшнымъ. По этому собранію (Assemblage), ко-орое имѣетъ быть въ слѣдующемъ году, міръ, въ самой вещи, знаетъ просто-на-просто только то, что церковь, надъ которою

1) У автора имѣются въ виду препирательства богословскихъ артій и, неизбѣжно, сопрягаемое съ ними „odium theologicum." *Перев.*

предсѣдательствуетъ папа, есть церковь болѣе, чѣмъ когда-либо, римская, и менѣе, чѣмъ когда-либо, каѳолическая. Она соберется для того только, чтобъ поставить еще новую преграду между собой и остальнымъ христіанствомъ, чтобы примиреніе сдѣлать еще болѣе безнадежнымъ, чѣмъ когда-либо, и прибавить еще нѣсколько проклятій къ ея длинному списку отлученій. При видѣ такого зрѣлища, дѣйствительно отрадно знать, что представители другихъ церквей, не менѣе именитые, могутъ говорить тономъ—болѣе братолюбивымъ и болѣе разумнымъ (rational).“

Перев. Прот. Евгеній Поповъ.
(Христ. Чт.)

ПИСЬМО ВОСПИТАННИКА ВОЛЫНСКОЙ ДУХ. СЕМИНАРІИ АРХІЕПИСКОПУ АГАѲАНГЕЛУ И ОТВѢТЪ НА ОНОЕ.

Воспитанники волынской семинаріи поднесли высокопреосвященному Агаѳангелу слѣдующее письмо: Высокопреосвященный владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! Святый Поликарпъ, епископъ смирнскій, по чувству любви и благодарности, до того былъ признателенъ къ своему учителю святому Іоанну Богослову, что чрезъ всю свою жизнь онъ не могъ забыть его, всегда живо представлялъ его подвиги, ученіе, даже внѣшній видъ его и это служило ему особеннымъ услажденіемъ въ жизни. Такимъ же чувствомъ любви и благодарности наполнены наши сердца къ тебѣ, милостивѣйшій архипастырь и отецъ, за твои истинно родительскія о насъ заботы, труды и попеченія. Благодѣтельную руку твоихъ милостей и щедротъ мы видѣли и ощущали всѣ. Благоволи же позволить, намъ, чадамъ твоимъ, излить предъ тобою нашу искреннюю, горячую, сыновнюю любовь и признательность къ тебѣ въ настоящій день,—день ангела твоего,—въ день столь радостный и торжественный для тебя и для насъ, и привѣтствовать тебя съ симъ торжествомъ.

«Но сознаемъ, что выраженіе этихъ чувствъ словами недостаточно для насъ. Какъ ѳиміамъ усердія, какъ залогъ дѣйствительной любви и признательности къ тебѣ всѣхъ насъ, недостойныхъ чадъ твоихъ, пусть будетъ приношеніе тебѣ этой святой Иконы; пріими сей даръ съ отеческою благосклонностію. Молимъ

же, чтобы тебя, осѣняемаго благимъ твоимъ ангеломъ хранителемъ, всеблагій Богъ сохранилъ на многія лѣта, да удостоимся мы еще получать отъ тебя святительское благословеніе и преизбытокъ благодѣяній. Живи же, милостивѣйшій архипастырь и отецъ, живи для насъ, для нашего счастія и благоденствія!

Чада вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца, воспитанники волынской духовной семинаріи.»

— *На письмо это собственноручно отвѣчалъ его высокопреосвященство воспитанникамъ волынской духовной семинаріи слѣдующее:*

«Возлюбленныя дѣти! Письмо и образъ, присланные вами, весьма тронули меня. Любовь ваша есть награда и утѣшеніе для меня среди тяжелыхъ трудовъ: потому что любя меня, вы любите Іисуса Христа—вѣчнаго архіерея, котораго образъ ношу и въ себѣ; а любя Сына Божія, вы любите истину и добродѣтель. Радуясь, что сѣмя слова Божія, изучаемаго вами, даетъ вожделѣнные плоды. Возрастайте въ разумѣніи божественной мудрости, чтобы содѣлаться впослѣдствіи близкими сотрудниками моими въ дѣлѣ созиданія церкви!

Миръ и благодать Божія да будетъ съ вами! Искренно любящій васъ Агаѳангелъ, архіепископъ волынскій и житомирскій.

(Мин. Гуд. Вѣд.).

НІЕ 3-ой кн. „Вѣстника Западной России“ за 1869 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

СОДЕРЖАНІЕ 3-ей КН. „ВѢСТНИКА ЗА...

ЗА 1869 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.